

Утилизатор

Гром трещал ещё далеко, поэтому Марк решил, что успеет. Кинулся в узкий проулок, слишком тёмный после изнурительного солнца. Несколько шагов — и вот проспект, закатанный в серый бетон, от которого жар, как от гриля. Здесь солнце ещё ярче, но здесь же автоматы с водой. Вытянул из нагрудного кармана кредитку, сунул в узкую прорезь холодильника. Механизм загудел, по корпусу побежали волны вибрации. Марк считал капли пота, они срывались с подбородка и беззвучно падали на бетон.

Через семь капель автомат всхрипнул и выплюнул пластиковую бутылку. Марк растопырил пальцы, собираясь схватить, но в этот момент на плечо ему опустилась тяжёлая пятерня.

— Не слышал предупреждения? — Ожгло ухо хриплым дыханием.

Марк медленно повернулся. Несмотря на жару, по коже рассыпались мурашки.

Перед ним стоял полицейский. Здоровенный детина в светоотражающей форме и чёрных очках на пол-лица. Чуть поодаль прохаживался ещё один, он то и дело поглядывал на оставленную на другой стороне улицы машину, в которой можно спрятаться от чёртова небесного фонарика и врубить кондишку.

— А? — только и смог выдавить Марк. Не то что бы слишком боялся копов, но неожиданность их появления заставила начисто забыть человеческую речь.

— Гуляешь, говорю, долго, — повторил полицейский и поправил кобуру. — Предупреждение слышал?

Марк замотал головой. Мысли бились в мозгу испуганными птахами, он пытался понять, о чём твердит коп.

— Гроза идёт. — Полицейский покосился на небо. Тучи пока не появились, но в этот момент снова грянул гром, теперь мощнее, басовитей. — Говорят, в это раз какая-то особокислотная.

— Понял, — выдохнул Марк и собрался вновь юркнуть в проулок.

— Эй, — окликнул его тот же голос, — воду не забудь.

Марк схватил бутылку и помчался домой. Следовало поторопиться, грозы налетают быстро, а среди них попадают такие, что не дай бог оказаться на улице. Он помнил, во что превратилась кожа соседского паренька после одного из таких дождей. Родители спустили на его спасение все кредиты, но несчастный всё равно умер. В страшных мучениях — Марк слышал, как тот кричал сутки напролёт.

Солнце словно задёрнули тёмной шторой — столь стремительно налетели грязножёлтые тучи. Но Марк уже распахнул дверь квартиры.

Он смотрел на дождь из окна. Продолжал громыхать гром, вспышки молний отражались в стёклах дома напротив. Это первый в этом году кислотный дождь, хотя только начало июня, поэтому, наверняка, не последний. То, что льющиеся с неба потоки именно кислотные, Марк понял сразу: с рекламного плаката на пересечении дворов исчезли все надписи. Плакат повесили ещё зимой, так что продержался довольно долго.

А потом он увидел ворону. Птица летела вдоль улицы, отчаянно молотя крыльями, маховые перья облезли и походили на пальцы костлявой старухи. Похоже, ворона торопилась под навес православного храма, разглыбившегося на пересечении улиц, — многочисленные пустоты его архитектуры стали прибежищем для множества пернатых. Не дотянула какой-то дюжины метров. Вздогнула, раскрыла клюв и закувыркалась вниз. С такого расстояния звук не мог достичь ушей, но Марк убедил себя, что расслышал мокрый шмяк, от которого сердце заухало филином.

Марк не помнил растущие во дворах деревья, те погибли задолго до его рождения. Дед рассказывал, что ещё мальчишкой застал целые цветущие скверы, как в оранжереях. Но Марк не верил, как такое может быть, чтобы растения жили под открытым небом?

Со школьных уроков он знал: когда-то Земля была заселена почти полностью. Было

много стран, даже какие-то совсем экзотичные, на юге. Теперь страна одна — островки пригодной для жизни территории, объединённые одним языком и правительством. И одним Центральным ядром — суперкомпьютером, который вычисляет, как эффективнее выживать. ЦЯ упрятано в подвалы Женева, там же — в Женеве, а не в подвалах — протирают зады правители во главе с Председателем.

— Прекращай в окно пялиться, пойдём кушать! — позвала мама.

Марк втянул ноздрями кислотоватый запах дождя, тот пробивался даже через плотный стеклопакет, и вышел из комнаты.

— Я что-то пропустил? — Он указал на заставленный многообразной снедью стол. Отец и сестрёнка Линда уже заняли места на стульях.

Мама заметно смутилась, даже покраснела.

— Ну как же, — сказала она, — последние выходные перед...

Она не договорила. Но Марк понял. Действительно, вторая суббота июня — экзамен. Каждый гражданин старше восемнадцати должен его пройти. Точнее, всё решено заранее, человеку просто сообщают результат. Достаточен ли твой «коэффициент полезности» перед обществом. Вшитый ещё при рождении чип записывает каждое твоё действие, после чего отправляет в ЦЯ. Марк не помнил, сколько баллов гарантирует ещё один благополучный год, да это и не имеет значения, потому что прошлогодняя информация могла устареть, а новая планка появится только после оглашения результатов нынешнего. Главное, не попасть в последние десять процентов. Именно столько совершеннолетних отправляется в «утиль». Мало кто знает, что это означает, только «списанных» больше никто не видел.

Поток воздуха из кондиционера смешал запахи блюд в один пряно-копчёный. Марк сглотнул слюну, плюхнулся на стул.

— Скоро и тебе, Линда, предстоит экзамен, — подал голос отец. Глаза за стёклами очков странно поблёскивали.

— Угу, — кивнула та, метаясь вилкой в золотистую куриную ножку. — Два года осталось...

Линде семнадцать, неделю назад окончила школу и теперь ждёт назначения на работу. Пока может и не думать об утилизации. А вот Марку почти двадцать, и это будет второй для него экзамен. Прошлый помнит смутно: ряд компьютеров, проверка сетчатки, потом — узкий коридор, из которого вываливаешься на задний двор, ничего не понимающий, и только лупаешь глазами на таких же счастливиц.

— Как узнать, сдал-не сдал? — спросил он первого попавшегося мужчину лет сорока.

Тот усмехнулся:

— Раз ты здесь, то сдал. Иначе б не вышел.

Поразмышлять на эту тему Марк не успел, его вытянули из толпы едва знакомые люди, потащили в ближайший кабак. Напился он тогда как следует.

Выдохнул, отбрасывая воспоминания, принялся за еду.

Неделя прошла как обычно, хотя многие из коллег — Марк трудился на линии упаковки, запаивал в полиэтилен наборы разовой посуды — шпарили в поте лица, надеясь в эти последние дни поднять коэффициент полезности. Придурки, подумал он, весь год бьют баклуши, а теперь вкалывают, как проклятые. Раньше надо было думать. Впрочем, сам он тоже не слишком-то старался, как-то не принято в его возрасте думать о плохом. Это уже ближе к пенсии народ начинает мандражировать — силёнки-то уже не те. Хотя много ли тех, кто дотянет до пенсии? Учитывая тот факт, что возраст выхода на пенсию один в один совпадает со средней продолжительностью жизни. Центральное ядро железняка умная, соки выжимает — мама не горюй, вот и вкалывают бывшие сапиенсы до самого деревянного макинтоша.

На главную городскую площадь повезли автоматы, торговля шла бойко. Люди старались отвлечься от гнетущих мыслей, поэтому пускались во все тяжкие, но в рамках

закона, всё-таки испортить показатели в последний день — верх безумия.

Стоянка была забита машинами, между которыми, как щуки среди карасей, вяло прокатывались броневики службы утилизации. Их серые коробки с узкими глазками-бойницами заставляли шарахаться зазевавшихся прохожих и притягивали взгляды тех, кто уже занял место в очереди на экзамен.

Марк попытался представить ситуацию, когда вся эта масса людей, а на площади собралось тысяч пять, вдруг взбунтуется и откажется входить в здание Проверки. Он зажмурил глаза. Воображение тут же нарисовало вспышки выстрелов, вопли раненых. Наверное, кто-то успеет вырваться, кому-то удастся даже перевернуть, а то и поджечь броневик-другой. Только смысл? К тебе придут домой. К *каждому* придут домой. Наверное, если представить масштабный бунт, революцию, то система может не пойти на тотальное истребление людей и всё-таки поменяет закон, а то и вообще отменит экзамен. Вот только многие ли готовы пожертвовать собой ради необязательной победы? Марк решил, что он не готов.

Родители отправились на экзамен ранним утром, Марк тогда ещё спал. Его попытались будить, но он огрызнулся и пригрозил вообще не пойти. От него отстали. Явился на площадь ближе к обеду, в самое пекло. Зато предков и след простыл.

Заняв место, он без особого интереса пробежал глазами палитру шмоток – народ на экзамен наряжается, как на свадьбу, тащат их гардеробов всё самое яркое и безвкусное.

Перед ним стояла девица с фиолетовыми волосами и глазами навывкате. Похожа на куклу-утопленницу. Марк подумал, что лучше разглядывать эту попугаистую особу, чем коситься на броневики.

Спустя какое-то время та заметила его взгляд.

— Чё, готов пойти на котлеты? — спросила она и показала ряд крупных белых зубов. Солнце выбивало искры из переливчатых стразов, солнечные зайчики от них то и дело попадали Марку в глаза.

Он сделал неопределённый жест.

— Может, пронесёт. — Пытался выглядеть развязно, но не был уверен, что выходит правдоподобно.

— Ага. Два раза! — хохотнула та, — Думаешь, получится до пенсии держать бога за яйца? Ладно, расслабься. Все там будем. Если только и думать о том, что на выходе поджидает палач в капюшоне и с топором, долго не протянешь — склеишь ласты от инфаркта. Верно говорю?

Марк неуверенно кивнул:

— Похоже на то.

А ведь это характерная людская черта, подумалось вдруг, — начисто игнорировать повседневную опасность. Видимо, мозг устаёт быть всё время начеку и подсовывает хозяину задачи попроще и понасущней.

Сколь бы медленно ни двигалась очередь, настал черёд Марка переступить порог просторной аудитории с табличкой «Экзамен». Он подошёл к свободному компу, подождал, пока сканер идентифицирует сетчатку.

«Марк Ф. Подрабинек», — высветилось на экране. — «Экзамен пройден. Выход через коридор № 3».

Марк поискал глазами и тут же увидел нужную цифру.

Дверь отъехала, едва он оказался в полуметре. Узкий коридор вывел в мрачный зал, освещённый красноватыми светильниками-шарами. Удивиться Марк не успел, потому что из полумрака тут же соткался невзрачный субъект в сером костюме. Он указал на ещё одну дверь, на этот раз без всяких табличек:

— Пройдёмте.

Марк повиновался.

— Присаживайтесь, — сказал серый, когда они очутились в крохотном кабинете без окон. — Меня зовут инспектор Кротов.

— Марк, — прошелестел Марк пересохшими губами. Похоже, он вляпался в неприятности.

Кабинет выглядел скверно, от стен исходил запах курева и стойкого перегара. В подвесном потолке зияли квадратные дыры, а сами отвалившиеся плитки сиротливо ютились между полкой для бумаг и громоздким сейфом, покрытым похожими на лишайники пятнами ржавчины.

— Сразу к делу, — строго сказал Кротов. — Экзамен вы провалили. Ваш коэффициент полезности ниже установленной минимальной планки.

— Но как же, — вскричал ошарашенный Марк, — компьютер написал «экзамен пройден»!

— Пройден, в смысле окончен. Реальный результат не сообщается во избежание. Теперь уже секрета нет, у вас пятьсот сорок девять баллов.

Послышалось тонкое жужжание, а через секунду упитанная муха спикировала Марку на рукав. И тут же начала потирать лапки, поблёскивая золотисто-зелёной спинкой.

— Итак, вы, гражданин Подрабинек, списаны в утиль. Но всё не так плохо. Дело в том, что до заветной черты вам не хватило всего одного балла. Подобная ситуация оценивается Ядром как пограничная, и решение судьбы гражданина предоставляется инспектору.

Муха сделала пару ленивых шажков по ламинированной столешнице, растопырила крылышки и улетела.

Марк смотрел на красную папку, по которой выстукивали пальцы собеседника, и пытался понять, как быть дальше. Ему подумалось, что если Кротов поднимется из-за стола и вытянет из ящика мясницкий нож, Марк будет так же смотреть перед собой, ожидая, когда ему выпустят кишки. И даже после этого останется сидеть, пока не потеряет сознание от потери крови.

Кротов приподнялся, потянул ручку ящика. Марк почувствовал, как сжалось сердце. Но вместо тесака инспектор выудил чистый лист бумаги.

— Пишите, — приказал он и указал на стакан с десятком гелевых ручек. — Я, такой-то, согласен на зачисление меня в штат комитета по утилизации.

Марк выпучил глаза.

А на следующий день уже сидел в учебном классе с десятком таких же напуганных курсантов. Восемь парней и три девушки, все в одинаковой серой форме, которую выдали ещё с вечера.

После ознакомительных занятий группу направили в медкабинет. Полная диагностика, анализы. Очкастая врачиха размахивала подозрительного вида инструментами, отчего походила на обезумевшего садиста. Под занавес процедуры, которая длилась чуть дольше вечности, за ухо Марку вживили чип.

— Зачем? — запротестовал он, — у меня есть такой.

— Не такой! — отрезала врачиха, стёкла очков недобро сверкнули. — Теперь ты под полным контролем. Будешь ерепениться — один импульс и вот уже намазываешь на хлеб собственное дерьмо.

— В смысле? — не понял Марк.

— Дурачком станешь. Так понятнее?

Ещё через две недели он получил удостоверение младшего сотрудника и миниатюрный шокер, мощности которого хватило бы свалить стадо слонов.

* * *

Родителей Марк больше не видел. Им сообщили, что сын переведён на секретную

службу. На самом же деле его отправили в другой город за две тысячи километров. Любая связь, кроме служебной, попала под запрет.

Первые полгода числился стажёром. Когда «клиент» оказывался не слишком вменяемым, подтирал с пола и стен кровь, после чего отправлялся за пивом для напарников — снимать стресс алкоголем в этой конторе не возбранялось.

А через шесть месяцев уже и сам бил морды, вырубал шокером. Даже броневиком удалось поуправлять, когда водитель накачивался сверх меры.

В тот июньский день Марк заслужил выходной. Радости не было предела, последние смены выдались — врагу не пожелаешь.

Накупил выпивки, истратил все припасённые талоны на закуску и курево, после чего откинулся в узком кресле и стал ждать вечера. Сегодня стукнул год, как стал утилизатором. Он планировал устроить небольшой сабантуй и по этому поводу пригласил парочку новых приятелей.

Обычно он не шибко сходилась с людьми. Но эти двое выглядели вполне дружелюбными. Похоже, они, как и Марк, не по своей воли стали утилизаторами.

На самом деле основная работа утилизаторов сводилась к тому, чтобы наводить безотчётный ужас на обывателей, потому что полиция с этой ролью справлялась куда хуже. Да, бывали моменты, когда особо неэффективных индивидуумов приходилось забирать и досрочно списывать в утиль, но самые жаркие денёчки — это время экзамена. Вот тогда-то приходилось трудиться в поте лица. Потому что не все готовы принять приговор Ядра. А кто-то и вовсе, заранее догадываясь о результате, ударяется в бег. Таких приходится вылавливать, благо чипированы все с младенчества, и отправлять в утиль. Каким образом система разбирается со списанными, Марк не знал. Пару раз он заикнулся вопросом на эту тему, но ему ясно дали понять — лучше держать язык за зубами.

Ровно в три часа дня раздался звонок.

— Инспектор Подрабинек, — динамик зашелестел столь официальным тоном, что Марк не сразу угадал голос старшего инспектора Санчеса, замначальника отдела, в котором числился Марк. — Срочно явитесь в рабочий кабинет.

Губы шевельнулись послать Санчеса куда подальше, но Марк заставил себя заткнуться.

— Слушаюсь, — пробурчал он и кинулся к шкафу.

В кабинете шефа, на обитой дерматином кушетке сидел незнакомый тип средних лет. Судя по тому, что расположился по-свойски, а пальцы сжимают мундштук дымящейся сигареты, Марк понял, незнакомец важная шишка. Впрочем, инспектор Санчес не счёл нужным представить гостя. Марку даже не предложили присесть, он так и остался топтаться у входа и вдыхать аромат дорогого табака, к которому помешивались нотки добротного парфюма.

— Ты знаешь, — сказал шеф, — вчера был день экзамена.

Марк сдвинул брови:

— Ну да, я же сам обеспечивал безопасность...

— Так вот, — перебил Санчес, — у тебя новое задание. Секретность максимальная. Сегодня же, после инструктажа, отправишься в Женеву.

Марк присвистнул. Бывать в столице ему не доводилось.

— Твоя цель, — продолжал Санчес, — Председатель Кевин Лю.

У Марка отвисла челюсть. Лю — руководитель государства, самый главный в стране, главное него только Центральное ядро. Срань господня, подумал он, «задание» чертовски смахивает на подставу. «Или на проверку», — прозвучало в голове.

Инструктировали Марка уже в дороге. Громадный лайнер без труда рассекал встречные потоки воздуха, мощные двигатели передавали салону ощутимую вибрацию.

Они расположились в кабинке вип-салона, здесь было четыре шикарных кресла, мини-

кинотеатр и стеклянный бар, до отказа забитый выпивкой. Марк занял место у иллюминатора, рядом пристроился блондинистый крепыш, который представился как Гарри Бэйкер. Выглядел этот Гарри крестьянином из британской глубинки — бледная кожа, уляпанная веснушками, по-детски приоткрытый рот и наметившиеся, несмотря на юный возраст, мешки под глазами. Напротив них сидел тот самый тип из кабинета шефа, только теперь он сменил дорогой пиджак на гавайскую рубаху, а вместо сигареты вертел в пальцах золотую зажигалку. Он, наконец, изволил представиться, назвавшись господином Ивановым.

— Можно просто командор, — добавил он с непонятным смешком.

Четвёртое кресло осталось пустым, если не считать легкомысленного рюкзака, принадлежавшего господину Иванову. Судя по всему, тот решил не изобретать велосипед и явиться в столицу в образе придурковатого туриста.

— Нам выдадут оружие? — спросил Гарри Бэйкер, когда стюардесса, расставив чашки с дымящимся кофе, закрыла за собой дверь.

— У вас нет шокеров? — приподнял бровь господин Иванов.

— Я имел в виду настоящее оружие, Председатель всё-таки.

— Нет. Это штатная операция, ничего особенного.

— А не маловато людей? — не унимался Гарри. Он покосился на Марка.

Господин Иванов сдвинул брови.

— Ты сколько уже работаешь? — ответил он вопросом на вопрос.

Гарри хлопнул ресницами.

— Полтора года.

— И сколько вас в патруле?

— Трое, если считать с водителем.

— То есть, принимаете клиента, как правило, вдвоём, так? — командор двумя пальцами поднял чашку, сделал глоток.

— Э-э... Так, — согласился Гарри. Марк боковым зрением видел, как у того от умственного напряжения лоб пошёл складками.

— Хорошо, — сказал господин Иванов, то ли оценив качество напитка, то ли отдавая должное сообразительности подопечного. — Так почему же думаешь, что Председатель — такая цаца, которая нуждается в почётном полку?

Гарри надул и без того немалые щёки, потупился.

И командор изложил план операции, который в двух словах сводился к тому, что Марк с Гарри должны явиться в здание правительства (допуск уже санкционирован), подняться на третий этаж и предъявить Кевину Лю решение Центрального ядра. После чего спокойно отвести того в поджидающий у входа броневик и доставить в местный отдел службы утилизации.

Марк подумал, что всё слишком просто, чтобы пойти по плану. Он не представлял, насколько нострадамусной оказалась его догадка.

Летели довольно долго, успели поговорить и на отвлечённые темы. Командор хоть и выглядел дядькой суровым, на вопросы отвечал охотно, особенно те, что не касались предстоящего дела.

— Может ли Ядро ошибиться? — неожиданно даже для себя спросил Марк.

Гарри прыснул, покачал головой. С тем же успехом он мог покрутить у виска.

Командор призадумался, посмотрел на дно пустой чашки.

— Думаю, может, — наконец сказал он.

Гарри снова захлопал ресницами, точно телёнок перед волком.

— Все мы, — продолжал господин Иванов, — набор информации. Центральное ядро создано по нашему подобию. Конечно, оно рассудительней любого из двуногих, к тому же постоянно совершенствуется... Но всё-таки ошибки не исключены. Слишком сложна жизнь, слишком противоречива поступающая информация, а мы знаем, точность результата зависит от качества вводных.

— То есть, существует вероятность не просто небольшой ошибки, как, например, мой недобор баллов. Неверной может быть вся нынешняя система?

— Это ты загнул, — засмеялся командор, но как-то уж очень натужно. — В глобальном плане ни один человек, да что там — ни одно сообщество людей не предложило модель более совершенную, чем та, что имеем теперь. Вам, молодым, не понять, но в былые времена жили иначе. Я про те годы, когда начались катаклизмы. Война всех со всеми, паника. Законы перестали существовать как явление. Анархия. Хаос. А всё потому, что люди потеряли ориентиры. Землетрясения, кислотные дожди — это стало реальностью в доселе райском мире. Изменение климата, опустынивание земель. Теперь мы и десятой части не заселяем от того, что было каких-то сто лет назад. И тут Ядро предложило выход.

— Хорош выход, — проворчал Гарри. — Каждый год гробить десять процентов населения.

Командор пожал плечами:

— Ничего хорошего. На взгляд обывателя. Но подумайте, что было бы, появись Ядро на пару сотен лет раньше. Если б уже тогда каждое наше действие оценивалось по шкале эффективности, может, и не было такой задницы, как сейчас. Бесполезные члены общества не тянут соки из дряхлеющего тела цивилизации, впереди — развитие и процветание, а значит готовность к любым неприятностям, в том числе и самым масштабным. А издержки — без них никак. Лес, как говорится, рубят...

Марк не совсем понял метафору про лес, хотя бы потому что на его памяти живые деревья встречаются только в оранжереях и никто их не рубит. Но общий смысл уловил.

* * *

Женева встретила приятной прохладой — над столицей минимум раз в неделю распыляют реагенты, конденсирующие влагу, которая скапливается в плотные облака. Командор горячо распрощался с подопечными, крепко пожал обоим руки, а Марку ещё и подмигнул. После чего накинул на плечо рюкзак и отправился ловить такси.

Марк же с Гарри погрузились в поджидающий на стоянке аэропорта броневик местных утилизаторов и минут за двадцать домчали до здания правительства.

Сначала всё шло как по маслу. Броневик скрипнул тормозами в шаге от парадного входа. Марк и Гарри выбрались наружу и направились вверх по широченной мраморной лестнице. Наверху, возле массивной двери их встретили двое охранников, ряженых, как масленичное чучело, одни красные папахи чего стоят.

Марк сглотнул и предъявил карточку.

Один из охранников провёл по ней миниатюрным терминалом, молча кивнул и отошёл в сторону. Дверь почти закрылась за спинами прибывших, когда Марк уловил полное безразличия восклицание:

— Утилизаторы!

Он усмехнулся. За год работы успел привыкнуть к ненависти. Как-то раз в него даже плюнули, да так смачно, что пачки салфеток не хватило оттереть зловонную слюну. Это была дряхлая старуха, за ней команда Марка приехала по просьбе полиции. Дело в том, что почтенная бабуля взяла за привычку выливать ночной горшок прямо на головы проходивших под её балконом стражей порядка. По-первости думали, случайность. Старушку журили, на том дело и заканчивалось. Но пятое по счёту прилюдное опорожнение ночной вазы оказалось последним. Напарник и командир Марка прочитал бабуле обвинительное заключение. Марк потянул к арестованной руки. И в тот момент старушка точно сошла с ума: её затрясло, как неверно установленную стиральную машину, она взвыла и что есть мочи харкнула Марку в лицо. Желтоватая слизь залепила глаза, набилась в нос и даже попала в рот, когда тот извергал запас проклятий.

У кабинета Председателя остановились. Рядом с дверью за угловым столом

расположился секретарь, больше похожий на боксёра-тяжеловеса. Заметив прибывших, он изогнул бровь.

— Чем могу помочь? — спросил таким тоном, словно пригрозил навешать люлей.

Марк непроизвольно коснулся кармана с шокером.

— Полегче, дядя, — весело сказал Гарри. Похоже, ему начинала нравиться роль неприкасаемого чекиста. — Зови шефа.

Секретарь-боксёр привстал, очевидно, намереваясь вбить слова шутника обратно в глотку.

— Служба утилизации, — поспешил изречь Марк и протянул карту.

Громила замер, но садиться не спешил.

— По какому вопросу?

— Вопрос вне вашей компетенции.

Тот пару секунд помедлил, потом нехотя поднял трубку:

— Господин Лю, к вам посетители. Из утилизации.

Выслушав ответ, секретарь вяло кивнул на дверь.

— Будь паинькой, — покровительственно сказал Гарри и первым направился к инкрустированной золотом двери. Марк поспешил следом.

Председатель оказался точь-в-точь таким же, как выглядел по ящику. Долговязый шатен с пепельной бородкой и немного раскосыми глазами.

После короткого приветствия Марк сообщил причину прибытия.

Вопреки ожиданиям, Кевин Лю ни одним жестом не выказал испуга или хотя бы удивления.

— Могу я проверить по своему каналу? — проговорил он после короткой паузы.

Марк не возражал.

Пока Председатель щёлкал клавишами компа, Гарри разглядывал картину с древним пейзажем, на фоне которого развалилась пышнотелая девица. Из одежды на толстухе был только перстень с красным камнем на безымянном пальце.

— Итак, всё верно, — подал голос хозяин кабинета. — Ну что ж, ведите.

— Можете прихватить вещи, — разрешил Марк и незаметно выдохнул. Он и не думал, что выйдет столь гладко.

— Зачем? У меня всё с собой.

Они без проблем миновали озадаченного секретаря, забрались в лифт.

И вот тут всё пошло наперекосяк.

Лифт неторопливо полз вниз. Красная цифра, указывающая этаж, с тройки сменилась на двойку, затем пришёл черёд единицы.

Марк приготовился выходить, но кабина продолжила движение. Распюснутым бубликом промелькнул ноль, затем его место занял единичка с минусом. Лифт остановился, но двери разъезжаться не спешили.

Марк посмотрел на Гарри, Гарри — на Марка. Потом оба — на арестанта.

Тот развёл руками:

— Здесь нет связи, даже Ядро бессильно.

— Что это значит? — насупился Марк. Пальцы коснулись рукояти шокера.

Лицо арестанта оставалось невозмутимым.

— Клиент обещает хорошо себя вести. Если отпустим, — усмехнулся Гарри. Он продолжал шутить, но дрожь в голосе выдавала с потрохами истинное состояние.

— Почти так, — согласился Председатель. — Однако же все понимаем, что сделай вы это, сегодня же отправитесь на улучшение.

Лифт мерно гудел, в воздухе витал едва уловимый запах гари.

Марк, ошарашенный случившимся, решил позволить арестованному выговориться, а уже исходя из услышанного, принимать решение.

— Логично, что я не горю желанием быть утилизированным, — заговорил Кевин Лю. — Я знаю, данный приговор не всегда означает смерть, но от этого не легче. Когда-то пост главы государства казался мне индульгенцией от карающей длани Ядра. Но задолго до сегодняшнего дня понял, что это не так — ни одна должность не позволяет стать выше системы. Как видите, будто в воду глядел.

Марк молчал. Гарри украдкой почёсывал затылок.

— Моё предложение такое, — продолжал Кевин Лю, и бородка его поблёскивала в свете софитов. — Здесь недалеко, в ангаре, у меня имеется самолёт. Не лайнер, конечно, но запас хода серьёзный. Еда, вода, медикаменты — полностью укомплектован. И переделан под ручной режим. Поэтому Ядро не сможет перехватить управление ни при каких обстоятельствах.

— И куда полетим? — осведомился Гарри. Он продолжал корчить шута.

Председатель сделал вид, что не заметил сарказма:

— На юг. Знаю, там условия, непригодные для жизни и всё такое. Но есть некие острова, где жить можно. Более того, вроде бы там есть люди. Конечно, Ядро засекретило информацию даже от меня, но тот, кто ищет, всегда найдёт. И я кое-что накопал.

Марк намеревался было оборвать пустую болтовню, но вдруг призадумался. Что его ждёт, если доставит сверженного Председателя в отдел? Премия, холодное «благодарим за службу», а потом всё по-старому, ежеминутное ожидание того, что придут и за тобой, а то и просто отключат дистанционно. Или проще — пулю в затылок, как нежелательному свидетелю.

Но с другой стороны, это же дезертирство. Более того — предательство. Это значит, никаких смягчающих обстоятельств и единственный возможный приговор.

Ну почему я должен делать этот выбор, размышлял он, и приходилось на рвущихся жилах держать себя в руках. В этот момент он люто завидовал сестрёнке Линде, которая пока и не задумывается об ответственности за каждый свой шаг.

— Что скажешь? — пробурчал Марк, обращаясь к Гарри. Для себя он уже всё решил. И, стараясь не привлекать внимания, вынул из кармана шокер.

— Эй, парень, ты что, серьёзно? — рассмеялся Гарри, разглядев выражение лица напарника. — Ну нет, меня в это дело не впутывай. Да нас же ещё на взлёте собьют.

— Не собьют, — успокоил Председатель. — Здесь всего один дивизион ракетчиков, защищаться-то не от кого. Да и тех буквально вчера я отправил на учения за триста километров. Военных самолётов, из тех, что на ходу, тоже не осталось. Ядро с каждым годом ужимает военные расходы, особенно с тех пор, как на планете осталась всего одна страна. Поэтому прорвёмся. Искать нас тоже вряд ли станут — слишком дорого.

Сколь бы крепкой выдержкой ни обладал арестант, в голосе его явно слышалось нетерпение. Но он тут же взял себя в руки, принял отстранённый вид.

Марк положил палец на кнопку спуска. Если напарник даст заднюю, придётся нейтрализовать.

Кевин Лю разглядывал ногти.

— Ладно, ваша взяла, — сдался Гарри. — Но если меня возьмут за филейную часть, я сдам тебя с потрохами! — Он пристально посмотрел на Марка.

— Не возражаю, — отозвался тот и вернул шокер в карман.

Двери лифта разъехались, и троица вывалилась в тёмный коридор, подсвеченный только небольшим аваринным фонарём. Несмотря на шум вентиляторов, от стен ощутимо тянуло плесенью. Кевин Лю торопливо шагал впереди, Марк с Гарри едва за ним поспевали.

Через пять минут оказались в просторном ангаре. У стен высились стеллажи с картонными коробками, две оранжевые цистерны с надписью «Огнеопасно» по борту и несколько железных бочек. В одном из углов притаилась пара оранжевых погрузчиков.

Но центральным экспонатом был, несомненно, самолёт — типичный представитель ближней авиации, рассчитанный на дюжину пассажиров. Снежно-белый, словно выточен из льда. Никаких опознавательных знаков, даже названия модели.

— Чтоб я сдох! – выдохнул Гарри. И застыл, как вкопанный, раззявив рот.
— Какая у него дальность? — недоверчиво спросил Марк.
— Я же сказал, он переделан, — отозвался Кевин Лю. — К тому же нас всего трое, а это заметное снижение нагрузки.

Уже перед самым трапом Гарри остановился.

— Чёрт знает, — сказал он. — Если честно, я не слишком доверяю нашему клиенту.

Марк и Кевин Лю, успевшие преодолеть половину ступенек, повернулись.

— Подумайте, какого дьявола вы теряете, — проворчал Председатель. — Эта система изначально порочна, вы же видите, даже тот, кто добился немислимых высот (это я о себе) запросто может быть списан в утиль. Если хотите моё мнение, Центральное ядро давно вышло из-под контроля, и сейчас реализует совершенно безумную программу.

— Но вы не рыпались, пока не запахло жареным, — прищурился Гарри.

— А это? — Кевин Лю ткнул ухоженным ногтём в сторону самолёта. Я с первого дня работы на этом посту начал готовиться к отступлению. К сожалению, у рядового гражданина вроде вас, такой возможности нет. Я не прав?

Гарри опустил глаза, тяжело вздохнул.

А спустя минут двадцать самолёт с тремя беглецами в кабине уже вырубивал на взлётную полосу позади здания правительства.

Кевин Лю оказался неплохим пилотом, разгон и отрыв прошли, как следует. На одобрительное восклицание Марка Председатель, теперь уже точно — бывший, ответил:

— Ну, я ж не совсем остолоп, каким выгляжу по ящику. Ещё будучи министром отучился в лётной школе. И не только в лётной. При некотором везении смогу построить действующую цивилизацию.

Гарри покосился недоверчиво, а потом спросил:

— Ну и как мы найдём эти ваши острова?

Пилот вытянул из кожаного портфеля сложенную вчетверо карту, развернул.

— Вот эти острова, — показал он. — Часа через полтора будем на месте. Останется только найти подходящую поляну и попытаться сесть.

— Что-то я не доверяю этой бумажке, — скривился Гарри.

— А я не доверяю приборам, которые контролирует Ядро. Бумага и вот это, — Кевин Лю растопырил пятерню, на которой лежал компас, — самый надёжный гаджет.

Облачность, искусственно собранная вокруг столицы, осталась позади. Внизу мелькали заброшенные и действующие городки, нити дымков тянулись до самого неба и терялись в его бесконечности. А на горизонте белыми кристаллами сверкали в полуденном солнце макушки западных Альп.

Марк переводил взгляд с напарника на пилота и обратно. Наверное, подсознательно пытался понять, как вести себя в столь неординарной ситуации. Но мозг явно сбоил. Потому что Кевин Лю выглядел спокойным и сосредоточенным, время от времени сверялся с компасом и картой, удовлетворённо кивал. Гарри, напротив, сидел, как на иголках, то и дело вскакивал или вытягивал шею, пытался разглядеть, что творится позади самолёта.

— Ты чего? — спросил Марк.

— Да мало ли — преследуют...

— Я же сказал, гнаться за нами просто некому, — не поворачиваясь, проговорил пилот.

— Верить политику? Да ещё и беглому? Я вас умоляю! — Гарри фыркнул. — Если на то пошло, я до сих пор считаю наш побег авантюрой.

— В которой участвуешь добровольно, — закончил за него Кевин Лю.

Лицо толстяка побелело, отчего веснушки проступили ещё отчётливее.

— Вообще-то я видел, что мой дорогой напарник собирается обратить меня в кучку пепла. — Он повернулся к Марку:

— Да-да, как ты ни прятал, шокер я разглядел. И смотрел он прямёхонько в мою

печень.

Марк почувствовал, как лицо наливается краской. Собирался возразить, но передумал, чтобы не выглядеть глупо.

В этот момент из-за горизонта вынырнула и стала растекаться бесконечная водная гладь.

Пилот надавил на штурвал, самолёт клюнул носом и стал снижаться.

— Туман, — пояснил Кевин Лю.

Марк пригляделся. Действительно, местами водную поверхность покрывают сероватые пятна, похожие на подвальную плесень.

— Вон земля! — заорал Гарри, прилипнув лбом к обзорному стеклу.

Пилот кивнул, подправил курс. Средних размеров остров посреди бесконечной синей глади стремительно приближался.

— Левее, вон там! — снова подал голос Гарри и даже затряс пилота за плечо.

Марк не мог поверить глазам. Выложенная бетонными плитами полоса. На аэродром не тянет, но всё лучше, чем рыхлая поляна. Никаких огней, и всё же подозрительно ровная, плиты не выворочены за многие годы бушующих на Земле бурь.

Шасси коснулись бетона, резкое торможение вдавило Марка в удерживающий ремень.

Остановился самолёт в самом конце полосы.

Рядом с шумом выдохнул Гарри.

Первым на поверхность ступил Кевин Лю. Втянул воздух — смесь запахов йода и серы, повернулся к парням:

— Ну же, смелей.

Марк последовал его примеру. Гарри замешкался.

И тут началась какая-то чертовщина.

Из-за раскиданных по краям бетонной полосы валунов показались фигуры существ, наряженных в жуткие лохмотья. Грязные, вооружённые чем попало, они лишь отдалённо напоминали людей.

Десяти секунд хватило, чтобы Кевина Лю и Марка оттеснили от самолёта, окружили плотным кольцом. Запах от дикарей исходил соответствующий их виду.

Когда на него накиннулись, Марк не сопротивлялся. Ужас сковал мышцы, мозг начисто позабыл о шокире, достать который хватило бы одного движения руки.

И тут на трап шагнул толстяк Гарри. Марк видел его поверх косматых голов дикарей. Неуловимым образом напарник-недотёпа преобразился. Вместо вечно приоткрытого рта — плотно сжатые губы, взгляд серьёзный, отстранённо-холодный. Даже пухлые щёки куда-то подевались, Гарри стал стройнее и даже на пару лет старше.

Марк не мог разобраться, что его больше ошарашило, появление дикарей или новый имидж напарника.

— Ну что, господа, с прилётом! — торжественно сказал Гарри, и губы его растянулись в улыбке. — Добро пожаловать на утилизацию.

Марк дёрнулся, но Гарри тут же распахнул куртку и вытащил пистолет. Даже с расстояния в несколько шагов тот выглядел внушительно.

Кевин Лю, которого, как и Марка, держали двое бугаёв, вырваться не пытался. Похоже, сразу смекнул, что партия проиграна.

— Итак, оглашаю вердикт, — продолжал Гарри. Теперь он меньше всего походил на того неуверенного в себе толстяка, который садился в самолёт. — Гражданин Кевин Лю, вы прибыли в пункт утилизации, согласно команде Центрального ядра. Ваша дальнейшая судьба зависит от их воли, — он обвёл рукой толпу оборванцев.

— А ты, — обратился он к Марку, — не прошёл испытание, подготовленное Ядром. И

тоже списан в утиль. А ведь имел крайне впечатляющие показатели.

Марк скрипнул зубами. Теперь, когда терять действительно нечего, страх, верной собакой сопровождавший его на протяжении жизни унёсся прочь, поджав хвост.

— Пошёл ты, вместе со своим Ядром! — выкрикнул он. — Думаешь, после сегодняшнего тебя оставят в живых? Хрена с два!

Плотно сжатые губы Гарри дрогнули и разъехались в улыбке. Он вернул пистолет на место, покачал головой:

— Дружище, ты живёшь в каком-то выдуманном тобою же мире. Полном коварства и злодеяний. Я даже завидую такому воображению. Чтоб ты знал, эта командировка у меня десятая по счёту. И ничего, цел и невредим. На самом деле система гуманна до невозможности. Если бы ты удосужился почитать историю, то смог без труда прикинуть, сколько людей погибло в год от разного рода неприятностей, включая суицид. Поверь на слово, это число куда больше десяти процентов. И это всё при потрясающей неэффективности труда. Так что порядок, предложенный Ядром, не просто благо — это спасение и надежда на земной рай.

Марка осенило.

— Ты псих, — сказал он. — Как и вся ваша контора. Один вопрос...

— Я слушаю.

— Эти острова и есть утилизация? Не слишком ли изоцирэнно?

— Острова — один из видов утилизации, — ответил Гарри. — Есть катакомбы и много ещё чего. Всё это — социально-биологические опыты, задуманные учёными, и просчитанные Ядром. Какой-нибудь из этих опытов может положить начало приспособлению человека к жизни в новых условиях. Тогда наступит конец отступлению перед агрессивно настроенной природой.

— И со всеми вы вот так возитесь?

— Разумеется, нет. Основная масса списанных в утиль просто ликвидируется. Так что вы двое — везунчики.

— И, да... — добавил он, уже собираясь вернуться в кабину пилотов. — У этих парней напряжёнка со жрачкой. Но всё в ваших руках: докажите им, что живыми от вас толку больше.

Он усмехнулся и растаял в темноте люка.

Через минуту самолёт вздрогнул, воздух наполнился гулом, переходящим в свист.

Вакати

1

— Слышал, Нгоа пропал?

Аскольд потёр глаза. Перед ним стоял Лима, темнокожий стражник. Такой же высокий, как Аскольд, но не столь широкий в плечах. За открытым пологом хижины серел рассвет.

— Куда пропал? — Сон отступал нехотя. Смысл услышанного, как Аскольд ни старался, до него не доходил.

— Ночью его не стало, — объяснил Лима. — Тагиз видел, как Нгоа вошёл в шатёр...

— В шатёр? К Вакати?!

Сон слетел, будто сдёрнули одеяло. Никто никогда не бывал в жилище правителя. Кроме, разумеется, наложниц. Пусть Нгоа и главный страж, но даже с ним Вакати разговаривает только через ширму. Или отправляет с распоряжениями одну из наложниц.

Лима кивнул. Тускло блеснул железный обруч на лбу.

— Может, Тагизу померещилось? — возразил Аскольд. — Он же вдвое старше нас с тобой. Да ещё с сонных глаз...

Лима покачал головой:

— Тагиз клянётся, что это был Нгоа. Да и у кого ещё есть ятаган? Нгоа шёл без факела, но этой ночью было полнолуние, светло, как днём. Я верю Тагизу.

Аскольд медленно поднялся с лежанки, потянулся за рубахой. Он один из немногих носил одежду (остальные ограничивались набедренными повязками), потому что его кожа плохо переносила солнце, в этих землях особенно злое.

Лима ждал, когда приятель оденется, в очередной раз дивясь необычной внешности: Аскольд выделялся песочно-белыми волосами и светлой кожей, которая на солнце становилась красной, а потом слезала, как змеиная шкура. Лима не раз бывал свидетелем того, как Аскольд, кривясь от боли, снимает кожу лоскутами. Да, туго приходится северянину в этих пышущих жаром пустынных краях.

Послышались торопливые шаги, и в дверном проёме появилась физиономия Салифа, совсем молодого стражника.

— Быстро! Всем к правителю! — запыхавшимся голосом выкрикнул Салиф и умчался прежде, чем приятели успели спросить, в чём дело.

На площади перед шатром правителя собрались почти все стражники. Опаздывающие подбегали, становились в строй. Не было только тех, чья очередь караулить рабов.

Люди перешёптывались, пожимали плечами. Было видно, что никто не в курсе, зачем их собрали в столь ранний час.

Шатёр, высоченный конус из верблюжьих шкур, окружён забором из всё тех же шкур, столбами служат связанные сухожилиями воловь кости — сказывается отсутствие деревьев. Правитель Вакати показывался редко, предпочитая пребывать в тени шатра, но иногда стражники могли видеть его прогуливающимся по двору. А несколько раз в год Вакати выходил к приехавшим из дальних земель купцам, покупал двух-трёх рабынь, уводил с собой. Остальными рабами и товарами занимался главный страж, он выбирал нужное, расплачивался с купцами «глазами орла», как называют в Макази¹ камень, который добывают рабы, принадлежавшие Вакати. Но лица правителя не видел никто. На людях он появлялся в сверкающих доспехах, голова замурована в золотой шлем с узкими прорезями для глаз.

Аскольд попытался подсчитать, сколько раз видел Вакати, но не смог. Перед глазами стояли только до блеска отполированные латы с гравировкой на груди: два льва встали на задние лапы, а между львами — песочные часы. Такой же рисунок он видел на развевающемся над шатром флаге.

Его толкнули в бок:

¹ Макази — посёлок (суахили).

— Гляди!

Аскольд поднял глаза. Через единственную калитку в заборе, опоясывавшем шатёр, вышла женщина. Точнее, выбралась. Она двигалась, расставив руки и то и дело оступаясь. Выше носа голову стягивала полотняная повязка с красными пятнами на месте глаз. Женщина всхлипывала, грудь при этом прерывисто поднималась.

Краешек солнца показался над горизонтом, и тут же прохлада капитулировала, уступив место наступающей жаре.

— Приказ великого Вакати! — выкрикнула женщина. Бледные пальцы вцепились в столб из воловьей кости, удерживающий калитку. Аскольд отметил сильный акцент, с которым наложница произносила слова.

Площадь затихла.

— Нгоа ушёл. Главным стражем назначен Аскольд!

Она разжала пальцы и кинулась назад к шатру.

Несмотря на исковерканные акцентом слова, своё имя Аскольд разобрал. Но понятия не имел, что теперь делать. Он просто стоял, чувствуя, как на висках выступают горячие капли, как текут по щекам солёные ручейки. Кожа на руках и лице начала зудеть. Солнце поднималось всё выше.

Наконец большинство стражников вышли из оцепенения, которое вызвал вид безглазой женщины, кинулись к Аскольду. Он слышал одобрительные возгласы, поздравления. Его хлопали по спине, трясли руку. Уже завтра большинство из них будет бояться поднять на него глаза, но пока что стражники видели в Аскольде равного, многие из них вместе с ним когда-то махали кирками в карьере, стоя по колено в вонючей жиже. И почти все они ненавидели Нгоа, с которым у самого Аскольда сложились вполне тёплые отношения. А теперь на смену иссиня-чёрному Нгоа пришёл он, вечно красный от солнечных ожогов северянин Аскольд, который два десятилетия назад оказался на земле Вакати в роли пятилетнего раба.

В его краях солнце было другом. Оно согревало и давало жизнь урожаю. Зимой, когда светящийся шар показывался едва-едва, люди мёрзли, кутались в шкуры животных, но всё равно дрожали от холода. Зато зимой с неба падал белый пух. Он тоже был холодным, но с ним так весело было играть. Тем более что летом играть некогда, надо следить за стадом и помогать взрослым на огороде.

Когда отец возвращался с удачной охоты, он был добр и весел. Пил вино, громко смеялся, отчего мать хмурилась и просила вести себя потише — здесь же, в избе, спали младшие дети. Тогда отец выводил старших во двор, учил стрелять из лука. У маленького Аскольда получалось не слишком, но отец всё равно хвалил, теребил за щёку и предлагал выпить вина. Кисловатый вкус с горчинкой Аскольд помнил до сих пор. От вина становилось ещё веселее, тогда отец учил детей драться на ножах. Однажды старший брат не успел увернуться, и лезвие распорол плечо. Было много крови. Они хотели утаить от матери, но та увидела повязку, рассердилась. И велела детям ложиться в постели. Аскольд в тот вечер долго не мог уснуть, слушая, как мать выговаривает отцу.

А потом пришли степняки. Мужчины выскакивали из хижин, многие не успели даже обуться. Бой произошёл за деревянной изгородью, поэтому Аскольд видел немного. Но потом засуетились женщины. Выглянув из хижины, Аскольд замер. Ворота были распахнуты настезь, в них врвалась цветастая конная масса. Он слышал, как вскрикнул и навсегда затих его младший брат, который родился в прошлом месяце. Увидел мать с окровавленным тесаком. Потом мать сдёрнула со стены боевой топор, крикнула детям:

— Хватайте ножи!

И выскочила навстречу врагам.

Стал бы сейчас Аскольд сопротивляться или попытался убежать? Он не знал. Но тогда он выбрал единственный верный для его народа путь. Выхватил из деревянного ящика кухонный нож и кинулся следом за матерью.

От конной массы отделился один воин, остановился в двух шагах от Аскольда. Одетый,

как скоморох, в разноцветное тряпье, верхом на низенькой коричневой лошадке. Раскосые глаза смотрели с любопытством.

Аскольд выставил нож перед собой, зубы оголились в оскале. Конный разбойник изогнул бровь, медленно убрал саблю в ножны. Аскольд увидел, что раскосая физиономия расплылась в улыбке. Гнев рванулся волком. Мальчик зарычал, угрожающе ссутулился. И тут к его удивлению у конного воина в руке оказался кнут. В деревне такой имели только пастухи, как правило, дряхлые старики. Столь необычное «оружие» в руках воина сбило мальчика с толку. Щелчок. Руку выше запястья ожгло, нож звякнул о камни.

Стражники расходились, бросая на Аскольда взгляды — вопросительные, испытующие. Большинство считало его неплохим парнем, но кто знает, что будет дальше. Власть портит.

Через какое-то время Аскольд остался один. Подул утренний ветерок, который на севере приносит прохладу, но здесь воздух был горячим, как дыхание ада. Рубаха промокла и отяжелела. Со стороны пустыни принесло запах сухой травы, такой знакомый с детства, но здесь никто не заготавливал сена: трава сама высыхала под испепеляющим зноем.

Наконец босые ступни уловили вибрацию тяжёлых шагов. Аскольд вздрогнул. Вакати медленно пересекал пространство, отделяющее шатёр от калитки. Поверх забора был виден только золотой шлем с двумя короткими рогами красного цвета. Рога напомнили кровавые крючья после очередной казни. Правитель остановился в пяти шагах от калитки. Узкие прорези забрала целились в Аскольда.

— Главный страж, приступай к обязанностям, — донёсся заглушённый расстоянием и шлемом голос.

Аскольд понял, что не может шевельнуться. Несмотря на жару, он почувствовал себя так, будто в глотку всыпали два мешка толчёного льда.

— Займёшь дом Нгоа! — прогудело из недостижимой дали.

Когда Аскольд сумел побороть доходящий до ужаса трепет перед правителем, тот уже повернулся спиной и так же не спеша вышагивал в сторону шатра. Только теперь Аскольд заметил оставленный у калитки ятаган. Тот самый, что принадлежал Нгоа.

Он заставил себя подойти, взять оружие. После этого прикрыл калитку, повернул ручку. Теперь он — главный хранитель покоя правителя. Это не укладывалось в голове, но размышления оставил для более подходящих времён.

2

С тех пор прошёл год. Аскольд почти освоился в роли главного стража. Хижина, которая досталась ему от пропавшего Нгоа была просторнее прежней. И здесь стояла кровать — настоящая, а не та лежанка, на какой привык спать Аскольд. Но мысли о Нгоа печалили. Поговаривали, тот отправился в соседние земли с важным поручением, но некоторые стражники шептались, что его убил правитель и то ли просто закопал у шатра, то ли съел его сердце. Не то, чтобы Аскольд верил в эти бредни, но оставалось неясное чувство, от которого щемило сердце.

Близился праздник Жертвоприношения. В этот день посёлок оживает: приезжают купцы, стягиваются, как шмели на мёд, бродячие актёры. Но прежде главный страж должен выбрать одного из провинившихся рабов и казнить во славу богам. Аскольд направился к столбу наказаний. Вкопанный в землю толстый ствол дерева стоял на самом краю карьера, в котором рабы добывали «глаз орла» — прозрачный кристалл, из которого на востоке делают украшения.

Его появление заметили сразу. Если Нгоа мог подобраться к цепочке стражников, охраняющих рабов, незаметно, то белая шевелюра Аскольда привлекала внимание издали. Он заметил, как вооружённые копьями мужчины перестали переговариваться, замерли, в почтении склонив головы.

— Почему пусто? — с ходу бросил Аскольд, заметив, что у столба наказаний нет ни одного раба.

Ближайший из стражников, молодой Салиф, сжался, словно ожидая удара.

— Они уже неделю работают, как термиты, — пролепетал он. — Знают, праздник близится. Никто не хочет оказаться у столба.

Естественно. Так происходит каждый год. Аскольд вспомнил себя, когда ещё мальчишкой попытался возмутиться ускорившемуся темпу работы. Он тогда таскал мешки с отработанным грунтом наверх. Но старый Хаим, жилистый бородач, схватил его за руку и прошептал:

— Малыш, в тебе сил больше, чем во многих. Потерпи несколько дней. Не позволяй им убить тебя ребёнком. Вырастешь — сам решишь, как поступить.

И Аскольд послушался. Стал работать лучше всех. Злость никуда не делась, но старик умел сказать так, что не оставалось ничего иного как послушаться. Ведь по большому счёту он и вправду ничего не может сделать, пока мал. Зато когда станет взрослым, скинет стражников в карьер, разделается с Вакати и освободит рабов. Так думал он тогда и пронёс эту мечту через всю жизнь. Но реальность оказалась сложнее детских грёз, поэтому ему до сих приходилось усмирять гнев, выжидая более удачный случай реализовать задуманное.

Солнце стояло в зените. К западу, над песчаным барханом, наматывали круги стервятники. Аскольд отстранил Салифа, заглянул вниз. На самом дне карьера копошились тёмные фигурки. Ему не нужно было приглядываться, чтобы понять: мотыгами машут самые крепкие из мужчин, женщины орудуют лопатами, опытные старики промывают руду через сита. А по спиральной тропе ползут молодые рабы, у каждого на плечах мешок, из которого сочится грязная жидкость. Кому-то из тех, что с мотыгой, выпадет счастье стать стражником. У женщин и стариков такого шанса нет.

— Чтоб к вечеру здесь были как минимум двое! — рявкнул Аскольд, ткнув пальцем в сторону столба. — Передай остальным.

Он развернулся и пошёл прочь, стараясь не думать о смятении, в котором оставил Салифа. Но в большей степени — о том, что привязанными к столбу окажутся ни в чём не повинные люди, потому что теперь стражники не станут ждать проступка, а схватят первых попавшихся. Так уже было и не раз.

Он вернулся в хижину, упал на застеленную верблюжьим пледом кровать. Должность главного стража позволяла меньше времени находиться на солнце, и за такой подарок Аскольд благодарил богов. Он не знал, какие они, боги, потому что рабов пригоняли из разных земель, каждый верил во что-то своё, а северных богов Аскольд не помнил. В памяти всплывали неясные образы исполинского молота и стены огня. Одно лишь слово засело в мозгу накрепко: «Гйоль» — волшебная река², которой никто не видел, хотя других рек в тех краях в избытке.

Пошарил рукой в мешке из воловьей шкуры, который служил местом хранения продуктов. Захватил горсть сушёных фиников, кинул один в рот.

Он не раз беседовал о богах с Хаимом. Старик на долгие годы стал его единственным другом.

— Какие боги правят в тех краях, откуда ты родом? — спрашивал Аскольд в редкие минуты передышки. Всё остальное время, от восхода и до заката рабы рвали жилы в карьере.

Хаим улыбался, но в глазах таилась печаль.

— Бог един, и он везде, — загадочно произносил старик.

Аскольд сердился:

— Так вот почему ты здесь. У тебя всего один бог, конечно, он не может защитить тебя от чирuvi³! И как он может быть везде? Ты же не бывал везде. Где твоя деревня?

Хаим отхлёбывал мутной воды из глиняной чаши, задумчиво прикрывал глаза:

— Нет у меня деревни. Мой народ разбросан по всему миру. Когда-нибудь всевышний

² Гйоль — в скандинавской мифологии река, отделяющая мир живых от мира мёртвых.

³ Чирuvi — демонические сущности у некоторых народов Африки.

приведёт нас к земле Обетованной, но пока нужно ждать. Смирение, друг мой.

У Аскольда сжимались кулаки.

— Смиряются трусы! Боги любят отважных. А ты рассуждаешь, как раб.

— Мы все рабы, если ты не заметил, — Хаим обвёл руками отдыхающих на дне карьера людей. Некоторые сидели прямо в грязной воде. — Но даже они, — он поднял палец вверх, указывая на охранников, чьи фигуры темнели на краю карьера, — тоже рабы, как и Вакати. Как и все смертные.

— Мой народ свободен! — выкрикнул Аскольд, — И я тоже стану свободным и освобожу остальных!

Старый Хаим только пожал плечами и отхлебнул воды. Даже теперь, по прошествии стольких лет, Аскольд не понимал смирения друга. Время научило его обуздывать гнев, но только для того, чтобы тот вырвался, когда настанет час.

3

Жертву выбрал наугад. Тощий араб с язвами на лице. Трое суток просидел тот, привязанный верёвкой к столбу, обессилел, глаза ввалились. Аскольд надеялся, что приговорённый не станет слишком усердно молить о пощаде, и тот словно услышал его мысли, покорно поднялся, без лишних слов двинулся к месту казни. Стражники приволокли собранные рабами пучки сухой травы, сложили у основания жертвенного столба. Высушенное человеческое дерьмо отправилось туда же. Араб позволил связать себя и только после этого рванулся. Не вышло — конопляная верёвка держала надёжно. Двое стражников подогнали приговорённого к столбу, привязали. Тот молча таращился на заполнивших площадь жителей. Те оживлённо перешёптывались.

Аскольд принял из рук стражника горящий факел, подождал команды правителя. Вакати вяло махнул рукой (он восседал в боевой экипировке на высоком кресле, поставленном точно по центру площади, красные рога на золоте шлема смотрелись зловеще). Аскольд, скрипнув зубами, поднёс извивающееся пламя к пучку травы. Огонь, похожий на прожорливого зверька, перекинулся на новую пищу. Раб заорал. Аскольд видел, как чернеет и пузырится кожа, как извивается в муках тело, и просил богов, чтобы это поскорее закончилось. Он с отвращением покосился на замершую толпу. Никакого сочувствия, в сотнях пар глаз только любопытство.

Потянуло горелым мясом. В горле запершило. Наконец несчастный затих. Костёр почти прогорел, зато небольшой огонёк угнездился на обвисшем трупe — кожа на правой ноге свернулась рулончиком, и вот этот рулончик неторопливо горел.

Песнопения во славу богов огласили площадь. Аскольд с удивлением смотрел на открывающих рты людей. Откуда они знают слова? Он тоже с детства прожил возле карьера, но никогда не мог запомнить и пары фраз. Если на то пошло, его никто как следует и не учил. В душу закралось подозрение, что весь Макази сговорился и морочит ему голову. Он вглядывался в одухотворённые лица поющих людей и вдруг с удивлением обнаружил желтокожего паренька, которого привезли всего пару месяцев назад. Сам Аскольд покупал рабов у приехавших купцов, и его выбор пал на этого некрупного, но с виду выносливого азиата. Тот совсем не знал языка, на котором говорили в Макази, поэтому втолковывать обязанности пришлось пинками. И вот этот скуластый чужестранец поёт священную песню, которую Аскольд не выучил и за двадцать лет.

Наконец Вакати поднялся. Лязгнули пластины стальных лат. Рабы, послушные внутреннему велению, рухнули на колени. Аскольд склонил голову. Его примеру последовали остальные стражники.

Вакати медленно двинулся в сторону торговой площади, которая находилась на северной окраине Макази. Обычно пустая, она оживала только с приездом купцов. Аскольд кинулся за правителем, дав знак ещё двоим стражникам двигаться следом.

Ничем не огороженная, торговая площадь представляла собой утрамбованную множеством ног поляну, за чистотой на которой следили девочки-рабыни. Сейчас на площади

было шумно. Беспреданно фыркали и плевались высоченные двугорбые верблюды с корзинами, привязанными кожаными ремнями, в каждую из которых можно уместить полдюжины рабов. Мычали коренастые буйволы с медными кольцами в носу. От лотков с пряностями исходил дурманящий запах, и Аскольд почувствовал, как рот наполнился слюной.

Вакати важно обходил торговцев, указывал пальцем в железной перчатке на тот или иной товар. Аскольд тут же подзывал одного из стражников, тот складывал товар в корзину. Расплачиваться предстояло позже, когда правитель удалится в шатёр.

Они остановились возле длинной жерди, к которой были привязаны дюжины полторы рабов. Жердь обычно цепляется за телегу, её тянут буйволы. На телеге сидит хозяин, а рабы, двумя рядами с жердью посередине идут следом.

Рабов правитель выбирал долго. Бродил вдоль ряда угрюмых человеческих существ, иногда брезгливым движением поднимал за подбородок, разглядывал лицо. Аскольд терпеливо ждал.

— Эта! — донёлся из-под шлема приглушённый голос.

Аскольд подошёл, чтобы принять товар... и замер. Девушка лишь на миг взглянула на него и снова опустила голову. Светлокожая, как сам Аскольд, золотой водопад волос достигает пояса. Белое платье в красных узорах, так не похожее на одеяние местных женщин. Судя по всему, она не так давно лишилась свободы — кожа покраснела и даже начала облезать, но загар ещё не въелся, лишь немного притенил лоб и щёки.

Купец развязал замысловатый узел, от которого на запястьях рабыни остались глубокие розоватые борозды. При этом торговец одобрительно качал головой, а затем изобразил жест, который Аскольд истолковал как то, что цену за рабыню придётся заплатить весьма значительную.

Вакати выбрал ещё одну девушку, негритянку с большими грудями, прикрытыми только бусами из морских ракушек. По ней Аскольд мазнул невидящим взглядом, на мгновение задержавшись лишь на торчащих сосках. Что-то глубокое и мощное, как все боги подземелья, прорывалось настолько зримо, что у Аскольда перехватило дыхание. И причиной такого состояния явилась золотоволосая девушка, которую очень скоро он отведёт в шатёр правителя. Зубы скрипнули сами собой, мышцы свело судорогой. Он видел, как обе рабыни в испуге отшатнулись. Появилось непреодолимое желание выхватить ятаган и развалить тушу правителя надвое. Остановил его только здравый смысл, протиснувшийся сквозь плену безумия. Вакати защищён стальными пластинами, к тому же вооружён (на поясе правителя висел меч в украшенных драгоценными камнями ножнах), тогда как вся экипировка главного стража — железный обруч на лбу, да разъеденная потом рубаха. Аскольд набрал полный лёгкий выдох, медленно выдохнул. У него будет время расправиться с Вакати. Но сейчас нужно собрать волю в кулак, перетерпеть.

Когда-то Аскольд спросил Хаима, почему среди рабов так мало людей со светлой кожей.

Старик отложил сито, на котором поблёскивали две-три крупинки «глаза орла», заговорил:

— Бледные люди, такие как ты, живут далеко на севере. Там, где мало солнца и много деревьев. Степняки редко решаются на столь опасные набеги — их лошади боятся леса, полного хищников. К тому же северяне воинственны. Тебе повезло, что тебя не убили. Твоя кожа боится солнца, поэтому из белых рабы получают неважные.

— Почему же меня оставили в живых? — потрясённый спросил Аскольд.

Старый Хаим пожал плечами:

— Одному богу ведомо. Ты крепкий мальчик, может, всё дело в этом.

С тех пор в Макази появилось не больше десятка людей с кожей такого же цвета, как у Аскольда. В основном это были подавленные люди, не сумевшие до конца поверить в реальность своего нового положения. Кого-то из них убили стражники, когда те попытались

убежать, хотя труды стражников были напрасными — через день-два с беглецами расправилась бы пустыня. Кто-то умер у Жертвенного столба, отказавшись жить в неволе. Несколько белых женщин всё же приспособились и даже завели семьи, но дети у них рождались неизменно смуглые, ничем не выдававшие наполовину северное происхождение.

Когда Вакати удалился с новыми наложницами в шатёр, Аскольд вернулся к торговцам, швырнул горсть камней и велел убираться. Купцы переглядывались, хмурились. Но блеск драгоценных кристаллов, которые они тут же кинулись делить, затмил все остальные мысли, и вскоре торговая площадь опустела.

4

А потом он увидел её снова. Аскольд привычно обходил высокую изгородь из верблюжьих шкур, окружавшую шатёр правителя. Солнце завалилось за выпуклый горизонт, и хотя прохлада ещё не наступила, Аскольд радовался отсутствию обжигающих лучей, с которыми его кожа так и не смирилась.

Он как раз поравнялся с калиткой, когда его окрикнули. Он так привык, что его нездешнее имя коверкают на все лады, что сейчас, услышав почти правильное произношение, не сразу понял, в чём дело.

— Аскольд, — повторила девушка, выглянув из приотворённой калитки.

Он остановился. Повернулся. Это была она. Новая наложница Вакати, с такой же светлой, как у Аскольда, кожей и почти такими же светлыми волосами. Она выглядела уставшей и несчастной, но глаза, красные от бесконечных слёз, светились радостью и... надеждой.

— Я слушаю, — сказал Аскольд, от неожиданности перейдя на официальный тон. Обычно с наложницами он общался по-свойски.

Но оказалось, девушка совсем не знает его языка. Похоже, произнести его имя у неё вышло случайно. Она что-то по-птичьему щебетала, но потом и сама поняла бессмысленность затеи. Взгляд её потух.

— Тебя послал Вакати? — мягко спросил Аскольд. Он видел, девушка пожалела о том, что первая заговорила и теперь собирается убежать.

— Вакати? Нет! — она завертела головой так яростно, что давно не мытые волосы затряслись, как лапки пронзённого копьём паука.

— Значит, ты пришла *сама*? — Аскольд попробовал слово «сама» на вкус и удивился, увидев множество скрытых смыслов в таком коротком звуке.

Она не поняла. Попыталась что-то объяснить, дотронулась до своей щеки, протянула обкусанный ноготь к его щетине. Аскольд вдруг понял, что уже несколько дней не брился, хотя раньше каждое утро скрёб лицо правленным о кожаный ремень ножом. И без того в этих краях чувствуешь себя варёным сурикатом, борода же только усугубляет положение дел.

Наконец она сдалась. Он видел сверкнувшие в её глазах капельки, но не успел ничего предпринять. Не спросил даже имени, которое узнал месяцем позже, когда судьба вновь свела их в закатном зареве уходящего дня.

— Ты, — выкрикнул главный страж. Нгоа ещё ходил в рядовых стражниках (Аскольду тогда едва перевалило за семнадцать), а этот, Савахи, морщинистый дядька со шрамом во всё лицо, вселял ужас не только в рабов, но даже в сослуживцев.

Аскольд сбросил с плеча мешок, он только что выбрался наружу карьера с очередной порцией отработанного грунта.

Савахи уставился на него единственным глазом:

— Ты. Иди за киркой.

Аскольд стоял, не шелохнувшись.

— Пошёл, я сказал! — главный страж замахнулся ятаганом. Он частенько доставал оружие, иногда по делу, но чаще просто из желания поглумиться над слабым. А слабыми для него являлись все, кроме правителя.

Аскольд, лихорадочно соображая, как следует поступить, побежал наугад в сторону хозяйственных построек.

— Эй, тебе чего? — окликнул молодой стражник, карауливший имущество.

— Господин сказал идти за киркой, — пролепетал Аскольд.

— Так ты промахнулся. Иди за мной.

Молодой стражник выглядел добродушным малым, его чёрное лицо то и дело озарялось ослепительно-белой улыбкой. Будь все стражники такими как этот, жизнь была бы намного легче.

— Выбирай, — предложил стражник, когда они приблизились к нагромождению инструментов. Сваленные в беспорядке кирки переплелись с лопатами, ломками и ситами. В голове промелькнуло, что, если перековать эту кучу железа в мечи, можно вооружить небольшую армию.

Аскольд схватил наугад, торопливо поблагодарил. Он спешил вернуться на карьер, опасаясь гнева Савахи.

— Да не за что, — улыбнулся стражник. Если что — обращайся. Меня зовут Нгоа.

До сих пор ни одна женщина не вызвала у него чувств, хотя бы отдалённо напомиавших то, что Аскольд переживал после первого взгляда, брошенного на него белокожей наложницей правителя. С её лицом перед глазами он ложился спать и вырывался из мучительных ночных терзаний, помня только её.

Всё чаще он отирался возле шатра, не замечая неприязненных взглядов других стражников, несущих вахту по периметру забора — мало кому нравятся частые встречи с начальством. Он надеялся, что она появится. И вот, уставший и сильнее прежнего обожжённый солнцем, он собирался уже отправиться в хижину, когда калитка отворилась.

— Вакати спит, — вместо приветствия сказала девушка и, схватив за руку, затянула Аскольда внутрь двора. В любое другое время он бы сжался от ужаса, ведь проникать за изгородь без разрешения строго запрещено. Но потрясение от услышанного, заставило забыть об опасности.

— Ты умеешь... говорить? — пробормотал он.

— Всегда умела. Но ваш язык ещё учу. Хочешь знать моё имя?

Не умея вымолвить и слова, Аскольд судорожно кивнул.

— Ясина. Слышал когда-нибудь такое?

Аскольд замотал головой. Было видно, что слова даются девушке с трудом, кое-какие звуки она произносила неправильно, но всё равно это было невероятно. За месяц выучить язык. Как такое возможно? Уж не чириви ли постарались?

— Вниз! — приказала Ясина и резким движением пригнула его голову. Через мгновение за забором прошелестели шаги.

Разум требовал пойти на попятную, рисовал Вакати, выглянувшего из шатра и заметившего свою наложницу в компании главного стража. Но Аскольд был готов сложить голову, лишь бы побыть рядом с ней. Он с самого начала знал, у такой девушки не может быть обычного имени. И не ошибся. Само сочетание звуков, похожее на что-то неземное и бесконечно прекрасное ласкало слух.

— Я-си-на, — произнёс он, не сразу поняв, что сделал это вслух.

— Правильно, — похвалила она и засмеялась.

— Мы очень старались его усыпить, — вдруг добавила она и мотнула головой в сторону шатра. Только теперь Аскольд заметил тёмные круги у неё под глазами. Каким образом они со второй наложницей «усыпляли» правителя, Аскольд постарался не думать.

5

Нгоа был единственным из стражников, кто относился к Аскольду по-доброму. Не то чтобы темнокожий здоровяк кормил его финиками, но и бессмысленной жестокости, которой славились остальные стражники, Аскольд от него не видел. Бывало даже, Нгоа защищал

рабов от нападков, а то и от верной смерти у Жертвенного столба. Казалось, такой добряк не может даже надеяться стать главным стражем. Но в один из дней Савахи отправился в шатёр правителя и не вернулся. Через одну из наложниц Вакати передал, что Нгоа назначен главным. Следующим утром Нгоа встал на пути Аскольда, который в числе прочих рабов направлялся в карьер — вновь махать мотыгой.

— Постой, — сказал Нгоа, — хочешь стать стражником?

— Нет, — неожиданно даже для себя сказал Аскольд. — Наверху слишком жарко.

— Ты сможешь пить, сколько пожелаешь — стражникам доступ к колодцу свободен, — неуверенно проговорил новоиспечённый главный страж.

— А на дне карьера — воды по колено! — возразил Аскольд. Он не понимал, откуда взялось это упрямство, но, возможно, всё дело было в раздражении, которое вызвало нелогичное, по его мнению, назначение Нгоа главным стражем. Даже не само назначение, а его, Аскольдова, радость по этому поводу. Будто его самого при этом назначили правителем.

Наконец Нгоа понял, что над ним издеваются.

— Ну хватит, а то я передумаю. Младший страж, бегом за оружием и живо занять место на западной насыпи!

Тот день запомнился на всю жизнь. Но ещё больше — вечер, когда Аскольд беспрепятственно подошёл к колодцу и напился из глиняного кувшина с отстоянной водой, совсем не похожей на ту мутную субстанцию, которую он пил до сих пор. С отвращением вспомнилась зловонная жижа на дне карьера — туалет рабы утраивали там же, и не до конца отфильтрованные экскременты попадали в воду, пропитывая зловонием, на которое с удовольствием слетались мухи. Но Аскольд не раз был вынужден пить прямо из-под ног, иначе его ждала неминуемая смерть от обезвоживания.

Несколько дней спустя он встретил старого Хаима. Тот сидел на камне возле своей ветхой хибары, наполовину засыпанной песком, вязал чётки. Едва Аскольд приблизился, старик вскочил.

— Ты чего, Хаим, — удивился Аскольд. — Это же я. Не узнал?

— Узнал, господин, — смиренно ответил тот и склонил голову. — Поздравляю с назначением.

— Спасибо. Но ты чего? Или ты думаешь, это, — он коснулся пальцем железного обруча на голове, — сделало меня другим?

Старик изобразил неопределённый жест:

— Всякое могло случиться. Люди меняются...

— Но не я. Мне следует поблагодарить тебя. Если бы не твои советы, я бы давно отправился на корм стервятникам.

Хаим отмахнулся, но Аскольд продолжал:

— А что если это твой бог? Как думаешь, могло такое случиться, что он решил помочь мне?

Старик смахнул прилетевшую в глаз песчинку, помял нос.

— Нам неведомы помыслы Господни. Но ты всегда был хорошим мальчиком.

Аскольд проглотил подступивший к горлу ком.

— Хаим, могу я что-нибудь сделать для тебя?

Тот покачал головой.

— Ты можешь сделать для себя! — неожиданно сказал он.

Аскольд поднял брови.

— Когда станешь свободным, найди землю обетованную, — продолжил старик. — И просто пройдишь по ней.

— Что это мне даст?

— Не знаю. Я там никогда не был.

Спустя совсем небольшое время старый Хаим умер. Не удержал полное руды сито и упал в воду. Он захлебнулся, хотя вода на дне карьера едва доходила да колена.

— Я всё продумала, — говорила Ясина, когда они встретились под покровом ночи. Стрекотали насекомые, в чёрной вышине подрагивали звёзды.

— Мы уйдём на верблюдах. Переоденемся торговцами, и двинемся на север.

Аскольд улыбался. Она не могла видеть его улыбки, но сейчас это было неважно. Наверное, это он должен составлять план побега, просчитывать варианты. Но Ясина справлялась куда лучше, тогда как Аскольд просто слушал, впитывая её голос, как сладкий нектар.

— Ты умеешь ездить на верблюде?

Он попытался сосредоточиться.

— Что? Нет. В последний раз на верблюде я катался в пятилетнем возрасте. Когда степняки сдали меня торговцам. Я был привязан к заднему седлу, как мешок с пшеном.

— Понятно. Это плохо. — Ясина вздохнула. — Меня вообще везли в телеге. Дома я не раз каталась на лошадях, но верблюды... они такие огромные.

— Может, лучше пешком?

— С ума сошёл? А кто еду и воду нести будет? Да и видел ли ты, чтоб кто-то бродил по пустыне пешком? Нас же схватят на следующий же день.

Это было правдой. Аскольд ни разу не слышал про людей, пересекающих это песчаное море на своих двоих. Именно поэтому в Макази нет скота — таким образом рабы лишаются даже призрачного шанса убраться подальше от карьера, воронка которого так похожа на гигантскую пасть подземного монстра.

Но на самом деле неумение ездить на верблюде волновало Аскольда не слишком сильно. Он был уверен, как-нибудь да управится, тут главное начать. Гораздо больше тревожила та часть плана, обсуждения которой они старались избегать. Убийство Вакати. Ясина предложила было просто связать правителя, но это никуда не годилось. Если бы даже им чудом удалось скрыться от преследования, дальнейшая жизнь в посёлке ничем бы не изменилась. Или стала ещё невыносимее. Но Аскольд поклялся себе, что дарует свободу всем жителям Макази. Для этого нужна смерть Вакати. И тогда люди смогут решить, как им поступить дальше: вернуться в родные края или остаться, но жить свободно. Аскольд подозревал, что актуальными станут оба варианта, ведь не всем есть куда возвращаться, многие родились здесь и не знают другой родины, кроме карьера.

— О чём задумался? — спросила Ясина и положила голову Аскольду на плечо. Ночь перевалила за середину, земля остыла, и стало холодно. Даже ночные насекомые поутихли. На пустыню пуховым одеялом опустилась тишина.

— Что если я не справлюсь с Вакати? — задумчиво произнёс Аскольд.

— Ты боишься?

Он покачал головой:

— Нет. Умереть — нет. Я боюсь за тебя. И за людей. Если наш план провалится, будет плохо всем.

— Хуже, чем сейчас? — в её голосе послышалась злость, — Ты считаешь это жизнью? Вечное рабство. Пресмыкание...

— Подумай вот о чём. Ты здесь живёшь всего-ничего. Родилась и выросла свободной. Но многие из них, — он указал в темноту, но девушка вряд ли увидела его жест, — родились рабами. Конечно, им не нравится такое положение вещей. Но готовы ли они рискнуть жизнью ради того, чего никогда не видели?

Ясина промолчала.

6

Сердце ухало с такой силой, что содрогалось всё тело. Аскольд надеялся, что бесконечно это продолжаться не может и в назначенный день всё пройдёт само собой. Но нет, последний день догорал апельсиновым закатом (с востока напознала ночь, та самая, которую Аскольд с Ясиной задумали как последнюю для Вакати), а сердце продолжало колотиться

попавшей в ловушку пичугой. Аскольд начал сомневаться в успехе замысла. Что если Вакати проснётся? Ясина обещала, что правитель будет спать, как сурок, но повернуться может по всякому, верно? И дрогнувшая рука может не удержать ятаган. И тогда правитель разделается с заговорщиками — девушке просто свернёт шею, Аскольда же изрубят одним из топоров, целая коллекция которых, со слов Ясины, висит на стене шатра. Аскольд затряс головой, стараясь отогнать мрачные мысли, от которых до паники — один мелкий шажок.

Солнце улеглось на горизонт и через минуту растаяло, как кусок масла на сковородке, оставив после себя лиловое свечение, с каждым мгновением угасающее. Макази ещё шумел, но то был шум подготовки ко сну. Уставшие рабы, весь день гнувшие спины в карьере, не тратили время даром, потому что сон — единственное доступное удовольствие. Аскольд с грустной улыбкой подумал о том, что, возможно, уже завтра жизнь этих людей изменится, и они смогут жертвовать сном в пользу других развлечений. Ощущение важности момента, когда на кону благополучие всего Макази, захватывало дух. Но возможность провала действовала на разум намного сильнее.

Много раз Аскольд видел, как наказывают рабов. Большинство из них побои сносило стойко, неплохо держались даже женщины. А вот приговорённые к смерти менялись до неузнаваемости — только что терпевший избиение едва ли не с улыбкой, начинал плакать, умолять о пощаде. И тут же в памяти всплывал случай из далёкого детства, задолго до налёта степняков, уничтоживших деревню. Один из мужчин, дальний родственник Аскольда, был уличён в блуде. Гулящую женщину выпороли на глазах у всей деревни, а для любовника её муж потребовал смерти. Вожди посоветовались и решили: так тому и быть, ведь этот негодяй был не раз замечен и в других поступках, насылающих гнев богов. Несчастного привязали к двум коровам (так унижительнее, потому что лошади — животные благородные), щёлкнул кнут. Юный Аскольд стоял совсем рядом, хотя мать пыталась закрыть его подолом длинной юбки, и видел казнь в деталях. Тот, кому через мгновения предстояло отправиться к праотцам, только плюнул в сторону рога носца и весело заржал. Возможно, именно это смех так подействовал на Аскольда, что память пронесла этот эпизод из детства через годы невероятных трудностей, выпавших на его долю. Приговорённый продолжал закатываться со смеху, даже когда на груди лопнула кожа, а кости захрустели, как река во время ледохода.

Оскаленная в ухмылке голова мертвеца долго волочилась по пыльной площади, пока корова, которой выпал жребий тащить именно эту часть тела, не остановилась у одного из домов. Но ещё дольше эта ухмылка стояла в глазах Аскольда, на мгновение растворяясь, но оживая вновь во время каждой новой казни. Аскольд молил богов, чтобы в случае неудачного исхода сегодняшнего заговора он сумел выдержать любые пытки и не дрогнуть перед страхом смерти. Потому что люди его племени встречают смерть презрительным смехом.

Синева затянула небо, и одна за другой начали зажигаться звёзды. Каждая звезда, помнил Аскольд, это душа предка. Не исключено, и ему сегодня уготовано присоединиться к этому сверкающему хороводу.

Наверное, он всё-таки уснул, потому что шёпот Ясины заставил вздрогнуть.

— Пора. Он спит, — прошелестело из темноты.

Аскольд глубоко вдохнул, отлепился от стены, возле которой сидел в ожидании сигнала. Вскочил и скривился, как от зубной боли, когда ятаган звякнул о камень.

— Кто здесь? — раздалось справа. Голос принадлежал Тагизу.

— Тагиз, это Аскольд. Не спишь? — Аскольд постарался напустить в голос строгости.

Пусть стражник думает, что главный пришёл с проверкой.

— Нет, как можно! — испугался тот.

— Смотри мне. Ладно, иди. Да повнимательнее там!

Шаги Тагиза стихли.

Аскольд на всякий случай прислушался и только после этого юркнул в открытую Ясиной калитку.

Внутри царил полумрак — единственная восковая свеча мало что могла против

впечатляющего пространства шатра. Отблески робкого огонька играли в чёрных волосах второй наложницы. Она сидела неподвижно: голова лежит на руках, волосы веером разметались по столу.

Аскольд сделал вопросительный жест.

Ясина ответила тоже жестом, который Аскольд расшифровал как «не обращай внимания, она нас не потревожит». Аскольд сжимал рукоять ятагана с такой силой, что будь она не из рога, а из дерева, из неё непременно полился бы сок. В темноте можно было разглядеть контуры кровати, на которой уместилось бы половина Макази. Изначально Аскольд планировал рубануть наугад ближе к изголовью, но теперь планы приходилось перекраивать — нужно хорошо приглядеться, потому что спящий Вакати мог оказаться в любой части этого исполинского ложа.

Но Вакати не спал. Не похоже, что он ожидал нападения, но всё же не спал.

— Кто здесь? — раздался до невероятного знакомый голос. И тут же до Аскольда донёлся металлический щелчок. С таким щелчком захлопывается забрало шлема.

Аскольд не ответил. Зато услышал, как вскрикнула от испуга Ясина. Размышлять было некогда. Он кинулся на голос, рука сама взлетела вверх, заноса клинок. Вакати выдал блеск шлема, отразившего свет свечи. Аскольд нанёс удар. Металл лязгнул о металл, и рукоять ятагана каким-то чудом не вылетела из пальцев. В бок кольнуло, но не слишком сильно. Аскольд сместился в сторону, рубанул сбоку. Ещё до того, как услышал сдавленный крик, понял — удар достиг цели. Лезвие с хлопком рассекло плоть и глухо стукнуло в кость. Не мешкая, Аскольд нанёс несколько ударов не целясь и быстро отскочил на освещённое пространство.

Он впервые увидел Вакати, не замурованного в железо чужеземных лат. Правитель сделал шаг, другой, теперь его можно было разглядеть в подробностях. Абсолютно голый, чёрный как смоль, со свисающими внушительными гениталиями. Единственную его одежду составлял золотой шлем с неглубокой вмятиной поперёк лба.

Вакати силился что-то сказать, но из горла вырывался только хрип. Из ладони раненого правителя выскользнул нож, беззвучно утонул в ковре. Вакати стоял, пошатываясь. Аскольд тупо смотрел, не в силах пошевелить парализованными мышцами. Ясина была тут же. Она сжалась и, казалось, перестала дышать.

Вакати сделал ещё шаг по направлению к заговорщикам. Аскольд, выйдя из ступора, замахнулся ятаганом. Но это оказалось лишним, потому что Вакати не собирался нападать. Вместо этого, последним усилием воли, сдёрнул шлем, и тот упал на ковёр, в отличие от ножа, довольно громко звякнув.

Аскольд почувствовал, как в горле стремительно сохнет. Намного стремительнее, чем в самую жестокую жару. Перед ним стоял, едва держась на ногах... Нгоа! Бывший главный страж, в том числе за исчезновение которого Аскольд собирался отомстить Вакати.

— Ты! — только и вымолвил Аскольд, глядя на старого приятеля.

Вакати, он же Нгоа, не ответил. Уронил голову на грудь и упал, затылок при этом глухо ударился о шлем.

— Ну вот и всё, — прошептала Ясина.

Аскольд повернулся. Лицо девушки было таким бледным, что светилось в темноте, похожее на луну. Рядом, за столиком, всё так же сидела с головой, положенной на руки, вторая наложница, но только теперь Аскольд разглядел на столе лужу крови, которая тонкой струйкой стекала на пол. На ум пришла не совсем уместная в такой ситуации мысль, что ковёр теперь никуда не годится и его место на свалке.

7

Ночь продолжалась, немисливо долгая, словно боги склеили несколько ночей в одну длинную чёрную ленту. За стенами шатра было тихо. Похоже, вышагивающие вдоль забора стражники ничего не заметили.

— Верблюды готовы, — вполголоса произнесла Ясина, хотя вряд ли кто-то мог их

услышать.

— Погоди минутку. — Аскольд обошёл труп бывшего правителя, присел на уголок кровати, окровавленный ятаган положил рядом. В мозгу зрела важная мысль, но смятение от произошедшего мешало сосредоточиться.

— Аскольд, нужно торопиться, — позвала Ясина, когда все разумные лимиты времени были исчерпаны.

— Я думаю.

— Чего думать? Утром люди проснутся свободными, а мы будем уже далеко. Всё получилось, как мы и хотели.

— Послушай... — тяжёлым голосом заговорил Аскольд.

Ясина замерла, почувствовав его интонацию.

— ...Я никуда не еду.

— Как не едешь? — её голос задрожал. — Верблюды ждут...

Он отмахнулся:

— К чертям верблюдов! Хотя... Ты поезжай. А я должен остаться.

— Я не понимаю. Почему?

— Присядь, — сказал Аскольд и хлопнул по одеялу.

Девушка послушно приблизилась, села рядом, но всё же не так близко, как сделала бы это ещё пару минут назад.

— Они не выживут, — с горечью заговорил Аскольд. — Одни привыкли быть рабами, другие — стражей. Вторых меньше, но у них оружие. Они не смиряются с потерей власти. А потом, когда бывшие рабы всё-таки перебьют стражников, начнут истреблять друг друга. Хотя бы потому что нечего будет жрать.

— Но почему? Ведь все добытые «орлиные глаза» будут оставаться у них.

— Ты думаешь, они станут работать в карьере, когда исчезнут надсмотрщики? — Аскольд усмехнулся.

Помолчали.

— Давай оставим людям половину или даже большую часть из запасов Вакати, — наконец предложила девушка. — Камни я ещё не упаковала.

— Это без толку. Драгоценности присвоят наиболее сильные. Но дело даже не в этом. Как только до торговцев дойдёт слух о том, что здесь убили правителя, те перестанут сюда соваться. Я бы не стал доверять восставшим рабам. А купцы-то поумнее меня.

— Тогда что ты собрался делать?

— Остаться. И стать Вакати.

— Что? — Ясина отшатнулась.

— Я понял, что нынешний порядок вещей — наименьшее зло. Да, я не сказал тебе... Этот твой Вакати — бывший главный страж. Его имя — Нгоа. Мы с ним неплохо ладили, а потом он куда-то пропал. В последний раз его видели входящим в шатёр правителя. Это было ночью.

Девушка замерла. Потом глухим голосом проговорила:

— Так значит... Нет, я не могу поверить...

— Тем не менее, это так. Главный страж убивает правителя и занимает его место. Следующий страж поступает так же. И так — одним богам ведомо сколько раз. Оттого-то и слухи, что Вакати бессмертный.

— Ну хорошо, пусть всё так, как ты говоришь. Но тогда чем ты будешь отличаться от этих? — она протянула руку в сторону раскинувшегося на ковре мертвеца.

— Пока не знаю. Думаю, люди заслужили свободу. Только давать её нужно не сразу, а постепенно. Быть может, для этого понадобятся десятилетия.

Свеча заморгала и погасла. В помещении запахло горелым.

Ясина поднялась. Аскольд этого не видел, но понял по скрипнувшей кровати.

— Ты куда?

— Домой! Как и договаривались. О, великий Вакати, ты же не будешь против, если я заберу одного верблюда?

Аскольд сглотнул. Он впервые слышал в голосе любимой столько злости. Глаза наполнились влагой. Захотелось остановить Ясину, попытаться уговорить остаться, умолять... «Ничего уже не вернёшь», — прозвучало в голове так отчётливо, что Аскольд вздрогнул. — «Она для тебя потеряна».

Звук открываемого полога подействовал на мозг отрезвляюще. словно гроза, в одно мгновение растворившая туман.

Он догнал её возле загона с верблюдами. Те фыркали, переминаясь с ноги на ногу.

— Чего тебе? — бросила Ясина, услышав приближающиеся шаги.

Аскольд не ответил. Вступать в разговор было опасно. Действовать, пока решимость не уступила сомнениям. Небо было чистым, и растущий месяц освещал двор достаточно. Быстрым движением Аскольд схватил её голову, нащупал рот, зажал ладонью. Девушка дёрнулась, но сил было явно недостаточно. Он рванул в сторону, послышался хруст. Когда девушка обмякла, бросил безжизненное тело и быстро зашагал к шатру. До утра оставалось не так много времени, а ему ещё копать яму, чтобы спрятать труп Нгоа. Тела наложниц же можно будет отдать стражникам, пусть отнесут подальше.

Аскольд нащупал в кромешной темноте шатра прохладный металл шлема, осторожно водрузил на голову. Ему надо привыкать появляться на людях в шлеме. И забыть своё имя, потому что для всех он — Вакати⁴.

⁴ Вакати — имя звучит как wakati, т.е. «время» (суахили).

Гниение

1

Владу снилось, что он не зомби.

Солнечный свет радовал, а не слепил.

Он как раз шлёпал мимо детского сада, когда взвыла сирена. Малышня за прутьями забора притихла, но как только сирена смолкла, воздух наполнился многоголосым рёвом.

Тогда-то всё и началось.

Послышались шаги. Как будто маленькие ножки перебирают прямо по телу, со спины на плечо.

Влад дёрнулся, сон слетел. Осталось только чумное состояние, когда не знаешь, где реальность, а где вымысел.

Крыса пискнула, оттолкнулась от плеча и сиганула прочь.

Подвал томился в пыльном сумраке. Щели в окошках, небрежно заколоченных фанерой, не светились, а значит, наступила ночь. Можно идти.

Влад тяжело поднялся, щетинистым подбородком почесал занемевшую руку. В ноге ныло, и он переместил взгляд вниз. На левой конечности чуть выше колена зияла рана, кровь подсохла, но заживлением и не пахло. Скверно.

Он несколько раз глубоко вдохнул. Сырость и крысиный помёт — фанера начисто отсекает запахи города.

Стараясь не шуметь, выбрался из подвала. Получалось так себе — неразогретое тело двигалось неуклюже, то и дело спотыкаясь о разбросанный повсюду мусор. Зато ароматы города чуть не разорвали ноздри. Он мог без труда отыскать добычу, от которой протянулись почти осязаемые ниточки. Конечно, до мяса ещё нужно суметь добраться, но Влад не сомневался в удаче. В конце концов, он стал намного сильнее в последнее время.

«После *чего* стал сильнее?», — как кувалдой, шарахнуло вопросом. Он аж покачнулся.

До него начало доходить. Он же... Чёрт возьми, он же инфицирован! Память хлёткими пощёчинами швыряла в сознание кадры недавнего прошлого. Всеобщий хаос, паника. На улицах появились первые зомби. Прошёл слух, что это война и враг применил генетическое оружие. Зомби оказались на удивление проворными, легко справлялись даже со взрослыми, не говоря уже о детях, которых переловили довольно быстро. Кому-то удавалось вырваться, но через пару-тройку дней раненый впадал в кратковременную кому, после чего бросался на всё живое. Влад попытался вспомнить момент собственного заражения, но не смог. Голод гнал на поиски добычи.

По мере продвижения, тело разогревалось, становилось послушнее. Он спустился по бетонной лестнице и оказался на небольшой площади прямо в центре спального района, застроенного пятиэтажками. Во многих окнах не было стёкол. И ни в одном из них не горел свет.

Неожиданно из-за угла вынырнули две тени, особенно резкие при свете полной луны. Влад шарахнулся и оцепенел, разглядев зомби — он никак не мог привыкнуть к подобным встречам. Ходячие мертвецы были на последней стадии, один едва волочил ноги, у другого и вовсе вместо рук свисали короткие культяпки, а движения походили на неумелые прыжки. Зомби не обратили на Влада никакого внимания и проковыляли мимо, то и дело останавливаясь и принимаясь. Было очевидно, что достать пищу им вряд ли удастся, так и подохнут с голоду, если не наткнутся на чьи-то объедки. Зомби держали путь вниз по двухполосной дороге, на обочине которой застыли груды ржавого железа, бывшего когда-то машинами.

Влад выждал, пока мертвецы скроются, и только тогда двинулся дальше. Он направился в сторону окраинных бараков. Ниточки густого запаха человечины, приправленного

душистым страхом, буквально тянули за нос. Влад преодолел размытый дождями ров, несколько раз споткнулся о строительный мусор, но не разозлился. В последнее время эмоции стали нечастыми гостями.

Из густых зарослей давно не стриженных деревьев выпятился угол бревенчатой двухэтажки. В былые времена здесь расселяли не самые благополучные семьи. Запах пищи исходил сразу из нескольких квартир. Влад мог бы не рисковать и выбрать ту, где людей поменьше, но его влѣк не только голод.

Вошёл в подъезд, прислушался. Из-за самой пахучей двери доносились приглушённые голоса. Это плохо. Если не боятся шуметь, значит, чувствуют силу. Влад призадумался, но лишь на мгновение. Он не считал, что утратил способность мыслить, однако инфекция определённо что-то сделала с его «программой принятия решений». Наверное, стёрла папку с названием «сомнения».

Осторожно повернул ручку. Заперто.

Стукнул костяшками пальцев по деревянному наличнику.

Голоса смолкли. Он постучал ещё раз. Через полминуты запах добычи заполнил вселенную.

— Кто? — шѣпотом спросили с той стороны двери.

— Свои, — выдавил Влад. Вышло хрипло, но вполне отчётливо. В последние дни язык подчинялся со всё большей неохотой, приходилось прилагать немалые усилия, чтобы сохранить умение говорить — весьма нетипичное для зомби. По крайней мере, для добычи это всегда становилось неожиданностью.

За дверь помедлили, до ушей донеслись перешѣптывания.

Влад нащупал в кармане длинный гвоздь, сжал в кулаке.

Щѣлкнул замок, дверь начала приоткрываться.

Он успел разглядеть два чѣрных ствола, направленных в грудь. Но на его стороне была решительность. Резкий взмах, и гвоздь наполовину длины входит в череп. Ружьѣ ещё падало из рук жертвы, а Влад уже рывком распахнул дверь, даже не заметив удерживавшей её цепочки.

Двустволка стукнулась о пол, и тут комнату залепила вспышка, а стены сотряслись от грохота выстрела. С потолка посыпалась штукатурка.

Пара секунд ему потребовалась, чтобы восстановить зрение. Так, вот они все. Забились в углу комнаты, прямо напротив входной двери. В отличие от Влада, жертвы ещё ничего не видят и только лупают глазками. Старик и две женщины, старая и молодая. Дед, похоже, обделался. Влад шагнул к троице, одним рывком отшвырнул старуху, та шмякнулась возле дивана и тихонько заскулила. Дед только беззвучно открывал рот, морщинистые руки сдавливали грудную клетку.

Влад придвинулся к молодой. Девушку трясло. Зубы лязгали, как жернова камнедробилки. Он взял её за подбородок.

— Лида? — спросил Влад, и с удивлением отметил, что хрипота исчезла.

Девушка замотала головой. Не она. Да он и сам это видит. Та Лида, образ, преследующий его сонными днями, была светловолосая в синей шапочке. Эта же чѣрненькая, да ещё толстая, как распухший труп. Оттолкнул, отчего та стукнулась головой о подоконник и вскрикнула.

Влад вернулся к добыче. Крупный мужик с гвоздѣм во лбу. Ничего уже не соображая, накинулся на свежую плоть. Он жрал и жрал, пока по телу не разлилось тепло, а брюхо не отяжелело от мяса.

Как ушёл, он не помнил. Никогда не помнил, как покидает место трапезы. Просто обнаруживал себя среди каких-нибудь обломков, часто в подвале или в тѣмной пристройке. Метаболизм происходил, как в реакторе, тело нагревалось и только что не гудело. Теперь, когда голод утолѣн, он мог вернуться мыслями к Лиде. Откуда он её знает? Почему не может отыскать? А что, если она стала жертвой зомби. Других зомби, поправился он.

Дважды день сменял ночь, а Влад не шевелился. И только когда внутренний «реактор» успокоился, дождался вечера и выбрался наружу. Раненая нога с каждым днём слабела, отчего всё заметнее проступала хромота. Не беда, ещё долгое время он сможет двигаться достаточно быстро, чтобы не остаться голодным. О более отдалённой перспективе он не думал.

Целая компания зомби вышагивала ему наперерез. Влад сбавил ход, но решил не уступать дорогу. Тогда зомби тоже замедлили движение, шаги их стали неуверенными. Влад посмотрел в глаза вожаку. Тот вздрогнул и остановился. Остальные последовали его примеру. Носы зашевелились, лова воздух. Наверное, инфекция отключила эмоции не полностью, потому что Влад смог удивиться, когда вся команда хищных тварей повернулась на сто восемьдесят градусов и припустила в сторону ближайшей подворотни. Влад пожал плечами. Бояться. Чего?

Додумать он не успел. Потому что теперь сам почувствовал опасность. Все нити запахов будто обрубил, остался один, какой-то маслянисто-химический. И тут громко лязгнуло, а из бетонного столба в двух сантиметрах от Влада уха посыпались искры. Он повернулся на запах. В одном из незастеклённых окон на втором этаже дома по ту сторону дороги мелькнула тень. И тут же появилась в соседнем окне. Но прежде, чем Влад сумел хоть что-то разглядеть, раздался хлопок, и в плечо ощутимо толкнуло. Сомнений не осталось, за ним охотятся. За время «болезни» ему не приходилось сталкиваться с охотниками на зомби. Более того, до этого момента он и не подозревал об их существовании.

И Влад побежал. Побежал, что было сил, благо тело не успело остыть после изрядной порции мяса. Он кинулся к развалинам завода, которые занимали несколько гектаров. Здесь должен был вырасти фармацевтический комбинат, но стройка сошла на нет задолго до появления зомби. Влад помнил эти развалины как место проведения соревнований по пейнтболу и неплохо ориентировался в бесконечных лабиринтах из железобетона.

Охотник не отставал. Во всяком случае, маслянистый запах никуда не делся. Влад перескочил несколько лестничных пролётов, нырнул в узкий проём и сиганул в шахту лифта. Внутри были выступы, и он надеялся уцепиться за один из них. Удалось, хотя и отломал несколько ногтей. Не беда, отрастут новые. Самое главное, после заражения он почти перестал чувствовать боль, и благодаря этому многое стало возможным. К тому же теперь он просто физически не может истечь кровью.

Запах охотника ослаб, но не исчез. Судя по всему, тот временно потерял след, а значит, надо действовать.

Влад постарался не думать о запахе, сосредоточился на остальных чувствах. Получилось. Мрак рассеялся, стены шахты проступили отчётливо, стала даже видна застрявшая внизу кабина лифта. Это на минус первом этаже. А там — бесконечное подземелье, уходящее на несколько уровней вглубь.

Он в последний раз втянул ноздрями воздух. По крайней мере, охотник не приблизился. Влад оттолкнулся и разжал руки.

2

Грохот разорвал пустые развалины. От тяжести тела крыша кабины прогнулась, но не проломилась. Влад нырнул в сумрак подземелья. Благодаря новым способностям, темнота перестала быть ему помехой — от стен теперь как будто исходило слабое свечение. Он бежал бесконечными коридорами, путая следы. Кое-где на бетонных поверхностях желтели или алели потёки краски от пейнтбольных шариков. Сюда не попадал дождь, а потому краска сохранялась годами.

Он петлял довольно долго, пока не обнаружил узкую нишу, в которую смог протиснуться. Таких ниш в этой стороне катакомб сотни, поэтому на полное обследование охотнику понадобятся недели. Уж за это время Влад что-нибудь придумает. Он забился в самый дальний угол тесного убежища и замер.

Запах охотника развеялся. Звуков, кроме редких крысиных шажков, тоже слышно не было.

Влад и не заметил, как впал в оцепенение, похожее на сон. Сколько времени прошло с тех пор, как он стал одним из этих? Слово «зомби» применительно к себе он не использовал. Несколько месяцев? Пару лет? Нет ответа, только череда выходов за добычей, крики жертв, испуганные лица. Убивать он старался только стариков. Задуманное получалось не всегда, как с этим мужиком с двустволкой, но Влад старался. Хотя бы из соображений рациональности — молодые проживут дольше, а значит на дольше хватит еды. И сколько он видел девушек, так похожих на Лиду, но не идущих ни в какое сравнение? Даже самые красивые из них были всего лишь мясом. Иногда он отчаивался и думал, что Лиду не отыскать. Пару раз ему даже снилось, что это он в приступе безумия убил и съел её. Но наступала голодная ночь, и он снова выходил на охоту, полный уверенности, что его Лида жива. И конечно, она единственная, кто не отнесётся к нему, как к зомби. Для неё он просто болен, а значит, его можно вылечить.

Из оцепенения вырвало шевеление в левой ноге. Влад подтянул онемевшую конечность поближе, взгляделся в рану. Из разорванных мышц сочилась сукровица, но это бывало с ним и раньше. Шевелилось в самой глубине раны. Он наклонился и увидел белое продолговатое тельце. Червяк. И ещё один. И ещё. С брезгливой лихорадочностью он стал выковыривать опарышей. Те падали на холодный бетон и извивались, как на горячей плите. Влад стал давить их подошвой башмака. Заражение крови ему вряд ли грозит, но червям ничего не стоит сожрать всю плоть, и тогда он не сможет охотиться. Но самое главное — придётся забыть о поисках Лиды. Покончив с червями, выдавил со дна раны густую массу, похожую на гной. Теперь придётся быть внимательнее, ибо паразиты могут вернуться.

Часы тикали, и сопротивляться нарастающему голоду становилось всё труднее. Наконец он не выдержал, поднялся.

Лёгкий сквозняк пошевелил волосы.

Выбрался из ниши, поковылял, разогревая тело, в сторону аварийной лестницы. Возможно, он бы не вспомнил дорогу, но зелёные стрелки на стенах ясно указывали путь. Нога заметно ослабела, но голод затмевал мысли. Вверх, туда, где пища. Лишь бы солнце уже село, потому что расширенные зрачки потеряли способность адаптироваться к яркому освещению. Времени прошло много, наверное, несколько суток, поэтому об охотнике Влад не беспокоился, не столь он ценный экземпляр, чтобы его ждали до победного.

Несколько лестничных пролётов обрушились, поэтому выбирался по привязанным к перилам верёвкам. Это отняло неожиданно много сил, тем более что левая нога теперь исполняла роль скорее балласта, чем полезного органа.

Но вот и выход. И на дворе глубокая ночь.

Он шагнул наружу и чуть не наступил на котёнка. Тот жалобно пискнул, но не убежал, а сжался в пушистый комок. Влад присел, коснулся пальцами с обломанными ногтями мягкой шерсти. Нервные окончания почти не функционировали, но он помнил, какова наощупь шкурка котёнка, а потому фантомные ощущения передались ладоням. Маленькое живое тельце. Вполне съедобное. Котёнок поднял головку, мяукнул и круглыми глазами посмотрел на Влада. Тот замер, потом рывком поднялся и переступил через крохотное животное. Зверёныш наконец одумался и сиганул в щель между плитами.

Проследив путь котёнка, Влад начал подниматься, придерживая непослушную ногу. И тут до слуха донёсся рёв двигателя и свист резины. Времени хватило только на то, чтобы повернуть голову. На него мчался чёрный мотоцикл, пилота разглядеть он не успел. Свет фары резанул по глазам, а через мгновение удар в грудь заставил сознание рассыпаться, как части головоломки. Влада откинуло на забор, затылок гулко стукнулся о бетон.

3

В себя приходил долго. Паззл в мозгу всё никак не мог собраться воедино. Наконец

Влад смог узнавать предметы. Он в подвале. Нет, это какой-то ангар или склад, покаты́й потолок теряется в вышине, слабо различимый в тусклом свете грязных ламп. Под самым потолком с криком носятся ласточки.

Ага, со всех сторон — стальные прутья. Похоже, он в клетке. Как те дети из садика, когда грянула сирена. Тогда и началась эпидемия, частью которой теперь стал и сам Влад. Инфекция, вот что это такое. Когда люди превращаются в бездумных роботов-убийц. Ха-ха. Какие придурки. В смысле те, кто так думал. Теперь, когда Влад по другую сторону, он может сказать, что всё это чушь. Да, он изменился, но способность мыслить не утратил. Зато приобрёл многое, да чего там, ведь теперь он почти бессмертен. И, главное, не ведаёт ни страха, ни сомнений.

И всё же он в ловушке. Поймался, как муха на липкую ленту. Клетка, в которой он находится, довольно просторная, здесь есть место для кучи электронного хлама, отдельные его элементы даже смутно знакомы. Но чего здесь точно нет, так это оружия. Об этом тот, кто его поймал, наверняка побеспокоился в первую очередь. А где же сам охотник? Влад ещё раз обвёл глазами ангар, дальняя стена которого находилась метрах в семидесяти. Какие-то ящики, поставленные один на другой, покрытые слоем пыли станки. И ещё одна клетка, поменьше, в ней тоже кто-то есть. Зомби. Не шевелится, но наверняка живой, просто впал в оцепенение.

— Эй, — позвал Влад.

Зомби завозился. Поднялся, вытаращился.

— Говорить можешь? — крикнул Влад и поморщился, потому что получилось «гавави моэ?». Зомби ожидаемо не понял. Его движения выражали беспокойство.

— Ты давно здесь? — снова спросил Влад. В этот раз вышло немного внятнее.

Зомби покачал головой, и, казалось, утратил интерес к товарищу по несчастью. Он отвернулся, прошёлся до решётки и улёгся в углу затылком к Владу. Похоже, разговор окончен.

В ангаре было прохладно, но всё равно летали мухи. Владу это не понравилось. Летучие насекомые могут отложить яйца в его рану на ноге, и тогда жди очередную порцию опарышей. А мухи так и норовят сесть на незаживающее кровавое месиво. Он подумал, что не мешало бы перевязать ногу, но подходящей тряпки в клетке не нашлось.

Он мог долго размышлять на те или иные темы, но тут прозвучал голос, тут же подхваченный эхом:

— Ну как, освоился?

Влад повернулся. К нему приближалась фигура в серой форме, покроем похожей на военную.

Влад сделал неопределённый жест.

Охотник остановился у самых прутьев. Влад прикинул, что хватит двух прыжков, чтобы оказаться рядом и схватить похитителя за горло. Его остановила уверенность незнакомца. К тому же от того исходил этот непонятный запах, совсем не похожий на аромат добычи.

— Присаживайся. — Охотник указал на кучу хлама, наваленного в клетке.

Влад нехотя повиновался, выбрав вместо стула старый монитор.

— Ты ведь понимаешь меня, так?

Влад медленно кивнул. Он пытался направить поток мыслей на решение проблемы выхода из сложившейся ситуации. Получалось паршиво.

Охотник прошёлся вдоль клетки. Остановился, спросил:

— Интересуешься, кто я такой?

Пленник не ответил.

— Конечно, интересуешься. Охотник я. На таких, как ты. Ты знаешь, что это вирус? Вижу, что знаешь. Но вирус не простой, а синтетический. Враг запустил его, надеясь очистить территорию для себя. Запрограммировал на поражение определённых генотипов. Не учёл только поразительной возможности своего изобретения мгновенно мутировать.

— Почему ты... не пахнешь? — выдохнул Влад.

Охотник изогнул бровь и сунул нос в подмышку.

— Антиперсперант хороший, — сказал он и усмехнулся. — Шучу. Я понял, о чём ты. Всё просто — искусственная кровь. Жаль, сама не вырабатывается, приходится менять. Как масло в машине. Зато эффект — на загляденье! Ещё и чип в башке, так что теперь я почти бессмертен. Кстати, ты умеешь говорить. Большинство зомби утрачивают эту способность.

— Зачем я тебе?

— Ну, во-первых, ты — зомби. Ах, вопрос в том, почему я тебя не убил? Ну, ты не совсем типичный ходячий труп. Языком треплешь, обедаешь в основном стариками. Ты же кого-то ищешь, так?

Влад потупился. Охотник знает слишком много, а между тем голод не даёт обдумать ситуацию.

Охотник словно прочитал его мысли.

— Пожрать бы, да? — ехидно спросил он. — Есть у меня для тебя подарок. Если признаешься, кого ищешь. Давненько за тобой слежу, поэтому врать даже не пытайся.

Влад скрипнул зубами. От голода начали трястись руки. Будь что будет...

— Лида! — рявкнул он. — Где она?

Охотник замер. Исчезла даже глумливая ухмылка с лица. Теперь он выглядел серьёзным и озадаченным.

— Ты что-то помнишь? — почти шёпотом спросил он. Затем круто развернулся и скрылся за узкой дверью в боковой стене ангара.

Через минуту он вернулся. С плеча его свисало тело тощего старика.

Швырнул труп на пол возле прутьев, пояснил:

— Застрелился сегодня. Влупил дуплетом в сердце. Так что поаккуратней там, картечью не подавись.

Влад кинулся к мертвецу. Конечно, жевать дохлятину то ещё удовольствие, но выбирать не приходится. Он просунул руки между прутьев, пальцы впились в дряблую кожу. Подтянул труп поближе и забылся в блаженном поедании. Он не замечал изучающего взгляда охотника. Не видел вскочившего в своей клетке второго пленника, который с воем кидался на прутья и тянул руки к недостижимой пище. Почему-то охотник решил покормить только Влада.

4

Насытившись, Влад отполз к куче хлама, свернулся калачиком. Ему требовалось время на переваривание.

Когда смог двигаться, обнаружил, что охотник исчез. В соседней клетке зомби сидел на коленях и раскачивался из стороны в сторону, на Влада он не смотрел. От нечего делать Влад решил изучить ту гору наверняка нерабочей техники, которая занимала добрую четверть его клетки. В основном это были печатные платы и пожелтевшие пластиковые корпуса. Почти ничего металлического и хоть сколько-нибудь применимого в качестве оружия. Его внимание привлекло массивное устройство, по виду совершенно целое и до боли знакомое. Влад принялся расчищать кучу, освобождая прибор от мусора. И тут он вспомнил. Это радар. Судовой радар устаревшей конструкции. Ну конечно, ведь Влад в прошлой жизни был моряком, работа была связана как раз с подобной аппаратурой. Он почувствовал невероятное возбуждение. Так, эти радары использовались ещё во времена его детства, а сам он видел такой в училище. Уже тогда их заменили более безопасными.

Влад схватился за волосы. Какую опасность мог представлять этот старинный радар? Он не помнил. Наверное, часть мозга всё-таки отмерла. Злость сотрясла тело. Невероятно, таких мощных эмоций он не испытывал ни разу с момента инфицирования.

Вопль из соседней клетки заставил его повернуться. Зомби крикнул снова. Нечленораздельное. Прыгал, как подстреленный, махая руками. Влад пригляделся и увидел воробья. Тот порхал над скачущим живым мертвецом и чирикал. Но скоро птице надоело это занятие, и она полетела вверх, в сторону потолка, на котором подрагивали пятна

светильников. Влад проследил за её полётом и залип.

Электрический свет гипнотизировал. Шестерни в черепе зашевелились, мыслительный процесс пришёл в движение. Перед глазами, как трейлер к фильму, мелькали сцены из прошлой жизни. Вокруг вода, пол качается, как при землетрясении. «Шторм», — вынырнуло из глубин памяти позабытое слово. «Не сиди на нём, детей не будет», — чей-то голос, размазанный, как каша по тарелке. А вот и радар, кто-то сидит на нём, и это *опасно*. Вой сирены, зомби. Сначала один-два, похожи на пьяниц, даже не верится, что представляют угрозу. Но вот их всё больше. Люди орут, прячутся в квартирах. А через какое-то время сами выламывают двери и выходят на охоту — инфекция. Влад держался довольно долго. Почти всех знакомых сожрали. А потом этот ребёнок... Маленькая девочка с потерянным взглядом. Он тянет к ней руки, но та открывает ротик и впивается зубками в его ногу. Он не знал, что в столь маленьком тельце может таиться такая сила. Грызёт и грызёт, пока он не сворачивает ей шею. Потом каталка, его руки и ноги связаны. «Давно?» — спрашивает мужской голос, наверное, доктор. «Да нет, пара часов максимум», — отзывается другой. Доверять такому голосу Влад бы не стал. Но доктор верит. И собирается вставить Владу в сердце фильтр, отлавливающий вирусы — новое изобретение учёных. Это нужно делать в первые часы после укуса, пока инфекция не проникла в клетки. Маленькая комната, свет в глаза. И она. Лик богини, потому что не может человек иметь такое лицо. Её губы размыкаются, и до его слуха доносится: «Лида».

Светильники мигнули и наваждение прошло.

Влад посмотрел в сторону двери. Закрыта, и охотника не видеть.

Он принялся энергично расшвыривать оставшийся хлам. Вот и радар, на первый взгляд, целёхонек. Оборванный провод — питание. Влад работал и работал, не замечая, как тело разогревается. Вот к коже уже нельзя прикоснуться. Начали тлеть обрывки одежды. Волосы свернулись в маленькие колечки.

Спустя час или все десять, Влад щёлкнул тумблером. Сначала ничего не произошло, но потом послышалось нарастающее гудение. Радар заработал! Влад с удивлением проследил за проводом, который тянулся к потолку сквозь прутья клетки. Он не помнил, как взбирался наверх и приматывал провода к тем, что питают светильники. И всё-таки он сделал это. Он обхватил гудящий радар обеими руками, повернул активной стороной к выходу. Затем сел и откинулся на вибрирующий пластик. Опасаться излучений не стоило, ведь он зомби. Чёртов зомби. Да, он впервые назвал себя этим словом, но не испытал никаких неприятных чувств.

5

Дверь скрипнула и отворилась. В прямоугольнике света отчётливо вырисовывалась фигура, которую Влад узнал бы из тысячи. Охотник.

— Загораешь? — насмешливо спросил тот, привыкнув к полумраку ангара.

Влад пожал плечами. Слово «загар» давно утратило для него смысл.

Охотник расстегнул серую куртку, снял, зашвырнул на один из ящиков.

— Я сейчас зайду к тебе, поговорим, — сказал он.

Радар продолжал монотонно гудеть.

Влад медленно кивнул. Он надеялся, что охотник не заметит его оживления.

— Только без глупостей, — предупредил тот, — я вооружён, да и вообще, справиться с тобой не проблема. Просто не хочу, чтобы ты повредил мне оболочку.

Щёлкнул замком, решётчатая дверь отворилась.

Влад не шевелился.

— Гляжу, порядок навёл, — продолжал охотник, шаг за шагом приближаясь к пленнику.

Тот снова пожал плечами.

— Авирадона-у-у-не, — вдруг сорвалось с губ охотника. На его лице явно прочитывалось недоумение. И тут с ним произошло невообразимое. Его конечности зажали

каждая собственной жизнью, голова начала раскачиваться взад-вперёд, глаза вращались, как обезумевшие.

Влад с интересом наблюдал за происходящим. Его замысел сработал, излучение от радара оказалось настолько сильным, что электронная начинка киборга засбоила. Не став дожидаться, когда охотник упадёт, тем более тот мог переключиться на какой-нибудь резервный процессор, Влад вскочил и ринулся на врага.

Радар он выключил только после того, как отрезал охотнику ступни и кисти рук отобранным у него же ножом. Затем швырнул ставшее беззащитным тело на груды мусора.

— Теперь поговорим, — сказал он, но получилось «тепеава-аим». Тем не менее, охотник понял.

— Спрашивай.

Из соседней клетки за происходящим наблюдал так и не покормленный зомби. Под потолком с пронзительным писком носились ласточки.

— Где Лида? — Два коротких слова протолкнулись через связки с невероятным усилием.

Охотник поднял брови:

— Ты так и не вспомнил? Надо сказать, мы долго ржали, когда поняли в чём дело. Ах да, я не сказал, в том подвале, где тебя собирались оперировать, велась видеосъёмка.

И он заржал, хотя смех поражал неискренностью, да и каким ещё он мог быть у человека с искусственной кровью?

Влад замахнулся ножом.

Смех стих.

— Ты сам будешь смеяться, — пообещал охотник. Похоже, он совсем не обращал внимания на сочащиеся кровью обрубки. В этом он был похож на зомби.

— Короче, запись пришлось просмотреть несколько раз. Помнишь, врач спросил про обезболивающие?

И Влад вспомнил. Девушка анестезиолог держала на лице Влада эфирную маску, когда голос из-за пределов видимости спросил:

— Что у нас с обезболивающими?

— Лидокаин... — произнесла девушка, но Влад услышал только два слога: «ли-да...», — и рванулся вперёд.

Он обхватил голову руками.

— Не-ет! — вырвалось из парализованного горла.

— Хует, — отозвался охотник. — Ту девушку, даже не знаю, как её звали, ты разорвал в клочья. Не столько ел, сколько глумился. Врачу погрыз шею. Ещё одному из медиков удалось сбежать, но видно ты его таки задел, потому что к нам он не явился. Наверное, пополнил армию зомби.

Влад с размаху воткнул длинное лезвие армейского ножа в грудь беззащитного противника. Но тот только усмехнулся и продолжил:

— Сожрал ты свою «Лиду», придурок.

Больше он не проронил ни слова. Влад отрезал охотнику голову, орудуя ножом, как пилой, затем подошвой ботинка раскрошил нижнюю челюсть. Разделённые голова и тело какое-то время шевелились, потом успокоились.

После этого зомби из соседней клетки потерял интерес к происходящему и демонстративно повернулся спиной.

Влад сунул нож за ремень и направился к выходу. Разумеется, он не верил ни единому слову охотника. Лида обязательно отыщется, но нужно поторопиться — левая нога вот-вот отнимется.

Консерваторы

Джо Банниган слыл консерватором даже среди консервативных южан. Когда вся страна в едином порыве поддержала молодого Кеннеди, Банниган упорно голосовал за Никсона. Жена давно смирилась с его чудаковатостью и даже иногда поддерживала. Во всяком случае, когда Джо заявил, что на одном ребёнке, тем более девке, он останавливаться не намерен, супруга выказала немного даже навязчивую покорность — схватила мужа за узел шейного платка и потащила в кровать, на которой всего два года назад чета Банниган соорудила малютку Лизи.

На двухколёсного «ишака», как называл странного вида драндулет его старший брат, Джонни сел в семнадцать лет. «Ишак» больше ревел и дымил, чем ехал, но Джо был доволен, как хорёк, пробравшийся в курятник. Потом он разжился ещё двумя-тремя подобными агрегатами, но всё изменилось, когда Джон Банниган приобрёл новенький Харли Дэвидсон. Конечно, покупка основательно подорвала семейный бюджет на долгие месяцы вперёд (техника была куплена в кредит), но никто и пикнуть не смел о её несвоевременности. Даже жена, только что родившая Ллойда и совершенно вымотанная хлопотами по дому, возражать не стала. В глубине души ей даже нравился этот железный монстр цвета хаки, обильно украшенный хромированными деталями.

— Вот это вещь! — заявил Джо, похлопывая мотоцикл по баку. — Спортстер!

— Спортстер, — повторяла жена непонятное слово и прислушивалась, не проснулся ли малыш Ллойд.

— Это тебе не то, что старинные колымаги! — громыхал на всю улицу Джо, по случаю покупки он изрядно приложился к бутылке Джека Дэниэлса. — Гляди, двигатель — v-образный, скоростя переключаются ногой! Но всё равно олдскул. А то милуокские яйцеголовы удумали следующий мотоцикл сделать на кнопках. Тьфу, срань господня!

Жена кивала и робко косилась на сверкающую хромом солидного вида выхлопную трубу.

Когда Ллойд исполнилось три года, Джо водрузил малыша на бензобак и торжественно покатил по городку. Мотоцикл басовито хрюкал, Ллойд цепко держался ручонками за диск спидометра и мелко дрожал, а старший Банниган, нарочито вяло покручивая ручку газа, изо всех сил сдерживался, чтоб не расплыться в самодовольной улыбке.

Джо остановил Харлей возле центрального супермаркета, пересадил сына на сиденье. Ллойд испуганно заморгал. Тогда широченная, как лопата, пятерня отца пару раз хлопнула ребёнка по спине. Неизвестно, подействовало ли это своеобразное утешение, но мальчик потупил взгляд и остался на мотоцикле дожидаться отца.

— Я мигом, — пообещал тот и неторопливо двинулся к дверям магазина.

На входе он столкнулся с кухней по матери, та служила монашкой в баптистском храме в нескольких кварталах от центра. Общались они редко — Ребекка родилась на пять лет раньше кузена, да и характерами сошлись немногим лучше, чем собака с кошкой. Но в этот раз Джо был не прочь перекинуться с сестрой парой-тройкой слов. Тем более, она наверняка заметила, на чём подкатил двоюродный брат.

— Привет, — небрежно сказал он. — Как делишки?

— Здравствуй. Всё хорошо с божьей помощью, — ответила Ребекка и потупила взор.

Джон оперся плечом о покрашенную в жёлтый цвет стену и пристально посмотрел на сестру.

— А ты схуднула. Мужика тебе надо, вот что я скажу.

— Джон, не начинай...

— А что я такого сказал? — возмутился Банниган. — Моя кухня чахнет на глазах, а я должен поплёвывать и делать вид, что моя хата с краю? Так не пойдёт. Возраст у тебя, чего греха таить, далеко не первой свежести...

— Джон!

— ... А жизнь-то идёт. У меня вон дети, мотоцикл, — он мотнул головой в сторону парковочной площадки.

Ребекка проследила за его взглядом и глаза её округлились.

— Джон, ты оставил ребёнка без присмотра!

— Да ладно тебе, он уже здоровенный мальчик.

— Пока ты здесь треплешься, он может упасть!

— Реба, не будь занудой, — взмолился Джо, — хочешь, прокачу?

— Спасибо, не надо, — раздражённо произнесла Ребекка и двинулась к выходу.

— Что, господь прокатит, да? — бросил Джон в спину сестре и загоготал.

Когда он вернулся из супермаркета с упаковкой пива, Ллойд каким-то чудом ещё удерживал равновесие.

— Ну как, не скучал? — спросил Банниган-старший, привязывая обойму банок «будвайзера» к миниатюрному багажнику. К слову, точно такое же пиво продавалось и в ближайшем к дому Банниганов магазине, но, как мы понимаем, пиво было только предложением.

Ллойд не ответил. Он уже привык к тому, что вопросы отца за редким исключением являются риторическими, поэтому без нужды старался рта не раскрывать.

И они двинулись домой. Харлей глухо плюхал поршнями, прохожие оборачивались, провожали Банниганов долгими взглядами.

А ещё через два года, когда малышу Ллойд исполнилось пять, за окном послышался звук, который все члены семьи, включая новорожденную Кэрри, отличили бы от тысячи похожих. Это тарахтел суровый твин Харлея. Всё бы ничего, если на то пошло, они слышали этот прямоточный выхлоп едва ли не каждый день на протяжении нескольких последних лет, вот только сейчас вся семья, включая отца, была в сборе. Это был субботний день, и по этому случаю семья Банниганов устроила небольшой праздничный обед.

Все, как по команде, повернули головы к окну.

— Кого это чёрт принёс? — удивился Джо с набитым ртом — он как раз приступил к румяному сэндвичу с тунцом.

Жена пожалала плечами и поспешила к двери.

Джо тем временем откусил ещё один кусок, да такой, что тот едва уместился во рту, вытер пятерню о штанину и нехотя двинулся следом.

— Ну что, мать вашу, не ждали?! — заорал человек в жёлтом шлеме. Возле него громоздился краснобакий мотоцикл, такой красивый, какие бывают только в журналах.

— Не ждали, — хмуро согласился Джо, с неудовольствием признавая в громогласном госте своего двоюродного дядьку по отцу. Джо с дядькой Бобом были почти одногодки, но статус племянника раздражал Джонни со времён сопливого детства.

— Вот, гляди, какого коня приобрёл! — орал дядька Боб, обращаясь исключительно к Джону, в этом он был похож на племянника — оба умели игнорировать женщин так, что те мгновенно ощущали себя людьми второго сорта.

Джо с подозрением покосился на алую каплю бензобака, перевёл взгляд на канареечный шлем Боба.

— Что-то ты сверкаешь, как жопа у беспризорника, — сказал он.

— Завидууй молча, племянничек. Да не бойсь, подойди ближе, прикоснись, так сказать, к прогрессу. Твоя-то корча сгнила, небось.

— Это тебя раньше черви сожрут, — привычно отозвался Джо и всё-таки поддался любопытству, сделал пару шагов в направлении дядькиного мотоцикла.

— Гляди. — Сияя, Боб что-то нажал на руле.

Послышался ритмичный лязг, и вдруг мотор взревел, а из выхлопных труб вырвались два облака белого дыма. Потянуло непередаваемым запахом сторевшей бензино-масляной смеси.

— Электростартер! — заявил Боб, подняв указательный палец. — Это тебе не кочергой

дрыгать.

Джо скривился:

— Фи. Я уж думал ошибся, но нет, мой драгоценный дядюшка окончательно рехнулся и подался в пидарасню.

Боб не обиделся. Сколько себя помнил, все разговоры с Джоном сводились к взаимным оскорблениям, которые в конце концов настолько приелись, что перестали вызывать раздражение, а стали служить обычной связкой слов.

— Дурак, — пожал плечами Боб с таким видом, словно говорил: «Что ещё от такого дебила можно было ожидать». — Скоро все мотоциклы оснастят электростартерами, не останется ни одного с твоим допотопным киком!

— Посмотрим, — прорычал Джо. Он окончательно потерял интерес к этому двухколёсному чуду, которое и мотоциклом-то назвать язык не повернётся — надо же, уже и заводится с кнопки. Так скоро каждая баба сможет ездить.

Гостя накормили обедом, а вечером и далее почти до самого утра Джо с Бобом накачивались пивом. И если Боб делал это с удовольствием, то и дело восхваляя технический прогресс и даже объявляя тосты в честь инженеров, то племянник пил с иным настроением. Он старательно затыкал рот горлышком очередной бутылки, чтобы не высказать всё, что накопилось. Ему не хотелось думать о том, куда катится этот грёбаный мир, где уже и бриться начинают *безопасными* бритвами, где мотоциклы заводят нажатием кнопки. Наверное, размышлял он, последним проявлением высшей справедливости был тот случай с Кеннеди, которому так славно разнесли башку. Ведь, конечно же, всё идёт сверху, и пока сраные демократы будут у власти, у нормального хода вещей шансов нет.

Тем временем Ллойд вырос. Конечно, как и все дети, он смеялся над чужаковатостью отца, считал того увязшим в дремучих догмах. Особенно в подростковом возрасте он часто выказывал Джону свое пренебрежение к старым устоям. Да только мог ли молодой человек, получивший истинно Банниганское воспитание так уж далеко уйти от своего родителя?

С пелёнок познавший мотоциклы и не раз обмочивший сиденье отцовского Харлея, Ллойд не заметил, как стал байкером. Он одновременно и ненавидел ржавую отцовскую колымагу — к тому времени Спортстер совсем сгнил и грозил развалиться на первой кочке, — и мечтал о собственном двухколёсном коне.

И вот, горячим, как расплавленный свинец, летом 1981 года Ллойд с отцом отправились в штат Огайо, там буквально пару месяцев назад заработал конвейер по сборке шедевра японского мотопрома — бесконечно огромной Хонды Голд Винг. Джо кривился: «Начёрта тебе эта узкоплёночная дрянь?» — на что Ллойд отвечал, что Харлей — это прошлый век, а Голд Винг — отличный мотоцикл. Отец смачно сплёвывал, бурчал под нос, но в душе радовался, что, по крайней мере, сын не захотел машину, этот гроб на колёсах, в котором и воздуха-то свежего не увидишь.

«Голда» нравилась Ллойдю невероятно, он буквально жил на ней. Неудивительно, что даже первый сексуальный опыт (тогда ему стукнуло 22) он получил прямо на мотоцикле. Выпускница средней школы, белобрысая Линда уже на второй день знакомства с Ллойдом живо вспорхнула на заднее кресло Хонды и раздвинула ноги. Выглядело это всё шикарно, а вот процесс оказался весьма неудобным. Более того, мотоцикл едва не завалился набок в самый ответственный момент. Но насколько нелепой вышла любовная сцена, настолько же героической она предстала в устах Ллойда, и чем дальше во времени отстояло это событие, тем больше блеска приобретало, прямо как невзрачная медная монета, которую чем чаще елочишь в руках, тем ярче она становится.

В отличие от отца, Ллойд не считал семью главным достоянием мужчины. У него самого было трое сестёр и младший брат, поэтому вся эта многодетность казалась ему пережитком старины. Он жил в своё удовольствие и даже умудрился окончить колледж. К тому времени на заднем сиденье его «Голды» перебивало несколько десятков девчонок, но никакого секса

на мотоцикле он больше не допускал, если не считать тех случаев, когда байк становился опорой для принятия дамой позы креветки. Но всё равно, вся жизнь Ллойда крутилась вокруг мотоцикла: с девушками он знакомился благодаря Хонде, на учёбу, а затем и работу ездил на ней же, к тому же почти все заработанные деньги тратил тоже на драгоценную «Голду».

И всё-таки он попался. Давно известна женская способность ставить хитроумные силки на мужчин. Не избежал сей участи и Ллойд Банниган, хотя почти до тридцати лет ему удавалось «держать бога за яйца», как говаривал его отец, Джо Банниган, так и оставшийся верным своему Спортстеру с допотопной «кочергой». И так, Мелинда Спрюс оказалась самой ловкой из виденных им доселе дам. Лин, изобразив очередную жертву крутого мачо на огромном байке, без труда накинула на расслабившегося Ллойда хомут. В один прекрасный вечер, когда Банниган ввалился в съёмную хату на Торнтон-стрит пьяный и мечтающий только о мягкой постели, Мелинда встретила его в ночной рубашке и чулках в сеточку.

— А ты как сюда... — промямлил удивлённый Ллойд.

— Ты мне ключ оставлял, не помнишь?

Он не помнил. Да это было и неважно. Упасть и спать, потому что завтра понедельник — вот что по-настоящему волновало его в тот момент.

— Ничего не хочешь узнать? — вкрадчиво спросила Лин.

— Хочу узнать, брила ли Мэрилин Монро пилотку, — огрызнулся Ллойд, неуклюже стаскивая армейские ботинки.

Мелинда только улыбнулась. Мы так и не узнаем, слышала ли она в тот момент реплики жениха или была полностью погружена в собственные мысли.

— Между прочим, через три четверти года ты станешь отцом, — огорошила она и как бы между прочим присела на диван таким образом, что стало заметно, что под чулками у неё нет даже намёка на трусики.

Дальнейшее, вплоть до рождения Майкла, Ллойд помнил смутно. Отчасти виной тому ежевечерние возлияния. Как бы то ни было, в тридцать лет Ллойд Банниган стал отцом.

Ну разумеется, Майкл Банниган любил мотоциклы. И совершенно логично, что он считал отца тупицей и консерватором. Он даже байк приобрёл за собственные деньги, заработанные перепродажей спайсов. Хвала богам, наказания удалось избежать.

Майкл был единственным ребёнком в семье, но не избалованным, как это обычно бывает. Ллойд уделял сыну необходимый минимум времени, а может и того меньше. Поэтому мальчик рос самостоятельным, и лишь чудо оградило его от попадания в скверную историю. Видя, как отец подруливает на старенькой «Голде», он снисходительно покачивал головой. Бессмысленней мотоцикла в его понимании в мире не существовало. Конечно, если не брать во внимание одиозный Индиан. Его рациональный мозг вывел аксиому: техника должна приносить максимальную пользу. Поэтому выбор пал на баварский турэндуро ЖиЭс. Этот мотоцикл и в городе чувствовал себя уверенно, и на бездорожье держался достойно. При этом расход топлива, благодаря инжектору, был минимальным. Но особенный восторг у Майкла вызывала антиблокировочная система тормозов, благодаря которой мотоцикл умел застывать как вкопанный за считанные доли секунды, почти исключая занос.

Как-то раз отец попросил Майкла прокатиться на его БМВ. Тот протянул ключи.

— Только не убейся! — наставительно сказал он, хотя был уверен, что Ллойд скорее убьётся на своей «японке». Он ещё не представлял, насколько пророческой была эта мысль.

Отец прокатился, спрыгнул с высокого сиденья и заявил:

— Это табуретка. Причём электронная. На нём же даже не надо уметь ездить — он всё делает за тебя. Ты называешь это мотоциклом?

— Именно, — подтвердил Майкл. — Зато топки жрёт мало, впрыск всё-таки...

— Хотел бы я поглядеть на тебя, когда твой впрыск завернёт ласты, — парировал Ллойд. — Будешь вызывать эвакуатор?

— А ты же что, сумеешь починить свой, как его там... карбюратор!

— А то! Да это же как два пальца. Разобрал, продул жиклёры — и вуаля!

Так они ни о чём и не договорились, каждый остался при своём. Майкл знал, что прав именно он, потому что та же антиблокировочная система уже не раз спасала ему жизнь, особенно в тот раз, когда он едва не улетел в каньон.

Но время шло, друзья Майкла стали пересаживаться на электромотоциклы. Тем совсем не требовался бензин, да и мотор занимал куда меньше места, освободив его для более полезных вещей. Майкл же отнёсся к новому веянию с подозрением.

— Что будешь делать, если не найдёшь розетки? — спросил он как-то Густава Подольски, своего старого приятеля.

— А ты — если закончится бензин? — вопросом на вопрос ответил тот.

— Я могу прихватить запасную канистру.

— А я — батареею!

— И всё равно это не мотоцикл, — обиделся Майкл. — Подумать только, ни звука двигателя, ни запаха выхлопа.

— Звук можно включить через динамик, — пожал плечами Подольски.

— Это не то! — уверенно сказал Майкл, а про себя добавил: «Куда катится мир? Гомосятина какая-то кругом».

Примерно в том же году, когда Густав Подольски пересел на электробайк, в жизни Майкла случились два значительных события. У него родился сын и погиб отец. Старик Ллойд ехал из Массачусетса с какой-то байкерской тусовки, когда навстречу вылетел Фрэйтлайнер с набитой замороженными стейками фурой. Ллойд Банниган вдавил оба тормоза, но мотоцикл, вместо того, чтобы остановиться, нёсся дальше, постепенно заваливаясь набок. Удар был такой силы, что осколки черепа байкера нашли внутри грузовика, в пространстве между двигателем и салоном. Остальные части тела Ллойда также не слишком-то отличались от рассыпавшихся по дороге стейков.

Несмотря на нелепую смерть деда, сын Майкла, Майкл Банниган младший, тоже полюбил двухколёсные машины. Но на любовь наложила отпечаток эпоха, в которую его закинула судьба. Настало время альтернативных источников питания, среди которых наименее авангардным был электрический ток. Ещё будучи школьником, Майкл клячил у родителей деньги и всё до единого цента оставлял на мотоцикл. И ранним утром того дня, когда ему полагалось напиться с друзьями и подружками да устроить какую-нибудь оргию или чего похлеще (парню стукнуло восемнадцать), он купил билет на автобус до Лос-Анжелеса. И уже в районе обеда перешагнул порог элегантного салона с пафосной надписью «Дукати» над входом.

К шести тридцати вечера, когда консультант вежливо намекнул, что близится закрытие, в салоне не осталось ни одного байка, сиденья которого не коснулась задница неугомонного посетителя.

— Вот этот, — с уверенностью заявил Майкл, ткнув пальцем в крепенький нэйкед с трёхглазой фарой. Пожалуй, это был самый классический мотоцикл в модельном ряду Дукати. Разумеется, байк располагал мощным электродвигателем.

Завершив необходимые формальности, Банниган младший покатил в родной Техас, имея между ног породистого итальянского скакуна. Он представил физиономию отца, когда тот увидит это чудо инженерной мысли. Это стоило того, что потом ему придётся выслушать кучу нравоучений и старческого брюзжания, смысл которого будет заключаться в том, что без двигателя внутреннего сгорания и байк — не байк, и вообще человечество мчится в пропасть.

Но уверенность в том, что Армагеддон всё-таки вот-вот настанет, не миновала и Майкла. Потому что вскоре один за другим, байкеры стали отказываться от электроциклов, и

те всё чаще оставались ржаветь в гаражах или на бесплатных парковках. Потому что пришло иное время, безвозвратно изменившее привычную реальность. Жизнь практически полностью ушла виртуал, туда же потянулись и любители мотоциклов. И вот уже дочка Майкла Баннигана, двадцатилетняя Сара, по вечерам собирается с друзьями, все надевают костюмы виртуальных байкеров и «уходят в астрал», как с бессильной злостью называет это непотребство Майкл Банниган младший, последний представитель олдскульной культуры настоящих мотоциклистов.

Фонарик

i

Сон не шёл. Ветер, злой, хлёсткий, швырял в лицо песчинки и сорванные с деревьев листья. Казалось, осень ненавидит путников. Наверное, поэтому жители деревни давно уже поправили изгороди и сидят в хижинах, дожидаясь весны.

Мечтатель попробовал закутаться плотнее, но куда там, козья шкура слишком мала, чтобы спрятать взрослого мужчину. Он ощущал себя подростком, но неумолимое время месяц назад сделало его восемнадцатилетним. Собственно, будь ему меньше, разве бы смог покинуть деревню?

Со стороны холма донёлся вой. Мечтатель вздрогнул. На секунду ему послышался голос зверя, но тут же успокоил себя — в эту неделю звери сидят в логове. Так что это ветер воет в макушках голых уже осин.

В темноте зашевелились. Кочан или Лера, больше некому. Хотя Кочан толстый, такого ветром не прошибёшь. К тому же шкуру добыл хорошую, воловью, чего ему вошкаться — спи себе до утра, как в натопленной избе.

— Лера, — шёпотом позвал Мечтатель.

— Чего тебе?

— Проверяю, кто это там не спит...

— Поспишь тут, — сквозь зубы проговорила девушка, — холод собачий. Ещё этот вой.

— Это ветер. В деревьях.

— Знаю. Но всё равно не по себе.

Мечтатель хмыкнул. Не от веселья конечно — от бессилия. Разумеется, спать, прижавшись друг к другу теплее, но так легко стать добычей. И зверь шальной может появиться, да и бродяг хватает. А так — на одного нападут, остальные успеют среагировать. Он принялся. Зверя можно учуять на расстоянии, уж больно резкий запах, острый с кислинкой, но это если с ветром повезёт. Нет, сейчас пахнет мёртвыми листьями и сыростью, которая идёт от земли. А ещё — дымом костра, это конвой греется в полутора верстах, они расположились в долине возле реки, потому что стаду постоянно требуется вода. Мечтатель закрыл глаза, попробовал заснуть.

Не получалось. На сердце лежала тревога, холодная, когтистая. Дойдут ли до реактора? Что если нет? Лерке ещё семнадцать, по сути она не имела права покидать деревню. Это он, Мечтатель, потянул за собой. Конечно, Лера сама изъявила желание, да только что с того, отвечать всё равно Мечтателю, он-то совершеннолетний.

Лера уже пять лет жила без родителей, на попечении бабки. Хотя кто кого опекал — вопрос. Лера с малых лет росла девчонкой боевой, постоянно дралась и вредила наравне с мальчишками. Ей было двенадцать, когда родители не вернулись с поля. Заработались, урожай в том году выдался добрый, и не заметили, как солнце на небе сменилось луной. Их тела нашли на полпути к дому, в овраге, где гончар с сыновьями копают глину. Разорванные так, что признали их только по обрывкам одежды. Звери. Похоже, орудовала целая стая, хотя чаще звери охотятся в одиночку. Ходят слухи, что зверей привезли «прыгуны», как напоминание о себе и серьёзности договора. Лера слухам не верила, но это было и не важно — главное, что родители мертвы, а звери по-прежнему шарятся по ночам в поисках очередной жертвы.

Однажды Лера спросила бабушку, почему у других животных есть названия, а у зверей нет. Бабушка долго молчала, пережёвывая беззубыми челюстями, потом неохотно ответила:

— Потому что — звери! Какое ж им название... Нельзя. Чтоб не накликасть.

Такое объяснение Леру не удовлетворило, но бабушка наотрез отказалась продолжать разговор.

Мечтателя тоже интересовали звери, но были вопросы и поважней. Например, что такое

— этот реактор. И правда ли, что он может ночь превратить в день. Вспомнился разговор с дядькой Храпуней, последний, потому что дядька умер на следующий день, он и так почти неделю боролся с лихорадкой, даже появилась надежда, что сдюжит. Но нет, лихорадка прибирает людей исправно, если уж наметила кого — своего не упустит. Дядьку Храпуню считали чудачком, с детства выдумывал истории, которые никто всерьёз не воспринимал. Детей у него не было, жена сбежала через месяц после свадьбы. Поговаривают, не выдержала храпа, от которого стены ветхой избы ходуном ходили. В чудовищный дядькин храп Мечтатель верил, сам не раз слышал приглушённый рокот, который катился по вечерам со стороны дядькиного дома. Но в рассказ поверил только в тот последний день.

Мечтатель присел на уголок табуретки и смотрел на умирающего. Некогда исполинское тело Храпуни за неделю болезни иссохло так, что рёбра были видны даже через рубаху. Комнату заполнил тяжёлый запах пота и разлагающихся внутренностей, но дядька был в сознании.

— Может, у тебя получится добраться до реактора, — прохрипел дядька и надолго закашлялся.

Мечтатель терпеливо ждал. Он любил истории, они позволяли хотя бы на время покинуть серую действительность и унести в по-настоящему красочный мир.

— Слышал о реакторе? — спросил Храпуня, переведя дух.

Мечтатель неуверенно кивнул.

— Все слышали... — кивнул дядька. На мгновение веки его сомкнулись, но тут же разомкнулись, обнажив большие навывкате глаза, покрытые сеточкой красных прожилок.

Сальная свеча потрескивала, отчего в комнате становилось уютно — и не скажешь, что вот-вот сюда постучит старуха с косой.

— Все слышали, — повторил Храпуня, — но никто не верит. А ведь отец моего деда работал там, на реакторе. Кстати, твой прапрадед.

Мать Мечтателя была сестрой дядьки Храпуни, но она, в отличие от брата, историй не рассказывала.

В тот день Храпуня поведал, что пращур, который застал и реактор, и войну, сумел выжить. Он был помощником учёного, который строил реактор, «стажёром», как сказал дядька, но Мечтатель такого слова не знал. Мечтатель понял, почему другие родственники старались эту историю не афишировать — учёные, это те, из-за кого и случилась война с «прыгунами». И хорошо, что случилась, иначе бы реактор вообще всех погубил.

Тогда мир был совсем другим, по дорогам носились повозки без лошадей, небо пересекали летающие дома. Но людям было мало, они решили создать настоящее солнце, чтобы почувствовать себя богами. А на то, что от солнца сгорит всё живое, им было плевать.

И вот, когда реактор был почти готов, нагрянули «прыгуны». Прямо из воздуха появлялся вихрь, а через секунду из него выходило существо в чёрной маске. Тот, кому не повезло оказаться рядом с «прыгуном», тут же погибал в ужасных муках — у него лопались глаза, а изо рта и ушей били фонтаны крови. Щадили «прыгуны» только детей.

— А откуда они взялись, эти «прыгуны»? — спросил Мечтатель, стараясь, чтобы в голос не просочились нотки недоверия.

— Известно откуда, — сказал дядька, — с неба. Говорят, их летающие корабли зависли прямо над облаками, с них-то и сигали.

Реактор располагался внутри высокой горы, но пришельцы из чего-то стрельнули, и гора превратилась в нагромождение камней. Стажёр находился в двух верстах от взрыва, но ему всё равно оторвало руки и переломало ноги. Нашли его чудом, учитывая, что вокруг происходило буквально истребление человечества, а потом пришельцы позволили детям забрать истекающего кровью стажёра в укрытие.

Через месяц с людьми было покончено. Точнее — с цивилизацией. Руины городов, искорёженные обломки самодвижущихся экипажей. Редкие взрослые, оставшиеся в живых, были как один, ранены и долго не протянули. А через некоторое время по лагерям, наспех сооружённым испуганными детьми, начали ходить старцы. Они раздавали книги и

рассказывали, что побывали в плену у пришельцев. И уверяли, что те выпустили их с одной целью — донести до людей единственную мысль: наука — это зло. Если кто-то хотя бы притронется к уцелевшему механизму или попробует изобрести его сам, «прыгуны» вернуться. Но тогда уже пощады не будет никому. Потому что наука едва не уничтожила Землю.

Заворожённый, Мечтатель поднялся. Было уже поздно, да и у дядьки, похоже, начался приступ.

— Подожди, — услышал он уже стоя в дверях.

Обернулся.

Дрожащей рукой дядька протягивал какой-то предмет. В тусклом свете сальной свечи было не разглядеть. Мечтатель приблизился. Длинные пальцы, похожие на пальцы скелета, сжимали чёрный цилиндр, длиной с ладонь.

— Это фонарик, — объяснил дядька. — Он делает из ночи день.

ii

— Эй, засоня! — услышал Мечтатель. Его яростно трясли за плечо. Похоже, всё-таки заснул.

Разлепив веки, он увидел лицо Леры. Давно не мытое, только диагональный шрам на лбу белый, как нарисованный.

Небо начинало сереть.

Мечтатель поднялся, первым делом проверив, на месте ли тесак. В десяти шагах, у куста шиповника, возился Кочан. Он неловко сворачивал воловью шкуру, пыхтел, бубнил под нос. Рядом лежали арбалет и миниатюрный самострел.

— Двинулись, — сообщила Лера, мотнув головой в сторону реки.

Мечтатель посмотрел в указанном направлении. Действительно, костры затушили и теперь пастухи отгоняют скот от воды, стражники проверяют оружие, взбираются на коней. Отсюда долина как на ладони, и Мечтатель подумал, что при желании можно попытаться посчитать скот. Но и без того видно — только коров не меньше тысячи, овец же больше как минимум двое. Людей — человек сто, половина из которых хорошо вооружённые всадники.

— Хоть бы сдохла одна...

Мечтатель повернулся. Кочан стоял рядом, почёсывал внушительный живот.

— Ты о чем?

— Корова, говорю, — пояснил Кочан, — сдохла бы. Или баран.

— Это овцы, — поправил мечтатель.

— Без разницы. Жрать охота...

— Если б и сдохла, так они тебе её и оставят, — усмехнулась Лера. Она уже давно свернула шкуру, перекинула через плечо. Короткий меч висел на боку, и теперь Лера поправляла повязку на волосах.

Мечтатель спохватился, стал собирать вещи. Его примеру последовал и Кочан.

Они шли за конвоем, стараясь держать дистанцию в полторы версты. То и дело приходилось перепрыгивать через навозные кучи, иногда раздавленные колёсами следующего за скотом обоза. В обозе везли зерно. Ежегодная дань пришельцам. Самих-то «прыгунов» давно никто не видел, но с каждого царства и княжества требуются дары, которые отвозят в храм. Простые люди платят оброк, за ним приезжают люди правителя. А потом, уже из столицы, отправляется вооружённый конвой. И пока люди платят, их не трогают. Главное, чтобы не вздумали заняться наукой. За этим следят строго.

Мечтатель коснулся груди. Под курткой отчётливо прощупывался фонарик. На месте. Вспомнился тот момент, когда впервые включил. Дядькин труп к тому времени успел не только остыть, но и разложиться. Как и наставлял Храпуня, Мечтатель старательно потряс фонарик, движение вышло непристойным, и он даже на какое-то время перестал бояться.

Затем зажмурился и нажал кнопку. Дело было поздним вечером, в сарае, но Мечтатель ожидал увидеть настоящее солнце, он представлял себе, хотя и не мог в это поверить, что ночь хотя бы на пару мгновений станет днём. Но чуда, а с ним и неизбежной кары со стороны «прыгунов», не произошло. Точнее, чудо случилось, но какое-то маленькое, незначительное. Тусклый луч света действительно исходил из фонарика и упирался в стену, растекаясь бледным овалом. Однако этот свет едва ли мог соревноваться с солнцем, разве что со свечой.

И всё же этого хватило, чтобы Мечтатель поверил. Позже он показал фонарик Лере и Кочану — на них тот произвёл впечатление куда большее, чем на Мечтателя. Девушка вообще была буквально потрясена. Может быть, именно фонарик и стал главным доводом, чтобы решиться на этот безумный поступок — поиск реактора.

Местность преобладала холмистая, с редкими деревьями и небольшими зарослями колючего кустарника. Почва, светло-серая и по виду абсолютно не пригодная для земледелия, изобиловала камнями. К обеду ветер стих, идти стало комфортно. Но с востока небо начало темнеть, значит, к вечеру жди ненастья. Мечтатель пригляделся к нагромождению грязно-синих туч, и ему показалось, что плотные массы несколько раз осветились вспышками. Октябрьская гроза — штука малоприятная, такое время лучше коротать в избе у печи.

Конвой двигался медленно, и путникам тоже приходилось сбавлять шаг. Чтобы избежать неприятностей, старались держать обоз на грани видимости, но не приближаться.

Мечтатель подумал, что в такой дали он населённых пунктов запросто можно нарваться на разбойников. Рука сама потянулась к рукояти тесака.

И тут, словно его мысли приобрели способность влиять на реальность, справа послышался свист.

Голос Леры резанул, как лезвием:

— К оружию!

Их было пятеро. Двигались полукругом. Все в лохмотьях, лишь на одном подобие полушубка, обшитого медными пластинами. Когда разбойники приблизились на расстояние броска копья, один из них заорал:

— Не дёргайтесь, и мы сохраним вам жизнь!

Мечтатель прикинул, что у всех в руках либо меч, либо сабля, стрелкового оружия нет. Он потянулся за самострелом, и тут в дюйме от ноги звякнуло, выбив пыль. Вскрикнул Кочан. Боковым зрением Мечтатель увидел, что толстяк присел и схватился за ногу. Из-за наваленных на пригорке булыжников показались трое стрелков. У одного, как заметил Мечтатель, арбалет, двое других вооружены попроще — самострелами.

— В бой! — заорала Лера и кинулась в сторону разбойника в полушубке.

Размышлять было некогда. Мечтатель отскочил, вздёрнул самострел. Камень чиркнул по щеке ближайшего из нападавших, оставив длинную красную полосу. На перезарядку времени не осталось. Отшвырнул, выхватил тесак. Стрелы и камни замелькали совсем рядом. Кочан продолжал сидеть, и Мечтатель мысленно попрощался с приятелем. Но не тут-то было. Качан выпрямился, в одной руке сжимая миниатюрный самострел. Несколько раз щёлкнуло. Двое разбойников схватились за животы и рухнули на землю. Мечтатель успел только увернуться от удара саблей, а Кочан уже вскочил на ноги, теперь в его руках был арбалет. Звонко пропела тетива, но Мечтатель не успел разглядеть, достигла ли стрела цели, потому что голове взорвалось и глаза залило красным.

Но очнулся он, даже не успев упасть. И тут же зад больно ударился о камень. А рядом, медленно, как в киселе, заваливалась набок фигура разбойника. И так же медленно двое вражеских стрелков, бросив оружие, сверкали подошвами.

Мечтатель сидел на свёрнутой козьей шкуре и потирал зад — тот продолжал болеть после встречи с камнем. Тела разбойников валялись совсем рядом. Кочан стоял, опершись на неизвестно откуда появившееся копьё. Его колотило. Из разодранной штанины тянулась

полоса крови. Лера была тут же. Она озиралась, не выпуская из рук короткого меча, но, похоже, была невредима.

— Ты как это сделал? — спросил Мечтатель и понял, что голос дрожит.

— Сделал что? — с трудом выговорил Кочан.

— Завалил этих, — Мечтатель кивнул на трупы.

— Н-не знаю... — Кочан выглядел так, будто вот-вот брякнется в обморок.

— Послушай, — вмешалась Лера, — я никогда не видела, чтобы один человек так лихо расправился с целой шайкой. Особенно, такой толстяк как ты.

Кочан, казалось, остроты не заметил.

— Да не знаю я! Честное слово. Отец учил и драться, и стрелять, но мне это не особенно нравилось. Наверное, мышечная память...

Лера хмыкнула и отошла. Мечтателю же показались слова приятеля какими-то... «Необычными, вот какими», — ответила та часть мозга, которая даже после пережитого стресса не потеряла способность мыслить.

iii

Леру Мечтатель знал давно, наверное, с детства. Но посвятить в детали своего плана решил не сразу. Пожалуй, ей он предложил, когда безуспешно перебрал другие варианты. Лера, и без того готовая сорваться хоть на край света, увидев фонарик, заявила:

— Я иду. Можешь на меня рассчитывать.

Она же привела Кочана.

— Покажи ему, — потребовала Лера.

Мечтатель послушно достал и включил фонарик.

Кочан не выглядел человеком, жаждущим приключений, но была Лера, которая, как понял Мечтатель, полностью подчинила себе толстяка. И Мечтатель готов был признать — в этой пацанке есть что-то такое, чего нет в других девчонках. Почему-то раньше он этого не замечал.

— Ты хорошо его знаешь? — спросил Мечтатель, когда они остались вдвоём. — Он ведь не так давно объявился в наших краях.

— Лучше, чем тебя, — заверила девушка, — он приходится мне дальним родственником. Помнишь, дед Грач, пастух?

Мечтатель помнил. Старик помер года с два как. Нелюдимый был, всё время проводил с коровами.

— Так вот, Кочан — внучатый племянник Грача. А Грач в свою очередь...

И тут она углубилась в такие дебри фамильного древа, что Мечтатель тут же запутался, как в болотной траве.

Но Кочан не только выглядел тюфяком. Он долго и нудно выпрашивал подробности: а точно ли во время отправки дани звери не высовываются; а верно ли, что реактор находится рядом с храмом. Мечтатель сдерживался, но в душе готов был послать нового приятеля куда подальше. А потом, когда они всё-таки выдвинулись, прихватив оружие и съестное, Кочан почти каждый день ныл, то предлагая вернуться всем, то обещая уйти в одиночку. Нервничал не только Мечтатель, Лера несколько раз обозвала Кочана трусом, а однажды даже врезала острым кулачком в солнечное сплетение.

И вот Кочан, тюфяк-Кочан, оказался героем. Мечтатель был настолько благодарен, что тут же простил все его выходки.

Между тем тучи надвинулись, начал накрапывать дождик.

— Нужно идти, — хмуро сказал Мечтатель. Лера как раз проверяла карманы последнего из разбойников.

— Пойдём, — согласилась она и бросила короткий взгляд на Кочана.

В небе полыхнуло, а через некоторое время мощнейший раскат грома разорвал

пространство. Дождь усилился.

Засуетились, крепя оружие, поправляя одежду.

— Я не пойду, — вдруг сказал Кочан. — С меня хватит.

Мечтатель и Лера замерли.

— Старик, ты чего? — Мечтатель не поверил ушам. Неужели парень, пятью минутами ранее отправивший на тот свет целую шайку, боится грозы?

Словно прочитав его мысли, Кочан ответил:

— Нет, гроза ни при чём. Я боюсь... — он выразительно посмотрел на трупы.

— Они теперь и котёнка не обидят, — покачала головой Лера. Мечтатель только сейчас заметил в её руке короткий нож, испачканный кровью. То, что он принял за обыск мертвецов, на самом деле было другим: девушка хладнокровно (и предусмотрительно) перерезала разбойникам глотки. Одному за другим, как на бойне. Мечтатель подумал, как мало он знает о своих друзьях.

Дождь, ледяной, как и положено в октябре, перестал сдерживаться и припустил в полную силу. Куртка тут же промокла и Мечтатель поёжился.

— Что если те двое, которые улизили, позовут подмогу? — спросил Кочан.

Мечтатель пожал плечами:

— Это вряд ли. Они видели, как ты орудуешь самострелом.

— Не думаю, что у меня получится выйти на бис. — Кочан невесело усмехнулся.

Присел, потянул наверх штанину. Ту, которая порвана и перепачкана кровью.

— Кстати, одного из этих, если ты не заметил, свалила Лера.

Мечтатель вскинул брови, но тут же вынужден был переключиться на ногу приятеля. Рана оказалась серьёзнее, чем он думал. Коричневая дырочка, а вокруг — внушительная кайма почерневшей плоти.

Мечтатель услышал, как Лера выругалась.

Похоже стрела была отравленная.

Кочан застонал.

— До дома не дойдёшь, — сказала Лера голосом, лишённым эмоций. — Нужно дотянуть до реактора. Сможешь?

На удивление, Кочан сопротивляться не стал. Расправил штанину, засуетился.

Конвой догнали довольно быстро. От дождя земля раскисла и превратилась в непроходимое месиво, в котором деревянные колёса вязли, как в трясине. Кочан бежал впереди, но Мечтатель замечал, что приятелю с каждой минутой становится всё хуже, хромота усиливалась, воздух из горла стал вырываться с сипением, быстро перешедшим в хрип.

Мечтатель с девушкой переглянулись, и Лера объявила привал.

— Какой привал! — запротестовал Кочан. — Совсем немного осталось...

Приятель явно бредил. Даже Мечтатель не знал, долго ли ещё предстояло идти.

И всё же Кочан послушался, присел. А потом пополз к ближайшему дереву, коих опять стало попадаться довольно много. Он что-то бубнил, а через несколько минут голос перешёл в крик, он кому-то что-то доказывал, умолял.

Мечтатель сидел прямо на палой листве, глядел перед собой. Он понятия не имел, как помогать раненым. Особенно, отравленным ядом. Лера без видимой цели бродила в стороне, стараясь не встречаться с Мечтателем взглядами.

А когда ночь (шестая ночь за пределами деревни) навалилась неподъёмной тушей, Кочан затих. И больше уже не издал ни звука.

iv

Утром они забросали тело Кочана землёй, сверху могилу заложили камнями. Памятник решили не делать, чтобы не привлекать ненужного внимания. Лера была бледной, отчего

шрам на лбу стал почти незаметен. Мечтатель чувствовал себя виновным в смерти друга и не пытался себя обманывать, потому что так оно и было. Получается, не зря науку запретили. Реактор, фонарик — именно из-за этих запретных механизмов душа Кочана отправилась в путь по вечному коридору, а тело ожидает незавидной участи быть растерзанным падальщиками или остаться на корм червям. Не ожидает ли их с Лерой та же участь? Как Лера ни крепилась, Мечтатель видел, девушка тяжело переживает смерть пусть и дальнего, но родственника. И быть может, жалеет о том, что доверилась Мечтателю.

За ночь тучи уползли в сторону запада, и теперь небо было чистым, а на горизонте вставало сочное оранжевое солнце.

— Что означает твоё имя? — спросил Мечтатель, когда они, заметив тронувшийся впереди конвой, двинулись следом. Мечтатель хотел спросить это давным-давно, наверное, когда только услышал эти непонятные звуки «ле-ра», но всё не находил повода. А теперь поводом послужило давящее молчание, связанное с трагической смертью друга.

— Ничего. Просто имя.

— Разве так бывает?

— Наверное. Так звали мою бабушку. Родители дали другое имя, но мне оно никогда не нравилось. И я попросила, чтобы меня звали «Лера».

Мечтатель кивнул. И пусть у всех имена — это прозвища, которые наиболее точно характеризуют человека. Почему бы не назваться просто красивым сочетанием звуков?

Ветер, дувший всю ночь, разогнав тучи стал стихать. Путники заметили, что конвой пошёл шибче, и тоже прибавили ходу.

— А знаешь, — нарушила вновь затянувшееся молчание Лера, — ведь Кочан — никакой мне не родственник.

Мечтатель, не сбавляя шаг, покосился на девушку. Ждал продолжения.

— Когда ты позвал нас идти к реактору, он попросил представить его как родственника. До его появления в деревне я о нём слыхом не слыхивала.

Мечтатель почувствовал, что в горле сухо, как в пустыне. Нащупал кожаный бурдюк, вынул пробку.

— И кем же он был на самом деле? — выговорил Мечтатель, смочив горло.

Лера опустила глаза.

— Не знаю. Но думаю...

— Ну! — поторопил Мечтатель. Тревога, холодная и липкая, опутывала грудь и шею влажными щупальцами.

— Я думаю, он беглый разбойник.

Несмотря на тревожное состояние, Мечтатель не смог сдержать улыбку:

— Беглый? То-то я гляжу, сала в нём — добрый боров позавидует.

— Не знаю. Возможно, он до нас где-то пожил.

Мечтателя вдруг осенило:

— А что если он никакой не беглый, а самый настоящий разбойник, просто отсиживался в деревне, пережидал! И запасов, небось, скопил...

— Гляди! — перебила Лера. Мечтатель остановился, будто врезался в стену.

Храм был огромен. Главный шпиль, похожий на гигантский кристалл, уносился ввысь, почти доставая ослепительно белые облака. Вокруг шпиля громоздились десятки строений поменьше, у некоторых из них были видны только золочёные крыши — территорию храма, на которой бы вместились целая деревня, ограждал белый забор высотой в три человеческих роста. Путники, забыв о конспирации, стояли статуями, выпучив глаза и раскрыв рты.

Центральные ворота были открыты, и в них, как в игольное ушко, вливался пёстрый поток скота. Обоз остановился позади, всадники, на расстоянии кажущиеся игрушечными, подходили к каждой телеге, считали мешки.

Разваленный горный массив отыскивали довольно скоро. Правее и чуть позади храма, вёрстах в пяти. Именно так, со слов дядьки Храпуни, и должен выглядеть реактор. Здоровенные камни, сваленные кучей, в каждом из таких валунов уместилась бы не одна хижина. Дядька ничего не говорил про свет, но почему-то Мечтатель нарисовал себе и лелеял образ слепящих лучей, льющихся из щелей между камнями. Реальность выглядела прозаичней: никакого света, даже самого слабого, расщелины утопают в чёрной, как сажа, тени.

Путь к развалинам обошёлся без приключений, хотя пришлось сделать большой крюк — опасались быть обнаруженными с храма. Мечтатель предложил плюнуть на всё, вернуться в деревню. После смерти Кочана он осознал собственную безрассудность и теперь был готов отступить. Лера внимательно посмотрела ему в глаза и предложила заткнуться.

Некоторые валуны находились довольно далеко от горы, Мечтатель поразился, какой силы должен быть взрыв, чтобы раскидать такие исполины. Приблизившись к одному из камней, Мечтатель приложил к поверхности ладонь. Шершавая, нагретая солнцем. Обычный камень.

Лера сняла мешок с вещами, прислонилась к валуну спиной. Закрыла глаза.

— Чувствуешь что-нибудь?

Она покачала головой.

Мечтатель смотрел на девушку и поймал себя на мысли, что ему совсем нет дела до реактора. Именно теперь, когда до цели — рукой подать. Пока реактор был мечтой, во многом недостижимой, он манил, как невиданное сокровище. А теперь сокровище — вот оно, стоит перед ним. Закрыв глаза и чему-то улыбаясь. Удивительно, как он раньше не замечал, что Лера красива? Даже несмотря на шрам. Наверное, всему виной грубые манеры. Специально ведёт себя так, чтобы держали дистанцию.

— Ну, чего уставился? — Лера открыла глаза и теперь хмурила брови.

— Я не уставился, — смутился Мечтатель, — я...

— Чего?

«Любуюсь тобой», — вертелось на языке, но с губ слетело другое:

— Просто смотрю. Нельзя, что ли?

Лера нахмурилась ещё сильнее, но Мечтатель заметил искорку заинтересованности, промелькнувшую в её взгляде. Впрочем, он мог выдавать желаемое за действительное.

Послышался близкий шорох. Лера резко обернулась. Мечтателю оборачиваться не пришлось — из-за валуна появилась тёмная фигура. Размером с крупного пса, только лапы толще и когтистее. Сверкнули красным зрачки. Зверь. Мечтателю не доводилось встречаться со зверем, но сомнений быть не могло. Бульдожья морда и две пары длинных, похожих на пальцы, жвал по краям оскаленной пасти. Жвала шевелились.

Зверь остановился в трёх шагах от Леры, которая безуспешно пыталась вытянуть из ножен меч. От Мечтателя зверя отделяли пять-шесть шагов.

Мечтатель забыл о пристёгнутом к вещевому мешку самостреле. Да и мог ли он успеть снять его, зарядить, прицелиться? Вместо этого выхватил из-за пояса тесак, которым днём ранее пытался драться с разбойником. Взгляд зверя подавлял, заставляя забыть о сопротивлении. Мечтатель сглотнул. Сердце отозвалось тревожным стуком. Мозг лихорадочно искал варианты спасения. Время остановилось.

Зверь прыгнул. Лера куклой полетела на землю. Меч достать она так и не успела. Не помня себя, Мечтатель ринулся вперёд. Жвала зверя впились девушке в лицо, Мечтатель услышал, как с мясистым хлопком лопнула щека. Он налетел на чёрную тушу и ударил, не целясь. Лезвие вошло по рукоять.

— Сдохни, сдохни-и! — орал Мечтатель, молотя тесаком чёрную плоть. В какое-то мгновение зверю удалось отшвырнуть нападавшего, но Мечтатель тут же вскочил на ноги и с новой силой бросился в бой. Иногда острие натывало на кость, и тогда раздавался звук, похожий на лязг металла об металл.

Мечтатель продолжал молотить тесаком, даже когда зверь перестал шевелиться. Ещё и ещё.

— Сдохни, сука! — повторял и повторял он, пока ослабшие пальцы не выпустили скользкую от крови рукоять. Мечтатель упал на спину, рот жадно глотал воздух.

v

— Извини, но мне так спокойнее. Тебе нужно прийти в себя, — говорил ухоженный человек средних лет в белом халате. Он виновато улыбнулся и развёл руками.

Мечтатель сидел в узком кресле, руки пристёгнуты к подлокотникам, ноги связаны. Он даже не вошёл в развалины, не бродил длинными узкими коридорами, как много раз рисовало воображение. Его схватили прямо возле тела Леры, её лицо представляло собой коричневое месиво, сквозь которое просвечивались кости черепа. И вот он — в средних размеров комнате с невероятно белыми стенами и высоким потолком, с которого льётся свет, яркий, как солнце.

— Где Лера?! — выкрикнул Мечтатель и попытался избавиться от пут. Не получилось.

— Извини, мы ничем не смогли, — лицо человека в белом халате приняло печальный вид.

— Игнат, зайди в центральную, — чуть повысив голос, сказал человек в белом халате. Сказал, ни к кому не обращаясь.

Почти сразу открылась дверь, и в неё протиснулся очень высокий парень, худой, волосы всклокочены, будто только что из курятника. На нём был такой же белый (но не такой чистый) халат, что и у первого.

— Запусти отражение, — скомандовал первый и повернулся к Мечтателю:

— Это наш техник, Игнат. А я — Александр, менеджер портала. Руководитель, чтоб понятнее.

Слово «техник» заставило сердце биться сильнее. Мечтатель с молоком матери впитал: наука и техника — под запретом. Похоже, дело принимало серьёзный оборот. Теперь он уже сомневался в правильности своего решения искать реактор.

— Я — инженер! — поправил тот, кого назвали Игнатом, и для пущей важности поднял указательный палец.

Менеджер оставил реплику без внимания.

— Наверное, стоит обрисовать ситуацию, — начал Александр, так и не дождавшись от пленника вопросов.

Мечтатель сделал неопределённый жест. Хочет ли он знать, где оказался и что ожидает в скором будущем? Он сомневался.

— Итак, мы находимся в портале кольцевых струн. Иными словами, это ворота в зеркальный мир.

Мечтатель думал о маме. Переживёт ли она гибель младшего сына? Как он мог быть таким эгоистом? Бросил родных ради пустой и смертельно опасной мечты. Впрочем, он всегда был мечтателем, за что и получил имя. Значит, уже в пять лет, когда ребёнку полагается дать взрослое имя взамен детскому, родители подметили эту его черту. Глупую и никчёмную, как выясняется. Время от времени перед мысленным взором всплывало лицо Леры, ещё не изодранное зверем, с почти незаметным шрамом на лбу. Да, сейчас он думал, что шрам был едва уловимой полоской, которую можно и не разглядеть. Эта призрачная Лера улыбалась, что при жизни с ней случалось нечасто, а губы шептали, но слишком тихо, слишком. Он наклонялся, в надежде расслышать. И тут улыбка сменялась кровавой маской, где только мясо и желтоватые кости.

— Если историю копнуть глубже, — продолжал менеджер, — когда-то все люди жили вместе, в одном мире. Развивали науку, технологии.

Мечтатель вздрогнул.

— На этом самом месте был выстроен центр по изучению теории струн.

— Заметь, внутри горы, чтоб враги не добрались! — ввернул техник. Он уселся в белое кресло и теперь пялился в прямоугольник, на котором с бешеной скоростью менялись рисунки.

Менеджер снова сделал вид, что не услышал напарника.

Мечтатель слушал вполуха, мысли постоянно возвращались к маме, к любимой племяннице Ласточке, которой в следующем году дадут взрослое имя. Если доживёт. Он тяжело вздохнул. В деревне до пяти лет доживает лишь каждый второй, остальные становятся жертвой болезни или несчастного случая.

От людей в белых халатах Мечтатель узнал (техник Игнат продолжал вставлять реплики), что проект «Зеркало» был завершён и проходил последнюю доводку, когда обыватели узнали об опасном, по их мнению, эксперименте. Учёные собирались провести испытания: создать зеркальную копию Земли. Людей охватила паника. Ходили слухи, что запуск преобразователя (этим словом менеджер назвал установку, пояснив, что искомым Мечтателем реактор — не более чем один из элементов сооружения, позволяющий получить нужное количество энергии) может погубить не только всё живое на планете, но и саму планету. Начались демонстрации протеста, которые вылились в беспорядки, а потом и погромы.

— А проект курировали очень серьёзные люди, — многозначительно произнёс менеджер. — По сути — тайное правительство.

Поняв, что при таком положении вещей реализовать задуманное не получится, «очень серьёзные люди» в срочном порядке разработали и внедрили программу ликвидации нелояльного населения. Для этого было устроено яркое шоу (пришлось применить самые последние разработки): с показательной бомбардировкой местности, где укрывался проект «Зеркало», с «высадкой» «пришельцев». На самом деле это были бойцы из личной гвардии «правителей». Немного спецэффектов и безграничная жестокость, и вот уже ни у кого нет сомнений — Землю атаковали инопланетяне.

Неожиданно, несмотря на приказы подкупленного командования сложить оружие, целые подразделения из всех армий мира оказали сопротивление. Многие бились до последнего. «Теневым правителям» потребовалось больше месяца на подавление мятежа. Когда последние выстрелы стихли, на планете, как и планировалось, остались только дети и незначительно количество тяжело раненных взрослых. Не считая, конечно, самих «теневого правителей», членов их семей, а также их окружения.

— Кто такие, эти «теневые правители»? — спросил Мечтатель. Услышанное казалось ему любопытной историей, не имеющей отношения к реальности.

— Во-первых, семейные кланы самых богатых людей планеты. Во-вторых — члены тайных обществ, близких к этим семьям. А ещё — те, кого вторые выбрали по каким-то признакам, их агентурная сеть имела ячейки во всех университетах и научных центрах мира.

— Короче, — наконец понял Мечтатель, — они перебили всех взрослых, а сами сбежали на планету, созданную с помощью этого вашего преобразователя. И наказали детям забыть о науке, опасаясь, что те когда-нибудь вырастут и захотят наказать убийц родителей.

Менеджер улыбался, но его пальцы нервно теребили обручальное кольцо.

— Не совсем так. Никуда мы не сбежали...

Мечтатель обратил внимание на пророненное Александром «мы». Вот этот человечешко в белом халате и сорвал маску. Ну, здравствуй, господин «тайный правитель».

— ...Мы остались на Земле, а выживших отправили на отзеркаленную планету.

— Так значит, — Мечтатель не заметил, как пальцы до онемения стиснули подлокотники, — мы... я... родились на планете, придуманной вами? Как нарисованные человечки в нарисованном доме?

Ему тогда было лет десять-двенадцать. Август отсчитал последние дни и передал вожжи сентябрю. Мечтатель с приятелем, звали того Рябой за без меры веснушчатое лицо, топали по узкой дорожке, разделявшей два поля, золотых, от налитых колосьев созревшей

пшеницы. Под лёгким ветерком пшеница ходила волнами, отчего походила на море из жидкого золота. За полем несла неспешные воды река, к ней-то и держали путь приятели.

Деревня готовилась к сбору урожая, который обещал затянуться на месяц, в тот год пшеница уродилась. Наверное, поэтому родители дали детям волю, пусть нагуляются перед тяжёлой работой.

Конечно, поля принадлежали князю. У жителей деревни огороды небольшие, которых едва хватает на то, чтобы прокормить семью. Но парни и подумать не могли, чем обернётся несостоявшаяся рыбалка. Точнее, не сама рыбалка, а нахождение на княжеских землях. Двое здоровенных дружинников появились неожиданно, словно соткались из воздуха. Несмотря на то, что увешанные оружием здоровяки были пешими, мальчишки и не думали убежать — один из дружинников на кожаном поводке держал овчарку, от одного вида которой ноги делались ватными.

Тащить нарушителей в деревню охранники поленились, поэтому высекли прямо в поле. Один из них, тот, что без собаки, притоптал почти высохшие стебли, Мечтателю с Рябым приказали встать на колени, снять рубахи. Дружинник не торопясь расстегнул ремень, снял короткую саблю в украшенных серебром ножнах, отвязал медную фляжку. Сложил ремень напополам, щёлкнул.

Били не то что бы сильно, но долго и с удовольствием, залиристо гогоча, когда один из мальчишек падал и умолял прекратить. Менялись местами и снова били. При каждом ударе собака лаяла. И тогда Мечтатель попросил всех богов, какие только существуют, помочь создать ему хотя бы крошечный мир, куда можно спрятаться от боли, унижения, да и просто от несправедливости.

И вот оказывается, он сам в придуманном кем-то мире, просто игрушка в чьих-то руках.

За стенами портала, стояла глубокая ночь. Седьмая с того дня, когда Мечтатель с друзьями покинул родную деревню. Первые звери, наверняка, выбирают из убежищ, заканчивая тем самым ежегодное «перемирие» на время отправки дани. А Мечтатель продолжал выслушивать белохалатую парочку. Руки и ноги ему освободили, но посоветовали не делать резких движений и лучше вообще не вставать с кресла, в виде исключения позволив сходить в туалет.

— Кстати, — сказал менеджер (он теперь тоже сидел в кресле), — Кочан был нашим агентом. Он получил задание год назад и под легендой поселился у вас в деревне. Ему выдали стилизованный под местное оружие пневматический игломет, но, похоже, этого оказалось недостаточно. Мы уже сообщили родителям. Он был единственным ребёнком в семье.

— Так вот как ему удалось уложить целый отряд! — поражённый, сказал Мечтатель.

— Наверное. Иглы начинены нервно-паралитическим ядом, достаточно и царапины, чтобы остановить сердце. А ядовитые стрелы у врагов — недоработка наших инструкторов. Кто ж знал, что ранение в ногу может оказаться смертельным!

— Ваших умников облапошили тупые дикари, — Мечтатель усмехнулся. — Как такое могло произойти?

Менеджер пожал плечами.

— Знать бы, где упасть... Всего не предусмотрить.

Мечтатель, до этого покорно ожидавший смерти, почувствовал прилив уверенности. Оказывается, эти непонятные люди не всесильны, у них тоже есть слабые места!

И тут судьба нанесла очередной удар.

vi

— Ты ведь тоже — из нас, — сказал менеджер и почему-то захихикал. Мечтатель подумал, что если тот захихикает ещё раз, не удержится и сломает этому придурку нос. Тот, словно уловив мысли собеседника, умолк так резко, будто в горло вставили пробку.

— Младенцем тебя изъяли из инкубатора и подменили тобой ребёнка только что родившей в деревне женщины. А потом подкинули фонарик.

Усталость, тяжёлая и неотвратимая, наваливалась на Мечтателя. Ему стоило немало усилий оставаться в сознании. Возможно, виной тому был голод, потому что похитители поесть не предлагали, а сам он просить не стал. Но себя не обманешь, он понимал, что сознание ускользает не от голода. Не каждый день тебе сообщают, что твоя мать, вся твоя родня — совершенно посторонние люди, а ты сам — просто часть эксперимента. А менеджер продолжал и продолжал говорить, каждой фразой вбивая в череп Мечтателя невидимый гвоздь.

Новорождённому Мечтателю вшили чип, и теперь вся его жизнь, как меняющиеся картинки, хранилась в альбоме кураторов проекта «Внедрение». Конечно, он такой был не один. И почти все отправились искать «реактор». Проект ещё до завершения был признан успешным.

— Мы доказали, — теперь в разговор вмешался техник Игнат, — что люди избранной касты, то есть те, кто остался на Земле, намного превосходят всех прочих. Потому что слухи о том, что «реактор» остался цел, и можно попытаться запустить его, тем самым превратив ночь в день (ну, кому-то из разработчиков понравилась такая аллегория) был запущен повсеместно. И ни один, — он поднял указательный палец, — ни один из «аборигенов» не пришёл сюда. — Тем же пальцем он ткнул в стол.

— Да, — подтвердил менеджер, — И вряд ли они боятся зверей.

— Звери — тоже ваших рук дело?

Совершенно верно. Биороботы. Но люди зеркальной планеты больше всего боятся технологий. Мысль о том, что в случае неповиновения вновь объявятся «пришельцы» настолько укрепила в сознании этих бедняг, что впору говорить о массовом психозе. На эту тему защищена целая гора диссертаций. Хотя кому я это говорю, тебе ведь пришлось восемнадцать лет прожить в этом мире.

— Я готов! — громко сказал техник. Он повернулся к менеджеру. — Запускаем?

— погоди. Пусть он сам скажет.

Менеджер посмотрел в глаза Мечтателю.

— Ну что, ты готов вернуться домой? Там тебя встретят гораздо лучше, чем я. А после узнаешь ещё больше, у тебя будет для этого достаточно времени.

— Можно последний вопрос? — медленно произнёс Мечтатель.

— Давай.

— Как так получилось, что на моей планете нет городов, которые, как вы говорите, есть на Земле? Прошло не так много времени, хотя бы руины должны были остаться.

— Вопрос хороший, — похвалил менеджер. Он выглядел уставшим, но довольным. — Я же говорил, мы — гораздо умнее тех, — он мотнул головой в сторону двери.

— Дело в том, что преобразователь пространства создаёт не точную копию Земли и окружающей её Вселенной, а один из возможных вариантов её развития. Поэтому там даже фауна другая.

— А коровы? На Земле их нет?

— Это был второй вопрос...

Мечтатель промолчал.

— Ну хорошо, — сказал менеджер, — но этот вопрос был точно последним. Коров, овец, и ещё кое-какую живность пришлось тоже переселить. Ведь там, где ты жил, по сути — рай. Чистейшие воздух, вода. Мясо выращенных там животных у нас очень ценится.

Заметив недоверчивый взгляд Мечтателя, он продолжил:

— Понимаю. Ты думаешь, а почему, если это рай, мы сами туда не переселились? Ответ незатейлив: страшно. А вдруг произойдёт сбой и портал закроется. Кто знает, что станет с «отражением»? Лучше уж старая добрая, пусть и грязная, матушка Земля. Ну, приступим к отправке?

— Нет! — Мечтатель вскочил с кресла. — Отправляйтесь сами. А я — домой!

И он кинулся к двери, титаническим усилием заставляя двигаться онемевшие от долгого сидения ноги.

Брикет

Энэр 535 разлепил веки, чувствуя, как режущая боль в желудке растекается по всему телу. К боли он привык, но раньше она всегда исходила снаружи и никогда — изнутри. Он испугался. Пелена растворялась, и он смог разглядеть серый полукруг стены. Подождал ещё немного, прижимая ладонь к пронзаемому невидимыми иглами животу. До слуха донёлся скрип, Энэр не сразу понял, что скрипят его зубы. Сейчас бы половину, а то и целый пищевой брикет и кружку воды. До него начало доходить, что резь в желудке — от нестерпимого голода. Будто не ел несколько дней.

Энэр огляделся. Свет пробивается только через узкую щель в потолке, поэтому видимость оставляет желать лучшего. Но видно, что помещение имеет форму цилиндра шагов тридцать в поперечнике. Плоский потолок в буроватых пятнах нависает в дюжине метров. Похоже на исполинскую мусорную корзину.

Попытался приподняться, и это почти удалось. Энэр обратил внимание на непривычную слабость в мышцах. Такое бывает, когда отлежишь руку или ногу, но чтобы всё тело отказывалось работать — это что-то новое. Растопыренные пальцы опирались на влажное и бугристое. Энэр перевёл взгляд вниз. И вздрогнул от неожиданности. Разум отказывался принимать увиденное, и это спасло от потери сознания. Рука сгибалась под тяжестью тела, но Энэр больше не мог позволить себе лежать, потому что огромный чан (конечно же чан, вот чем объяснялась необычная геометрия «помещения») был наполнен сотнями трупов. Разных возрастов и полов, с обритыми налысо черепами, бледные, даже синеватые в недружелюбном полумраке.

Энэр снял руку с живота, провёл пятернёй по макушке. Голая кожа, без намёка на растительность. С тревогой посмотрел на лобок и убедился — побрито и там. То, что и сам полностью обнажён, он не сообразил, поэтому не удивился.

В воздухе стоял кислотоватый запах, а за металлической стеной разливалось монотонное гудение, как от работающего трансформатора.

Он попытался вспомнить, кто он и как здесь оказался. Все вокруг мертвы, выжил он один и, судя по всему, давно не ел. Как такое могло случиться? Он точно знает, что жизнь течёт по расписанию и предписанию, а об экстренных ситуациях слышал только на уроках безопасности трудовой деятельности.

Память возвращалась медленно, но это возвращение было не остановить. Как лавина, набирающая скорость, память вытаскивала из извилин всё новую и новую информацию.

Первые воспоминания относились к интернату. Ну конечно, ведь все после рождения попадают в интернат. Пятнадцать циклов ведётся обучение, после чего определяют на работу.

Энэр помнил только то, что происходило с четвёртого цикла. Тогда-то он и спросил наставника, почему его имя — Энэр пять-три-пять.

— Н и Р — это аббревиатура, расшифровывающаяся как нейтрально-работоспособный, а цифры — порядковый номер, — пояснил наставник, крупный мужчина с кожей цвета эбенового дерева. — Есть ещё индивидуальный код, он будет указан в паспорте.

— А когда мне выдадут паспорт? — поинтересовался маленький Энэр, восторженно хлопая ресницами.

— Когда окончишь интернат, то есть через одиннадцать циклов.

— До-олго, — протянул мальчик, даже не подозревая, что запомнит этот разговор на всю жизнь.

В интернате преподавали физические упражнения, арифметику, чтение, а также пару десятков профессий, которые нужно усвоить как следует. Энэр научился работать на пяти видах станков, умел ухаживать за животными и выращивать съедобные растения. Даже строить дома и управляться с краном и экскаватором. Ведь всем известно, выпускника

интерната могут распределить куда угодно он должен быть готов к любой работе. Да и после этого могут перебросить в другое место, туда, где в данный момент требуется рабочая сила. Энэр прилежно изучал все науки, но больше всего ему нравилось чтение. Преподаватель даже посмеивался, и говорил, что, хотя уметь читать очень важно для гражданина Восточного Конгломерата, всё же лучше бы он такое рвение проявлял на уроках ремесла.

Вспомнилось и то, как Энэр спросил преподавателя чтения, почему ученики имеют белую или жёлтую кожу, а у всех преподавателей — тёмная. Он видел, что господин Мухаммед смутился, но лишь на мгновение. После чего взял себя в руки и ответил:

— Так нужно. Энэр, Всевышний не позволяет задавать вопросы, почему мир устроен так, а не иначе. Ты ведь знаешь. Но, чтобы удовлетворить твоё любопытство, простительное столь юному организму, скажу. Разные люди обладают разным потенциалом. Ответь, смог бы ты стать преподавателем или, скажем, министром?

Энэр почувствовал, как мощный поток крови хлынул к лицу. Кляня себя за любопытство, опустил глаза. Как вообще мог подумать, что он, Энэр пять-три-пять, может стать министром? Он же... он... «Совершенно иной по рождению», — отчётливо прозвучал в голове смутно знакомый голос. Ведь ясно, для управления страной рождаются совсем иные люди, и Энэр это всегда знал. Зачем же тогда задал столь нелепый вопрос?

— Нет, конечно, — одними губами произнёс он. — Простите меня, пожалуйста.

Он чувствовал, что слёзы готовы в любую секунду хлынуть неудержимыми потоками. Но господин Мухаммед, вместо того, чтобы сердиться, улыбнулся:

— Ты ещё молод, Энэр, и твоё любопытство так же естественно, как то, что паук кушает муху, а не наоборот.

Последняя фраза обдала холодом, как порыв ветра, но преподаватель чтения продолжал улыбаться, потирая коричневыми пальцами мочку уха.

— Всё нормально, парень. И всё-таки не стоит забывать, что Всевышний слышит слова и видит помыслы. Поэтому нужно стремиться быть сдержанным и покорным. Я прав?

— Конечно, господин Мухаммед! — чуть не захлебнувшись эмоциями, выпалил Энэр.

— Тогда ступай.

Энэр порывисто кивнул и умчался прочь, не чувствуя ног и не видя ничего перед собой.

Следующее воспоминание ворвалось в мозг яркой трескучей вспышкой. Этот день был полностью отдан под занятие управлением роботом-погрузчиком. Раскиданные по бескрайней степи квадратные бетонные плиты космопорта из иллюминатора атмосферного транспортника выглядели разломанной шахматной доской, в которой все клетки одного цвета. Энэр зачарованно смотрел на эти серые квадраты, разделённые тонкими полосками пробивающейся меж стыков зелени, и не заметил даже, как затрясло транспортник, включивший тормозные двигатели. Ученики вцепились в подлокотники кресел и втянули шею, а Энэр продолжал разглядывать увеличивающиеся серые квадраты.

Ступив на горячую поверхность посадочной площадки, он понял, что хочет остаться здесь навсегда. Прозрачное небо глубокого синего цвета терялось в вышине, сходясь на горизонте с ярко-зелёной полосой степи. В ноздри ворвался аромат трав и цветочной пыли. Лишь пара секунд на любованье местностью, после чего резкий крик наставника заставил тело вытянуться в струнку, а мгновение спустя последовал приказ бегом двинуться в сторону тёмно-серого ангара. Энэр скрипнул зубами и с удивлением заметил, что ноги понесли его в указанном направлении, хотя сам он оставался в каком-то ступоре, словно приказ так и не дошёл до его сознания.

— Энэр пять-три-пять! — послышался трескучий голос пожилого преподавателя. — Потрудитесь ответить, чем вы сейчас занимаетесь.

К Энэру нечасто обращались на «вы», да ещё таким тоном, поэтому он опешил. Медленно, словно преодолевая трение в суставах, повернулся и увидел преподавателя. Маленький, даже миниатюрнее некоторых из учеников. Взрыхлённое морщинами иссиня-

чёрное лицо под бесформенной копной абсолютно белых волос. Похож на пришельца. Но преподаватель смотрел с нетерпеливой настойчивостью, и Энэр перевёл взгляд на правый манипулятор погрузчика. Между двух отшлифованных постоянной работой стальных пластин был аккуратно зажат цветок с розоватыми лепестками.

Он так и не смог ответить, что этот цветок делает в манипуляторе. Более того, растворённый в ощущении бесконечной свободы, Энэр и вправду не помнил ничего, кроме серой шахматной доски, расчерченной изумрудными линиями.

С тех пор он много раз бывал на том тренировочном полигоне, и каждый раз у него захватывало дух, но всё-таки это не шло ни в какое сравнение с первым разом. Самому Энэру тот дикий восторг со временем стал казаться иррациональным, даже постыдным. Да, обычно ученики жили в закрытых корпусах, а тренировочные площадки ограждал высокий бетонный забор, но на территории интерната тоже имелись клумбы с цветами и даже несколько деревьев. Эта интернаатовская зелень не выглядела такой яркой, скорее серо-розовой, и всё же это точно такая же зелень, просто не избалованная солнцем.

Медленно просачивалось сквозь тугую, как паутина, пелену тумана воспоминание совсем недавнее. Похоже, это происходило два-три цикла назад. Выпускной курс интерната. Энэр сидел за столиком у окна в столовой, макая пищевой брикет в подогретую воду. Аппетита не было, поэтому вода в стакане почти остыла, а брикет лежал едва надкусанным. В столовой обедали всего несколько человек, все из класса Энэра. У остальных шли уроки, и только у них, выпускников, выдалось окно — преподаватель истории Конгломерата по какой-то причине отсутствовал. Энэр, вяло двигая челюстями, размышлял о будущем. Какова она, жизнь после распределения? Многие одноклассники мечтают поскорее выйти за стены интерната и начать работать на благо страны. А он, Энэр, совершенно не чувствует никакого воодушевления по поводу предстоящего распределения. Ну да, работать надо, об этом твердят постоянно. Может, он какой-то не такой? От этой мысли по телу пробежал озноб. Меньше всего ему хотелось выделяться. И всё-таки он всегда чувствовал себя немного иным, не вписывающимся в общепринятые рамки. Он научился это скрывать, а иногда даже тешил себя мыслью, что на самом деле таковы все, просто так же, как он, скрывают свою ненормальность. Наверное, это правильно, думал он, ведь если все вывалят нравственные экскременты на обозрение, стабильное и в целом правильное общество рухнет, наступит хаос. А хаоса Энэр не хотел, как ни был скучен ему существующий порядок.

Из размышлений его вырвал чей-то голос, звучавший на тон громче положенного. Энэр повернулся и увидел четырёх ребят, обедающих через столик от него. Секунду спустя он понял, что никто из них не ест, а недоеденные брикеты разбросаны по скатерти.

— Ты — косорылая обезьяна! — говорил рыжий здоровяк, нависнув над щуплым пареньком с азиатскими чертами лица, — Не смей чавкать за моим столом...

— Я не чавкаю! И это не твой стол! — визгливо возразил азиат.

Друг рыжего, коренастый блондин с детским лицом, угрожающе нахмурился. Азиат завертел головой в поисках поддержки, но помощи ждать было неоткуда, потому что второй азиат вжался в стул, а взгляд его растворился в стёклах громоздких очков.

Рыжий сгрёб могучей пятернёй ворот куртки противника и подтянул его к себе.

— Слушай меня внимательно, тупая мартышка. Сейчас я буду тебя воспитывать. Если ты думаешь, что всё твоё жалкое племя стоит хотя бы одного гэльского пальца, почитай на досуге историю. Твои предки вошли в состав Конгла даже не попытавшись сопротивляться. И с тех пор лижете ноги хозяевам...

— Будто бы вас Конгломерат не покори! — взвизгнул азиат, тщетно пытаясь освободиться.

— Но мы хотя бы сопротивлялись как настоящие мужчины! Двенадцать циклов шла война, хотя нас было в десять раз меньше, чем набатейцев. И нас не покорили, а вынудили подписать мирный договор. Это не одно и то же. Но разве ты способен понять разницу.

— Вы сопротивлялись, потому что не хотите жить цивилизованно! — выкрикнул азиат,

пытаясь обеими руками разжать стальную ладонь соперника. — Вы просто дикие варвары!

— Что ты сказал? — прорычал здоровяк, и пальцы второй его руки сомкнулись вокруг шеи азиата.

Приятель рыжего напрягся, очевидно, не одобряя такого поведения друга, но молчал. Очкарик же вжался в стул так, что от него остались две мутные линзы.

Энэр собирался уже встать и сделать разбушевавшейся малышне (а вся четвёрка с виду на два цикла младше его самого) замечание, но в этот момент азиат коротко замахнулся. Энэр успел заметить мелькнувшую вилку. Мгновение спустя столовую сотряс дикий рык — смесь боли и ярости. Рыжий разжал пальцы, азиат полетел на пол, а у самого рыжего на шее начало растекаться красное пятно, из которого торчала рукоять вилки.

Выпускной прошёл шумно, но немного скомкано. Во всяком случае, так сохранилось в памяти Энэра. Да, всем раздали миниатюрные брикеты, солёные и сладкие. Энэр жевал и те и другие, запивая газированной водой, которую пробовал впервые. И всё же в душе остался отпечаток, не то чтобы неприятный, но... Не таким он представлял ощущение от выпускного.

А потом было распределение. Их вызывали по очереди в разные кабинеты. Смуглые мужчины и женщины пристально вчитывались в документы, а потом сверлили экзаменуемого взглядом заклинателя змей. И, ничего не говоря, отправляли в следующий кабинет. Энэр и ещё несколько ребят вначале старались держаться вместе, так меньше робеешь, да и время в ожидании очереди проходит быстрее. Но к середине дня очередь перемешалась, и они потеряли друг друга из вида. А результаты экзамена стали известны утром следующего дня, когда выпускники выстроились на плацу. Выходил человек в униформе без знаков отличия, выкрикивал имена, затем уводил группу в неизвестном направлении. Энэр насчитал семь групп, после чего услышал собственное имя и был вынужден покинуть плац вместе ещё с десятком выпускников. Сзади выкрикивали новые имена, слышались чеканные шаги, а Энэр почему-то думал о сорванном некогда цветке. Кто знает, может, его распределят на управление роботом-погрузчиком.

Он ошибался. Суровый человек, увёдший их с плаца, уже перед трапом плазмолёта объявил, что десять счастличиков, в числе которых Энэр 535, удостоены чести служить на свиноферме. Он так и сказал «служить», отчего Энэру представилась военная форма с золотыми нашивками на рукавах.

Вместо формы выдали болотного цвета спецовку, а единственной нашивкой была эмблема в виде силуэта свиньи в профиль. Энэр приуныл. «Это всего на один цикл», — утешал чернокожий старик с белыми как снег зубами и такого же цвета бородёнкой. И всё-таки было тоскливо. Да, Энэр знал, что любое распределение — это на один цикл, но какая разница, что будет потом, если сейчас он на бесконечно длинный цикл будет заперт в этих провонявших помётом корпусах свинофермы! Старик-мастер говорит о цикле как о чём-то скоротечном, но Энэру это кажется неудачной попыткой приободрить, ведь он не мальчик и знает, как долг цикл.

Работа оказалась не такой уж трудной, но требовала постоянного внимания. То на одном, то на другом животном срабатывал датчик, и тогда мчись сломя голову в нужный отсек. В семи из десяти случаев тревога оказывалась ложной, и это утомляло больше, чем вечерняя уборка навоза.

— А правда, что свиньи идут на брикеты? — спросил он однажды у мастера.

Старик отчего-то помрачнел и медленно закивал.

— На брикеты, сынок, на что же ещё, — хрипло произнёс он и поднял глаза на Энэра. И Энэр увидел в них тоску. Да такую, что все свои моменты грусти показались ему смешными и ничтожными, как боевой клич игрушечного робота. Неужели можно настолько любить свиней, подумалось ему. Хотя... Мастер Хусейн служит на ферме почти всю жизнь, тогда как подчинённые меняются каждый цикл. Тут поневоле станешь к свиньям относиться лучше, чем к людям. Энэру захотелось поговорить с мастером по душам, желательно за стаканом воды с брикетом, но темнокожие хозяева всегда питаются отдельно, Энэр даже не мог

вспомнить, видел ли кого-нибудь из них, принимающего пищу. Наверное, с грустью подумал он, хозяева могут есть солёные и сладкие брикеты когда захотят. И газировку пить хоть канистрами. Он поймал себя на мысли, что открывать душу перед мастером расхотелось. Разве сможет этот чёрный старик понять его, светлогоже стажёра, которому на роду, словно клеймо, выжжено быть рабочим. Просто по праву рождения.

Первый в его жизни рабочий цикл подходил к экватору, когда на ферму нагрянули какие-то люди в плащах и с серьёзными лицами. Два дня происходили их стремительные перемещения по территории свинофермы, после чего Энэра вызвали к мастеру Хусейну.

— Мы расширяемся, сынок, — с грустной улыбкой сказал старик. — Нужны добровольцы...

— Мастер, я всегда готов помочь, — торопливо проговорил Энэр.

— Конечно. Я знаю. На самом деле работа не сложная, но придётся трудиться ночами.

Энэр молча слушал.

— Так вот, — продолжал старик, — по соседству с нами находится здание архива Службы Распределения... Требуются рабочие руки, чтобы вынести архивные записи наружу и уложить на транспортники. У нас неделя. И не думай, что это пустяковая работа, я бывал в архиве, там десятки тонн записей на разных носителях, преимущественно допотопных.

— Постараюсь не подвести вас, — смиренно сказал Энэр.

— И, сынок, ты же знаешь, Распределение — служба секретная... Они потребовали, чтобы я выбрал человека, на которого можно положиться.

— Обещаю...

— Не надо, — старик выставил растопыренную ладонь, — сегодня через час после отбоя ты получишь коды доступа. У меня в кабинете.

Оказавшись внутри здания архива, Энэр почувствовал головокружение. Бесконечной высоты потолки, в которые упираются стеллажи, уходящие вдаль, насколько хватает глаз. И все полки забиты коробками с красными этикетками, на каждой из которых отчётливо видна эмблема Службы Распределения — человеческий глаз с расходящимися во все стороны стрелками. Сколько же здесь информации, с ужасом подумал Энэр.

— Не волнуйся, — негромко сказал мастер Хусейн, — эти ящики разгребут роботы. Тебе же нужно освободить вон ту комнату, — он указал на автоматическую дверь с мутным овальным стеклом и облупившейся краской.

При их приближении датчик справа от двери мигнул жёлтым, а через секунду засветился зелёным. Дверь вздрогнула и со скрипом отъехала вглубь стены.

Энэр увидел скромных размеров помещение без окон. У дальней стены выстроились столы с компьютерами неизвестной Энэру конструкции, а по бокам громоздились металлические шкафы со стеклянными дверцами, на которых кровависто-ржавым светилась надпись: «Совершенно секретно». За стёклами угадывались разного размера коробки, пачки бумаг, какие-то баночки, а также множество предметов, о предназначении которых Энэр мог только догадываться.

— На каждом транспорте, — заговорил мастер Хусейн, — есть небольшой отсек с табличкой «Специальная документация». Всё из этого кабинета будешь складывать только туда. Твой геном уже в базе, поэтому открываться должны без проблем. Если будут вопросы, я всегда на связи.

— Даже ночью? — осторожно поинтересовался Энэр. Его ужаснула мысль о том, что может возникнуть необходимость потревожить мастера во время сна.

— В любое время суток! — отчётливо проговорил старик. — Ты меня услышал?

— Так точно!

— Хорошо. Работай, сынок. Завтра в обед сможешь немного вздремнуть. А пока — за дело!

Он ушёл, а Энэр остался стоять, не зная, с какой стороны подойти к этому запретному

богатству.

Третья ночь работы шла к завершению, когда прикрепленный к уху коммуникатор заговорил голосом мастера Хусейна:

— Сынок, как у тебя дела?

— Всё хорошо, мастер, — выпалил Энэр, испуганно разглядывая наполовину пустые полки, — через час прибуду на ферму.

— Не спеши, на ферме у тебя сегодня выходной. Отоспись как следует. Можешь и завтра не появляться. Твоя главная задача — разгрести архив.

— Слушаюсь! Спасибо большое, мастер Хусейн.

— На здоровье. Ну всё, я тебя не тревожу, отдыхай.

Связь отключилась, но Энэр ещё довольно долго стоял навтыжку. Ему впервые дали выходные, и он не знал, что с этим делать. Да, ночная работа изматывала так, что днём еле волочил ноги, но для восстановления сил имеются специальные препараты, а чтобы просто отдохнуть — об этом он не мог и мечтать.

Почему-то теперь, когда можно дрыхнуть до вечера, спать не хотелось. Энэр не стал возвращаться в свою комнату на ферме, решив, если сон всё-таки одолеет, вздремнуть прямо здесь, в архиве. Он продолжил заниматься сортировкой, но очень скоро понял, что коробки валяются из рук. Прилечь было негде, поэтому он осторожно опустил в кресло перед компьютером и собрался уже положить голову на руки, когда внизу что-то мигнуло, а перед глазами развернулся виртуальный экран.

«Вход произведён», — гласила надпись во всю ширину экрана.

Энэр пошарил глазами по столу и обнаружил серую лепёшку манипулятора. Как управляться с подобной техникой, он представлял смутно: в интернате такой компьютер стоял в библиотеке, и Энэру пару раз приходилось просматривать на нём каталог технической литературы. Но после пары манипуляций он увидел список разделов, многие из которых набраны незнакомым ему языком. Его привлёк раздел, который назывался «История Восточного Конгломерата». Открыв его, Энэр обнаружил сотни файлов. Тексты, документальные фильмы, звуковые дорожки. Не отдавая себе отчёта в своих действиях, Энэр стал просматривать всё подряд, захваченный непередаваемым чувством, о котором он и не подозревал. Здесь смешались и тяга к знаниям, и банальное любопытство, но смесь вышла настолько концентрированной, что Энэр словно впал в транс. От экрана его оторвал сигнал будильника, встроенного в коммуникатор. Энэр тоскливо окинул взглядом наполовину заполненные полки и в ту же секунду отключился.

Проснулся он за два часа до конца рабочей ночи. Кинулся к полкам, надеясь за оставшееся время проделать работу всей ночи. А в мозгу оживали воспоминания от просмотренных файлов. Он не замечал, что движения его замедляются, потому что картины, как увиденные, так и дорисованные воображением, проступали всё контрастнее и ярче. Всё, что он заучивал в интернате, теперь не имело значения. Правда, защищённая грифом «Секретно», поражала воображение. Оказывается, нет никакого высшего предназначения. Эти смуглые хозяева жизни, проповедующие одну из форм ислама, просто некогда захватили власть. Точнее, были долгие годы противостояния планетарных государств, в своё время разделённым по этнической принадлежности. Но однажды наступил перелом, когда Конгломерат начал покорять противников одного за другим. Первыми под власть эмира попали планеты, архаично называемые азиатскими. А затем пришла очередь христианского мира. Последние очаги сопротивления угасли всего несколько десятилетий назад, но опыты по выращиванию рабов начались задолго до этого. Отбирались только здоровые младенцы, которые по окончании интерната проходили аттестацию. Непрошедших ждала незавидная участь, впрочем, уже в следующем цикле могли задробить и бывших везунчиков. И тогда...

Энэр отшвырнул коробку, каким-то образом оказавшуюся у него в руках, и с ненавистью взглянул на ожидающий загрузки транспортник. Не успел он осознать свои

действия, а ноги уже несли его назад в заветную комнату. Рухнув в кресло, которое едва не развалилось от нагрузки, Энэр вновь активировал компьютер.

Он чувствовал, как тело наливается свинцом, а глаза сохнут до нестерпимой рези. Но ничего не мог и не хотел с этим делать. Теперь для него существовал только экран, это эфемерное окно в давно исчезнувший мир. Информация лилась нескончаемым потоком, и Энэр подставил разум под его освежающие струи, купаясь в незнакомом ощущении блаженства, несущего давящую боль и осязание непонятной, но безусловной утраты.

Он не слышал, как за спиной со скрипом разъехались створки двери. Очнулся только, когда почувствовал вибрацию шагов. Энэр повернулся вместе с креслом и застыл. Разум витал ещё там, в экране, но слух смог уловить звуки голоса.

Перед ним стояли двое человек в чёрном. На одном из них был плащ.

— На брикет, — негромко произнёс человек в плаще, и второй через мгновение поднял продолговатый предмет. Последнее, что Энэр успел заметить — метнувшая в его сторону ломаная нить молнии.

Вырвавшись из воспоминаний, Энэр снова посмотрел вокруг. Металлический цилиндр, груда голых тел без признаков волос и всё то же мерное гудение. Нет, появилось что-то ещё. И это что-то вытянуло его из трясины воспоминаний. Отрывистое мычание. И толчки. Поначалу совсем слабые, но с каждым разом всё более отчётливые. Цепляясь за спасительное непонимание, Энэр всё же видел: чаша, в которой он находится, заколыхалась и теперь по ней ходят круговые волны. Волны из мёртвой плоти.

«Затем биологический материал измельчается и поступает в цех по производству пищевых брикетов», — вспыхнули слова из недавно увиденного фильма, а желудок сжался от очередного спазма.

Круговая волна всё ускорялась.

Щупальца

Самое паршивое – не знаю, связаны ли последующие месяцы кошмара с той аномалией. Я решилась, вот что главное.

Револьвер похож на карикатурную букву «Г». Раньше не замечала. Протянула руку, подушечки пальцев ощутили прохладу. Обычная теплопроводность, никакой мистики. В кино оружие выглядит опаснее, а тут — просто кусок металла. Даже по-своему красивый.

До чего докатилась...

А как всё начиналось! Закончила факультет биологии моря при федеральном универе. Ещё до защиты Иван Иванович, завкафедры, предложил поработать лаборантом. Почему выбрал меня, ни тогда не знала, ни теперь. Может, он половине группе предлагал, да только у остальных мозги на месте, вот и не согласились.

— Леночка, — сказал тогда Ван Ваныч, — попробуй хотя бы с годик. Понятно, что денег у нас не заработаешь, но куда ты сейчас без опыта. А после сама решишь, остаться или попытаться счастья ещё где.

Я почему-то покраснела, опустила глазки. Как первоклашка.

— Тебе требуется время на раздумье? — участливо спросил Ван Ваныч, которого мы прозвали Профессор. При том, что он и был профессором.

И я клянула. Как корюшка на поролон. Пролетела что-то вроде «конечно-я-очень-рада-спасибо-большое» и сдриснула с глаз долой. Потом дома ревела в подушку, материла себя за слабохарактерность. Нет, я б всё равно согласилась, дело не в этом. Бесит другое — не могу возразить, показать характер. Просто повыпендриваться, в конце концов.

В общем, защитилась на «пять», но диплом остался синим, даже ни грамма не фиолетовым, ибо ничем, кроме четвёрок, там и не пахнет. А потом — год, другой, третий. И всё-таки мне надоело, хотя работа оказалась не пыльной, а Ван Ваныч руководителем не слишком нервным. Я уже написала заявление и с неделю таскала с собой, собиралась с мыслями. И тут, как пыль перед травой, ну или как там у классика, снова явился Профессор. Понятно, что являлся он каждый день, но в тот раз огорошил новым предложением:

— А поступай-ка ты, Ленка, в аспирантуру. Я договорился.

Я выпучила глаза. И совсем не оттого, что он впервые назвал меня Ленкой, а не Леночкой.

— Ты чего? — забеспокоился Ван Ваныч, — Может, воды?

Я только лупала, как рыба об лёд.

— Не волнуйся, — увещевал Профессор, — сильно напрягаться не придётся. Я знаю, у тебя муж, ребёнок вон скоро, — он выразительно посмотрел на моё давненько уже округлившееся пузо. — Зато работа станет куда интереснее, потому что как аспирантку мы тебя с чистой совестью переведём в младшие научные сотрудники. Не забывай и о финансовой стороне...

Думаю, не стоит и пояснять. Согласилась.

Лет через пять после того разговора, в один из мартовских дней нарисовалась в нашей лаборатории пара мутных типов. В каких-то курточках, джинсиках потёртых. Заперлись у Ван Ваныча, с полчаса проторчали. Наконец вышли все трое.

— Леночка, собирайся, ты с нами, — торопливо сказал Профессор и тут же стал тыкать пальцем в мобильник.

— Рита, — сказал он в трубку, — возьми набор номер два и прямо сейчас выходи во двор.

Потом снова повернулся ко мне, дал указания, чтобы не забыла герметичные контейнеры и костюм биозащиты, и в сопровождении мутных типов растаял в полумраке длинного коридора — лаборатория наша располагалась в конце правого крыла одного из корпусов.

Мы погрузились в серый микроавтобус без опознавательных знаков, дождалась Маргариту Григорьевну, зама Профессора, которая появилась с подозрительным чемоданчиком, и отчалили.

— Что-то серьёзное? — вполголоса спросила Маргарита Григорьевна.

— Пока не ясно, — так же тихо произнёс Ван Ваныч и покосился на сидевших впереди типов.

Ехать пришлось три часа, после чего нас высадили из микроавтобуса и погрузили на ржавый катер. Происходящее меня не слишком удивляло, ведь работаю в институте моря, время от времени мы плаваем за какой-нибудь неведомой фауной, но чаще — просто за пробами воды или планктона.

Приплыли на остров Рюккера, раньше я тут не бывала. Мутные типы с Профессором во главе ринулись вперёд, как ищейки по следу. Мы с Маргаритой Григорьевной едва поспевали, к тому же мне мешала ноша — сканер биоматериалов и контейнеры, которые при каждом шаге стукались с металлическим лязгом.

С Серёжей у нас бурной любви не было. Просто однажды я поняла, что он тот человек, с кем я хочу провести жизнь. Хотя знакома с ним была месяца три. Как оказалось, он дошёл до той же мысли ещё раньше меня. Так и поженились. Мне тогда только перевалило за четверть века, а он поравнялся возрастом с убитым Лермонтовым.

Он работал айтишником и почти всё время торчал дома, пялясь в монитор. Изредка ему приходилось отрываться задницу от дивана и ехать к тому клиенту, которому дистанционно уже не помочь. Нахлобучивал шлем, кожаную куртку и прыгал на чоппер — единственное, что его интересовало за пределами квартиры. Он и в свободное время катался, но происходило это нечасто и только ночью. И вот такой замкнутый и в чём-то ненормальный дядька стал моим мужем.

Довольно скоро у нас появился Стёпка, рыжий карапуз с на удивление покладистым характером. Уже через полгода после его рождения я вернулась на работу и без опаски задерживалась там допоздна, знала, Серёжа справится. Потому что не с чем там справляться, Стёпка жил в гармонии с окружающим безобразием. Удавалось ему это благодаря невероятной для такого малыша способности погружаться во внутренний мир и выходить оттуда только за тем, чтобы принять в себя часть мира внешнего или выпустить в него отторгнутое организмом. Одним словом, ребёнок не доставлял нам никаких неудобств.

Вернувшись с острова Рюккера, я сунула резиновые перчатки в карманы рабочей куртки и спросила Ван Ваныча, что за образцы в контейнерах. Дело в том, что маленькая бухта на южной оконечности острова была огорожена проволокой с табличками «Проход закрыт», и внутрь меня не пустили. Видела только наскоро сколоченные навесы и лужи синеватой пены вокруг. Пена показалась подозрительной: вздувалась, оседала, разливалась похожими на амёбы ложноножки потёками. Внутри прозрачных пузырьков густились ошмётки, похожие на клочья разорванной тряпки.

— Пока не знаю, — виновато улыбнулся Профессор, — надо хорошенько рассмотреть.

— Ну хотя бы примерно... Что там произошло?

Он пожал плечами:

— Биологическая аномалия. Это всё что мне известно.

Ссутулился и убрался в кабинет. Я догадывалась, шеф недоговаривает, но пытаться не стала. Рассудила, что позже обязательно всё узнаю если не из первых уст, то от Маргариты Григорьевны уж точно, эта дамочка не меньше Профессора одержима работой и делится даже ничтожными достижениями. Вот только комья шевелящейся пены никуда не делись и продолжали стоять перед глазами, словно какой-то маньяк нарисовал мне их прямо на роговицах глаз.

Ван Ваныч попросил меня настроить приборы, после чего отпустил домой. Я в недоумении посмотрела на часы. Те показывали начало пятого, хотя рабочий день

заканчивался в шесть, и это в лучшем случае.

— Иди-иди, — подбодрил Профессор, — погодка сегодня замечательная, выберись со своими на природу. Сколько твоему мелкому?

— Почти пять.

— Вот я и говорю, надо проветриться. Витамин дэ и всё такое. Дэ три, если быть точным.

Я хмыкнула, но возражать не стала.

За окном светило солнце. Эти дни и впрямь выдались на удивление тёплыми, даже не скажешь, что середина марта. Дороги полностью оттаяли и успели высохнуть, и лишь на некоторых газонах серели невзрачные кучки утрамбованного снега. Я закрыла сейф, накинула пальто и вышла на улицу.

Птичий гомон оглушил, а в нос ударили густые запахи водорослей и собачьих фекалий. И всё-таки это была весна, время пробуждения после длительной зимней спячки.

Я приехала домой, но вместо того, чтобы последовать совету шефа и отправиться на природу, закинула рабочую одежду в стирку, туда же покидала вещи мужа и врубила телик. Весенний авитаминоз ли тому виной, но шевелиться не хотелось совершенно.

Из онлайн-дневника блоггера Лехехея.

— Точно говорю, в этой хате происходит что-то странное. Завтра возьму у приятеля бинокль, тогда смогу рассмотреть подробнее. Но и из того, что видел, могу заключить: дамочка совсем не проста. Опыты она на муже ставит, что ли? Или это как раз он идейный вдохновитель. Девица работает в какой-то научной лаборатории, это я выяснил, но вот чем занимается муженёк? Не исключено, чем-то в том же роде. Особенно странен чувак в отсутствие благоверной. Нет, девочек не водит, если вы об этом. Но всё равно, я копчиком чую — здесь скоро произойдёт нечто весьма интересное. Постоянные подписчики знают: моему копчику можно доверять, как богу.

Ладно, следите за новостями, подписывайте друзей. Думаю, скоро будет интересное. Всегда ваш, Лехехей.

— Дай какой-нибудь крем, — попросил Серёжа. Мы лежали на диване, я резалась в стратегию на планшете, он щёлкал клавишами ноута.

— Тебе какой?

Он оторвал взгляд от экрана:

— В смысле?

— Крем, спрашиваю, какой. Для лица, для рук, ног...

— Без разницы. Для рук, наверное. Чешутся.

Он выглядел рассеянным, как всегда.

Я нашарила на диванной полке тюбик, протянула.

— Укусил кто?

Он пожал плечами.

— Вроде нет. Да и кто укусит — зима на дворе.

Я кинула взгляд на его руки, но не заметила ничего серьёзного. Может, немного красноты чуть ниже локтей. Люстра не горела, а при свете торшера мало что разглядишь.

Серёжа выдал немного крема, не глядя размазал по предплечью. Мысленно он снова был в виртуальном мире.

Я посмотрела на циферблат настенных часов, крикнула вдаль:

— Степан, одиннадцатый час, спать пора!

— Хорошо, только серию досмотрю, — раздалось из соседней комнаты. Я могла не проверять, сын выполнит обещание. Для своих пяти лет он даже чересчур ответственен.

Муж вырубился прямо с ноутбуком на коленях. Просто откинулся и засопел. Подушкой ему служил Стёпкин плюшевый медведь, которого по-восточному непостижимый мозг китайского мастера сделал ярко-оранжевым, как заходящее солнце.

Я убрала ноут на журнальный столик, выключила планшет. А потом щёлкнула и торшером, хотя спать не хотелось. Просто легла рядом с мужем, вдыхая запах пота и крема для рук. Мне показалось, в тот вечер Серёжа был горячим, как двигатель его чоппера, хотя обычно его кожа больше походила на лягушачью.

В лаборатории я по большей части занимаюсь настройкой и обслуживанием аппаратуры. Раньше бы и подумать не могла, что подружусь с техникой, но когда твой муж айтишник, хочешь не хочешь, а научишься. Вот и на работе, едва просекли мою подкованность в техническом плане, сели на шею. Тем более, основной контингент — возрастные бабы, привыкшие к допотопным методам. Да что там, тот же Иван Иванович не слишком-то обрадовался, когда институт выиграл грант на оборудование лаборатории современными приборами. Наверное, потому на меня и спихнул.

В тот день я была без машины — откатила в сервис для замены масла и зимней резины на летнюю. Вышла с работы в полседьмого, солнце к тому времени успело нырнуть за сопки ближайшего острова, но небо ещё и не думало темнеть. К середине апреля похолодало, и теперь колючий ветер с моря дул так, словно мстил за необычно тёплым мартом.

Под стеклянной крышей автобусной остановки тоскливо курил волосатый парень в клёпаной косухе да трепалась пара тёток предпенсионного возраста. Я присела на краешек лавки. Волосатый парень покосился и продолжил курить, сам он, как видно, брезговал тулить зад на общественное сиденье. Мне же плевать, всё равно джинсы в стирку.

Сначала я думала о своём, безразлично наблюдая за уносимым ветром дымом сигареты. Но тут что-то в разговоре тёток привлекло моё внимание.

— А на острове, слыхала, энлэо шмякнулось, — говорила грузная женщина с ярко-морковными губами.

— Да что-то краем уха, — ответила вторая, тщедушного вида, но вооружённая граблями и лопатой, перевязанными куском бинта. — Только не верю я. Вояки, как всегда, балуют, вот что я тебе скажу.

Толстая пожала плечами:

— Ну не знаю. А я верю. Всякое в жизни бывает. Много чего мы ещё не знаем. У меня на том острове кум живёт. Хозяйство у него, одних курей только под полста. Вот он яйцом-то и приторговывает, особенно когда сезон, с города же эти понаедут и гужуются...

— Понесло тебя.

— Так нет, я о чём. Кум этот, Петька, да ты его видела, когда с Власенчихой у Цибулиных похороны справляли. Ну да ладно. Так вот те куры у ево нестись перестали. Разом. Веришь, нет? И три дня, говорит, хоть бы единое яичко! Как раз тогда и понаехали эти, с города.

Скрипнули тормоза, зашипело, как паровоз в старинном кино. Автобус качнулся и замер. Тётки тут же забыли про трёп, похватили манатки и ринулись в раскрывшуюся дверь, как на амбразуру. Я тоже поднялась со скамейки, собираясь войти последней, но волосатый парень галантно посторонился. Уже поднимаясь по ступенькам в салон, я услышала, как он сказал скорее сам себе, чем кому либо:

— Это ж вроде на Рюккере случилось? С месяц назад.

Я обернулась, но парень, ни на кого не глядя, уже взялся за поручень. Я пожала плечами и села на свободное сиденье.

Так бы и забыла о подслушанном разговоре, но едва добралась до дома, Серёжа выпалил:

— Не знаю, что с этими чёртовыми руками. Чешутся. Дай чем-нибудь намазать. Работать не могу.

Я посмотрела на его руки, и нехорошее предчувствие шевельнулось в груди. Красные полосы, расцарапанные ногтями, выглядели ужасно, но дело было не в них. Синеватая кожа, меньше всего походившая на кожу человека, опухшие суставы и неестественно скрюченный

большой палец правой руки.

— Ну чего уставилась! — выкрикнул муж и спрятал ладони в карманы шорт.

Очевидно, на моей физиономии отразилась обида, потому как он тут же спохватился:

— Прости, сорвался. Просто фигня какая-то с руками, а у клиентов как назло то одно сыплется, то другое.

Я обняла его, а он даже не вытащил рук из карманов. Более того, хотел отстраниться, я уловила мимолётное движение, но не стал. Просто стоял, обнятый, а потом поцеловал меня в макушку.

— Может, сходишь в больницу, — предложила я, втирая в кожу его рук «Ламизил», другой мази дома не оказалось.

— Если так дело пойдёт, то придётся, — он сдвинул брови. Терпеть не может любые учреждения, но больницы в особенности.

Руки его перестали быть горячими, как в прошлый раз, наоборот, привычная их прохлада как будто усилилась.

— Тебе не холодно?

Он мотнул головой:

— Нет. Чешутся только. И ломит немного изнутри. Может, магнитные бури.

— И давно у тебя так?

— По мелочи уже недели две как, а вот прямо сильно дня три.

— Почему сразу не сказал?

— Ты была занята, не хотел беспокоить.

Я прикусила губу. Действительно. Даже стыдно. В последнюю неделю так выматываюсь на работе — у нас крупное исследование для забугорной конторы, — что даже ребёнка вижу одним глазом, да и то, дольше стандартного «как-в-садики» сил беседовать не остаётся. А Серёжа и кушать варит, и сын отведён-забран, и по магазинам успевает. А ведь у него тоже работа, хоть и удалённая. Я попыталась вспомнить, когда у нас в последний раз была близость. Недели три назад, если не больше. Добро пожаловать в семейную жизнь, детка.

На следующий день я улучила момент, когда останусь в кабинете наедине с Профессором, набралась смелости спросить:

— Иван Иванович, так что там с этой аномалией?

— Какой аномалией? — встрепенулся тот, но я видела, старик понял, о чём речь.

— На острове Рюккера. Месяц назад.

Он отвернулся и стал внимательно рассматривать ёмкость с образцами планктона. Кашлянул, и до меня донеслось:

— Результаты и пробы забрали в академию наук.

— Так мы же и есть подразделение академии. — Я наморщила лоб.

— Всё верно. Но нам не доверяют. Увезли в Москву, будут исследовать.

Он повернулся, но в глаза не смотрел. И заметно сутулился.

Я набрала побольше воздуха, задержала дыхание. А потом выпалила:

— Это правда, что на острове Рюккера потерпело крушение НЛЮ?

Мне хотелось сверлить Профессора взглядом, но в который раз не выдержала и отвела глаза.

Он громко рассмеялся. Пожалуй, излишне громко.

— Откуда вы это всё берёте?

Понятия не имею, кто эти «вы», и что он имел в виду под словом «всё». Поэтому ляпнула наугад:

— Ну не зря же говорят. Кто-то что-то слышал...

— Вот именно, «кто-то, что-то», — перебил Ван Ваныч. — Вместо того, чтобы делом заниматься, ляды точат. Леночка, у тебя работы мало? Так я могу подкинуть.

От злости у меня глаза наполнились слезами. Да как он смеет? И без того всё

оборудование лаборатории на мне. Никогда ещё не бывало, чтобы я халатно относилась к обязанностям.

Профессор резко развернулся и быстрым шагом удалился в свой кабинет. А до меня начало доходить, что шеф чего-то боится. Злость как ветром сдуло, только предательская слезинка заскользила по щеке. «Что же ты скрываешь, Иван Иванович?» — мысленно спросила я и крепко задумалась.

Неделю-полторы дома было спокойно. Серёжа не напоминал о руках, а я так погрузилась в работу, что даже стала забывать об этом.

Но проблема никуда не делась. Иногда так бывает — не думаешь о неприятном, и оно само собой ликвидируется или, на худой конец, истончается его значимость. В этот раз реальность выхватила меня из мира грёз липкими пальцами и посмотрела в глаза взглядом безумной кенгуру. Почему-то именно этот образ первым пришёл на ум.

Это было субботнее утро, и ничто не мешало спать хоть до обеда. Я подскочила на постели, завертела головой. Мужа рядом не оказалось. Внимание привлёк синий тюбик. Проморгалась, схватила тюбик, параллельно прислушиваясь. Название мази в памяти не сохранилось, помню только, что бактерицидное средство. Самое странное, никогда о такой мази не слышала, хотя обычно большинство препаратов — спасибо рекламе — на слуху. Из туалета доносились едва различимые постукивания. Я постаралась не придавать этому значения, опустила на подушку. Через какое-то время донёсся шум воды, а ещё минуту спустя вернулся Серёжа. Вид у него был бледный, хотя на скулах проступил румянец. Розоватый свет, лившийся из окна, освещал слабо, но я успела разглядеть руки мужа до того, как он поспешно нырнул под одеяло. Меня передёрнуло. Спросонья могло показаться всё что угодно.

— Серёжа, покажи руки, — Я постаралась придать голосу мягкости.

Он замер.

— Пожалуйста, — прошептала я.

Он нехотя извлёк руки, точнее то, что от них осталось, из-под одеяла.

Я физически ощутила пауков, которые побежали из района поясницы вверх по телу, облепляя горло.

— Что это? — только и выдавила. Все силы уходили на то, чтобы остаться в сознании.

— Я не знаю, — так же тихо произнёс он, и в его шёпоте я уловила обречённость.

Руки ниже локтей начисто лишились волос. Кожу покрыли грязного цвета струпья, но страшнее всего выглядели пальцы. Они скрючились, как у дэцэпэшника, и потемнели. Больше всего Серёжины пальцы походили на переваренные макаронины.

Мне стоило невероятных усилий подавить рвотный рефлекс. Взяла себя в руки, придвинулась к мужу. Осторожно, словно чумного, обняла. Он не ответил на мое движение, да это и понятно. Я пыталась переварить увиденное, и не могла. В мозгу пульсировала одна мысль: мужу плохо, я должна ему помочь. Но как? Что я могла сделать? Часы на стене показывали полседьмого утра. Больницы закрыты. Надо дожидаться открытия.

Мы довольно долго так лежали — я обхватив его руками, а он безучастно, как труп.

А потом я почувствовала, как напряглась его плоть. И не успела ничего подумать, а Серёжа навалился, раздвигая коленями мои ноги. Кое-как пришла в себя, покосилась на дверь в спальню — та была плотно заперта — закрыла глаза, отдаваясь во власть мужа. Если быть честной, я давненько забросила обязанности жены, а ведь мой мужчина мог нуждаться в близости. Мне стало стыдно за свой эгоизм. Поэтому, прикусив губу, позволила ему делать всё, что хочет, и даже попыталась отключить мозг, оставив только ощущения. В конце концов, мне это в какой-то степени удалось. Солнце совсем уже выползло из-за соседних домов, когда Серёжа резко выдохнул, ослабил натиск и, наконец, отвалился, как насосавшийся крови клещ. Не хотелось признаваться, но я была рада, что всё закончилось.

Когда-то, задолго до Серёжи, у меня был парень. Не единственный, а в том смысле, что

запомнился. Мне было девятнадцать, ему двадцать пять. Звали Егор. Встречались месяцев семь-восемь, потом он куда-то смылся, наверное, к своей бывшей, а может ещё одну дуру нашёл. Так вот, у него был постоянный стояк. Сначала принимала это как должное, всё-таки я не совсем уродина, но постепенно его бесконечные приставания начали доставать. Мы трахались везде: в лифте, в подвале какого-то случайного дома, в машине друзей. Как уже говорила, я никогда не умела отказывать. Не в этом смысле, конечно, но когда парень свой, а не придурок с улицы, деваться некуда. Да и боялась, что примет за фригидную. Знаю, у других с этим проще, но у меня свои заморочки. Так вот, чем-то сегодня мой Серёжа напомнил того Егора. Нет, всё было по-другому, да и сравнишь ли эмоции сопливой студентки и тридцатилетней женщины. Но, блин, вспомнилось, и всё тут.

Тогда и не подозревала, что скоро Егор станет вспоминаться чуть ли не каждый день.

Из онлайн-дневника блоггера Лехехея.

— Ну что ж, вот я и при бинокле. Более того, знакомый хакер дал попользоваться занимательной вещью. Вот сейчас одной рукой печатаю этот текст, а второй сжимаю девайс. Ладно, ладно, поиздевался и хватит. Микрофон. Но не простой, шпионский. Этот знакомый занимается тем, что подглядывает за простыми обывателями, чаще всего через камеры на гаджетах. Затем продаёт. Да-да, существует куча извращенцев, которые платят некие бабки за сомнительное порно дерьмового качества. А потом дробят. По крайней мере, я так думаю, иначе для чего оно всё?

Я отвлёкся. Итак, микрофон. Коробочка с сеточкой, вот как он выглядит. Фото выкладывать не буду, ибо мало ли. Главное свойство — умение улавливать звук в определённой точке, которая к тому же находится чёрт знает где, например, в соседнем доме. Хе-хе, именно это мне и надо. Вот только давайте без гневных комментариев и прочей срани. Мне ж для дела. Потому что, повторяю, в той квартире происходит нечто весьма ненормальное. Если и вправду просто ненормальное — что ж, вместе покачаем головой, да и забудем. Но что если творящееся в той хате опасно не только для её обитателей, но и для окружающих?

Ладно, ушёл настраивать микрофон. Всегда ваш, Лехехей.

В ту же субботу мы отправились в больницу. Серёжа сопротивлялся, но я тянула его, как буксир. Наконец он сдался, сел в машину. Доехали нормально, хотя ворчал он, не переставая.

Дежурный врач, пожилая женщина в толстых очках окинула нас недобрым взглядом, бросила:

— Кто больной? Муж? Так, жена, ждём за дверью.

Я хотела попроситься посидеть в углу, но лишь вздохнула, да и то, так, чтобы не раздражать врачиху, и вышла в коридор.

Через минут десять, когда я уже нарезала три круга по всему этажу, врачиха выглянула из кабинета, сверкнула стёклами очков:

— Жена, сюда.

И скрылась в кабинете.

Я, как собачка, метнулась за ней.

Серёжа сидел на стуле с опущенной головой. Руки спрятал в карманы.

— Так, — сказала доктор, — похоже, кисти отморожены.

Я попыталась возразить, но она подняла руку, призывая заткнуться.

— Сейчас всё равно никого из специалистов нет. Поэтому в понедельник утром с анализами — на первый этаж. И вот талон к хирургу. А пока, — она протянула рыжеватую бумажку, — купите вот это. Мазать четыре раза в день. Не стирать до полного впитывания.

Я деревянными пальцами взяла рецепт, попыталась прочесть. Синие каракули превзошли самые смелые ожидания, я не смогла разобрать ни одной буквы. Подумалось, что на конкурсе «кривые руки» врачиха непременно взяла бы главный приз. Но мысль тут же

перескочила на руки мужа, который уже совсем скрючился и пробовал украдкой почесать ниже локтей.

— Спасибо, — холодно сказала я и потащила супруга к выходу.

— Следить надо за мужем! — догнали меня слова в спину, обидные, как пинок под зад. Я сглотнула, но промолчала, только хлопнула посильнее дверь.

Пока ехали в аптеку, только и думала о том, что врачаха в диагнозе права. Не в Серёжином — в моём. Это действительно я не уследила. Моих рук дело. Чёрт, снова эти руки... Он ведь такой, сам не скажет.

Погрузившись в самобичевание, я едва не протаранила выскочившую на перекрёсток малолитражку. В последний момент вдавила тормоз и только тогда заметила, что мне горит красный.

Купили мазь, но не ту, что прописала врачаха. Обезболивающую. Серёжа жаловался на сильный зуд и нарастающую ломоту в костях. Теперь главное — дотерпеть до понедельника.

Сейчас февраль, и за окном беснуется ветер. Серёжа почти безвылазно находится в ванной, мне кажется, он и спит там. Боже, помоги мне сделать это. Не прошу помочь пережить, дай силы взять себя за задницу и поднять чёртов револьвер. Вот же он — игрушка, к которой так тяжело прикоснуться в решающий момент.

В девятнадцать, когда меня бросил Егор, думала, что смогу перерезать вены и благополучно сдохнуть. Даже записку написала. Родителям. Прошу не винить себя и не обижаться на меня, это мой выбор, и прочая ахинея. Ну, вы знаете. Даже набрала ванну. Воду сделала не горячей, а тёплой, как молоко. Хотя как раз молоко обычно стоит в холодильнике, а потому ледяное, аж зубы сводит. Но так говорят, а значит — как молоко. Горячую не стала, боялась, что так кровь начнёт сворачиваться. Разделась, но не догола, трусы оставила. Просто представила, как буду выглядеть, когда выбьют дверь. Хотела сначала даже лифчик не снимать, но решила что это уж совсем идиотизм.

Вроде снег начинается. А тогда лето было в разгаре. Море только прогрелось, молодёжь валила на пляжи, как стада леммингов. В чём-то они и были леммингами, если вспомнить, что ультрафиолетовые ванны не проходят бесследно.

Итак, медленно, как в болото с крокодилами, опустилась на дно ванны. Долго целилась и, наконец, резанула кухонным ножом по венам. Не выдержала, заверещала, как свинья на бойне. Не только от боли, но и от возмущения — столько раз слышала, что тёплая вода действует как анестезия. Враньё! Рана оказалась неглубокой, да и резала я поперёк, а не как следует, вдоль. Кровь потекла, но слабенько, словно делала одолжение.

Не помню, сколько я просидела в ванне, как дура, в трусах, с рассечённым запястьем и кухонным ножом в правой руке. Во всяком случае, вода к тому времени остыла. А я всё скулила, жалея себя.

А потом вспомнила, как этот ублюдок Егор, нажравшись пива, схватил меня за ягодицы и пьяно гнусавил:

— Ну же, детка, мы же никогда не пробовали. Давай, расслабь задок, дай мне войти.

Ширинка его непостижимым образом оказалась расстёгнутой, и он почти затулил, прямо через трусы. Мне пришлось укусить его за плечо.

Вспоминание вмиг отрезвило. Я осознала, насколько нелепо лишать себя жизни из-за такого уroda. И выбралась из ванны, заливая пол стекающей с тела водой...

На чём остановилась? Точно, на понедельнике, которого стали ждать.

Сына я отвезла к матери, пообещав забрать на неделе.

К вечеру субботы зуд у Серёжи прошёл. По крайней мере, в руках. Он попросил погуще намазать синюшные конечности мазью и перебинтовать. После чего выключил свет, хотя спать было рано, и с необычной для него настойчивостью предложил заняться любовью. Я

опешила. Не хотелось расстраивать мужа, да и чего уж скрывать, мне было лестно его внимание. Но перед мысленным взором стояли его руки — гладкие, как у тритона, со скрюченными безжизненными пальцами.

Я и раньше занималась сексом без особого желания, но отвращения не испытывала. Поэтому часто желание приходило по ходу дела. Теперь же, сделав несколько отчаянных попыток перевести тему, скрипнула зубами и расставила ноги, как последняя шлюха. Как там говорят у буржуев, «и в радости и в горе»? Радость я познала, несколько лет всё было хорошо, пора расплачиваться. К тому же меня согревала мысль, что муж таким образом хоть отвлечётся от болезни.

Мы сходили к врачу. И в понедельник, и во вторник. И во все остальные дни до пятницы. Анализы, рентген, мазки. Толку никакого. Врачи таращили глаза, бегали за коллегами, совещались. Мы с мужем чувствовали себя экспонатами в кунсткамере.

— Я больше в больницу не пойду, — хмуро заявил Серёжа вечером пятницы, когда мы вернулись домой. Что-то в его голосе промелькнуло такое, что я поняла: моего энтузиазма больше не хватит. Да и бессмысленно таскаться по кабинетам манекенов с дипломами врачей. Нужно посмотреть правде в глаза — никто не знает, что с моим мужем. По крайней мере, в этом городе.

Сына мы вновь отправили к бабушке, на этот раз надолго. Тот не сопротивлялся. А бабушке объяснили, что Серёжа подхватил заразную инфекцию. Думаю, мы были недалеко от истины. Только болезнь имела не совсем земное происхождение.

Я часто пыталась разобраться в воспоминаниях, когда и каким образом Серёжа подхватил эту заразу. И каждый раз выстроенная логическая цепочка приводила к острову Рюккера. При этом хватало и нестыковок. Почему не заразилась я? Хотя это ладно, бывают же просто переносчики. Но Иван Иванович, Маргарита Григорьевна — они же подходили к аномалии куда ближе, чем я. Если на то пошло, я вообще стояла за внешним периметром, видела только полиэтиленовые навесы, наподобие теплицы, и хлопья подозрительной пены. Да, образцы несла я, но они прятались в герметичных контейнерах. Голос разума при этом саркастически усмехался: «А ты уверена, что при взятии образцов, частицы не попали на ручку или внешнюю оболочку контейнеров?». И тогда цепочка продолжалась. Инфекция могла попасть на резиновые перчатки, которые я потом обнаружила в карманах постиранной дома куртки. А в стиральную машину, помимо рабочей одежды, я закладывала что-то из Серёжиных вещей.

Чем дальше думала, тем меньше оставалось сомнений — в болезни мужа виновата я. Хотела признаться, но не могла набраться смелости.

Тогда я решила рассказать всё Ван Ванычу. Когда Профессор узнает, что произошло, перестанет увиливать. В этом была уверена.

Итак, оставалось переждать выходные и явиться к шефу.

Я уже подготовилась предложить мужу съездить в универ, когда запищал мобильник. На экране высветился телефон Ирины, нашего лаборанта.

— Здравствуйте, Елена Алексеевна, вы дома? — спросила Ира. Она на десятку младше меня, поэтому зовёт по имени-отчеству.

— Да, ведь сегодня суббота, — сказала я и на всякий случай сверилась с настенным календарём.

— Елена Алексеевна, тут такое дело... — начала она и замолчала.

— Говори.

— Иван Иванович... Он умер.

Я не могла поверить ушам.

— Что? Как умер? Когда, от чего?

Видимо, услышав мои слова, шумевший до этого на кухне муж притих.

— Утонул на рыбалке, — выдавила девушка таким тоном, будто это она была виновна в смерти шефа.

На следующее утро, в воскресенье, я была в универе и уже знала подробности. Мы сидели на скамейке университетского сквера. Маргарита Григорьевна рассказывала, а Ирина, я и ещё несколько научных сотрудников слушали, кутаясь в тонкие курточки — начало мая выдалось прохладным. Влажный воздух приносил с моря запах йода и крики чаек.

Оказалось, не так давно Ван Ваныч купил моторную лодку. Никогда бы не подумала, что такого человека может интересовать рыбалка. Тем не менее, он даже имел право на управление малым плавсредством. Рыболовный сезон открылся меньше недели назад, и сотни лодок, набитых очумевшими от полугодового ожидания рыбаков всех мастей заполнили прибрежные воды.

— Говорят, лодка перевернулась, — всхлинула Маргарита Григорьевна и тяжело вздохнула. — Тело вынесло на берег только вечером, хотя в море он вышел часов в семь утра. Так, по крайней мере, утверждают очевидцы.

Пара недель ушла на похороны и послепохоронную суету — передача дел, ознакомление персонала с новыми обязанностями. В этой суматохе меня назначили старшим научным сотрудником, даже не направив на прохождение обязательных в таких делах тестов.

Я видела, Серёже становится хуже, но не могла разорваться. Тем более, как только мы оставались дома одни, тут же кто-нибудь звонил и вываливал на меня кучу информации. А он днями пропадал в туалете. Я уже догадалась, что всё это время он мастурбирует, но почему-то озарение не вызвало у меня никаких чувств. Наверное, потому что я в тайне надеялась, что таким образом он снимет напряжение, и я смогу избежать секса. Секса с человеком, который на моих глазах превращался в монстра.

Наконец на работе устаканилось, и я попросила Серёжу:

— Сними повязки.

Он посмотрел на меня долгим взглядом и молча выполнил просьбу. Когда бинты упали, моему взору предстала картина, к которой я в тайне была готова. Его предплечья удлинились на четверть. От пальцев остались лишь розоватые бугорки. Конечности напоминали бы культи, если не были такими длинными и... Да-да, они извивались, как щупальца. Не так, как у осьминога, но всё равно заметно. Как будто в них совсем нет костей.

— Довольна? — холодно спросил Серёжа и приблизился на шаг. Я внутренне сжалась. С этим надо было срочно что-то делать.

— Завтра же едем ко мне на работу! — сказала я голосом, не терпящим возражений. А у самой в горле пересохло так, что каждый звук отдавался рвущей болью.

Он медленно кивнул. И щупальца шевельнулись в такт. Более мерзкой картины невозможно представить.

Из онлайн-дневника блоггера Лехехея.

— Уф-ф, дорогие мои, чего я накопал! Сгодились и микрофон, и бинокль. А ещё я освоил настоящий хайтек — квадрокоптер с камерой высокого разрешения. Итак, по порядку.

Как я и думал, у этого парня теперь настоящие щупальца. И это не мои домыслы — муженёк с жёнушкой употребили именно это слово. Правда, я ошибался насчёт того, что он в теме. Похоже, наша учёная дамочка использует парня втёмную. Он в панике, перестал выходить на улицу. Но во всём этом есть прелюбопытный нюанс. А именно — его либидо. Оно просто заикаливается. Не поверите, но чувак, обмотав конец щупальцей, дрожит до посинения по несколько часов подряд. А потом ещё супругу шевелит, как племенной бычок. В общем, не самый заурядный побочный эффект. Уверен, многие из нас запросто расстанутся с десятком пальцев за такую награду.

На этом всё, но подробности на подходе. ~~Ебуч~~... любящий вас, Лехехей. ;-)

Профессор был мёртв, но я не собиралась сдаваться. В конце концов, у меня-то с руками всё в порядке и я обязана помочь мужу.

В один из субботних вечеров в начале июня мы поехали ко мне на работу. На входе

встретил охранник Веня, молодой парень с дебильным выражением лица.

— Такое дело, — начала я заранее подготовленную историю, — к нам на месяц приехали родители мужа. А у нас двухкомнатная... и ребёнок. Ну, Веня, ты сам понимаешь...

Охранник хмыкнул, почесал резиновой дубинкой затылок и выдал ключи от лаборатории. Я знала, теперь обречена до конца дней отвечать на его сальные шуточки и многозначительные взгляды. Плевать, главное спасти Серёжу.

Я заперла кабинет, велела раздеться. Включила все приборы, какие только можно. Трёхмерное сканирование, просвечивание в разных спектрах. Тут же взяла кровь из локтевого сгиба, который теперь походил на что угодно, только не на локоть, хотя вена нашлась без проблем. Меня смутил цвет крови — светло-оранжевый, почти прозрачный, словно кто-то процедил эритроциты, оставив только плазму. Пробирку с кровью сунула в электронный анализатор.

Все процедуры заняли часа четыре. Стояла глубокая ночь, когда мы вышли из лаборатории. Серёжа кутался в куртку с длинными рукавами, поэтому охранник и при желании ничего не смог бы разглядеть.

Мы забрались в машину и покатали домой. В кармане джинсов у меня лежала флэшка с результатами обследования. Кое в чём я могла бы разобраться и сама, но имелась идея получше.

На следующий день запаковала все файлы в архив и отправила доктору Джеку Фишеру из университета штата Мичиган. Он был давним приятелем моего дяди, они вместе заканчивали питерский мединститут — доктор Фишер происхождение имел советское, а внешность типично сионистскую. В последние годы, насколько мне известно, дядин приятель плотно занимался биохимией и даже получил серьёзную известность в определённых кругах. Я надеялась, что опыт мистера Фишера, а так же современное оборудование Мичиганского университета помогут ему разобраться с нашей проблемой. В том, что в помощи он не откажет, я почему-то не сомневалась.

Доктор Фишер ответил через два дня. Коротко сообщил, что образцы получены, и в ближайшее время займётся исследованием.

Следующее письмо от него пришло ровно через месяц. Подходил к концу июнь.

Доктор Фишер писал, что результаты его шокировали. Первое время он думал, что это розыгрыш.

«Елена», — писал он, — «вы не представляете, какую задали мне задачу. Если вы лично знакомы с человеком, у которого произошёл столь серьёзный метаморфоз верхних конечностей, вы просто обязаны направить его на детальное обследование. Это феномен, по своей невероятности сопоставимый с обнаружением инопланетного разума. В общем, это действительно полноценные щупальца, правда, ещё не прошедшие полный этап эволюции. Но не подлежит сомнению их дееспособность — нейронные связи не просто не нарушены, они образуют весьма интересную конструкцию. Причём, нервные узлы, наподобие тех, что мы видим у некоторых морских организмов, находятся в обоих щупальцах, точнее, в их основании. Система не менее сложна, чем спинной мозг, и напрямую с ним связана. Связана она и с мозгом головным. Кровообращение же — вообще отдельная история. Упомяну лишь, что она образует дополнительный малый круг, омывающий исключительно щупальца.

На вопрос ваш об операбельности ответ однозначен: нет. Ампутация даже одной конечности приведёт к неминуемой гибели всего организма, это как если бы мы решили отрезать половину мозга. Вы понимаете мою аналогию?»

Я откинулась на спинку кресла. В течение пары минут, или сколько там понадобилось для чтения письма доктора Фишера, надежды обрушились, как хлипкая лачуга под ураганным ветром. Это конец, стучало в голове. Я была готова до конца жизни прожить с инвалидом, заботиться, кормить с ложечки. Но с чудовищем, у которого вместо рук щупальца — это выше моих сил. Пока была надежда на операцию, я старалась не замечать этих извивающихся отростков. А теперь? Как сказать Серёже, что он обречён до конца жизни

уподобляться кальмару? Как быть мне, ведь не в вакууме живём: друзья, родные, соседи, в конце концов — что скажут они? Ну, пусть и не скажут, но будут перешёптываться, домысливать чёрт знает что.

Однажды, в самом конце лета, я рассказала Серёже о письме доктора Фишера. По пути с работы захватила бутылку коньяка, и мы распили её за ужином. Тогда-то, заплетающимся языком я и поведала о переписке.

Серёжа только кивнул. Я ожидала увидеть в его глазах панику, замешательство. Если уж как перед богом — я *желала* увидеть эти чувства. Но муж остался невозмутимым. Правое его щупальце обвило бутылку, в которой осталось на самом дне, коньяк заструился в рюмку. Налил и мне.

— За нас, — тихо сказал он, поднимая рюмку левым щупальцем.

Я протянула трясущиеся пальцы за своей порцией. Несмотря на алкоголь, в ту минуту мне стало по-настоящему страшно, настолько, что только чудо спасло сердце от разрыва. Похоже, Серёжа смирился с мутацией. Нет, «смирился» — не совсем подходящее слово. Он выглядел так, будто наличие щупалец несколько ему не мешает, наоборот, он и представить не может, как могло быть иначе.

Когда бутылка опустела, он потащил меня в постель. В последние месяцы это стало привычным ритуалом. И с каждым днём на это уходило всё больше времени — муж стал одержим сексом.

Но в тот вечер кое-что произошло. До сих пор не могу вспоминать без содрогания. Наверное, он долго держался, но алкоголь снял психический блок. В разгар полового акта, который я отбывала, как наказание, что-то изменилось. Я не сразу поняла что именно. Почувствовала только извивающуюся прохладу. Как если бы гигантский опарыш пытался проникнуть в меня.

Я заорала одновременно с осознанием. Щупальце, длинное и холодное проникало в меня всё глубже. Я замолотила ногами, слетела с кровати, забилась в ванной. Смотрела на щеколду и понимала её бесполезность.

Из онлайн-дневника блоггера Лехехей.

— *Ох, что я вам покажу! Но погодите, ссылка на видео ниже, у меня же руки чешутся (уж не щупальца ли растут, хе-хе) рассказать вам чего я увидел/услышал.*

Короче, там полный улёт. Дрючатся, как кролики, с вечера до утра. Ну это фиг бы с ним. Но, похоже, парень пустил в ход свои новые конечности. Да-да, он пользуется тётку не привычным органом, а щупальцами. Представляете, насколько возрастают мужские возможности, когда у тебя такой подарок природы? Офигеть.

Но я так понял, эта парочка собирается до последнего скрывать от общественности свои достижения. Непорядок. Я всегда был за гласность и думаю, вы меня поддержите. Внизу прикручу голосовалку, где каждый подписчик может выразить мнение насчёт щупалец: надо оно или совершенно нас не касается.

Ну ладно, смотрите видео, голосуйте, а через недельку-другую вместе решим, что делать дальше.

ЗЫ. Уж я-то точно не отказался бы от парочки шаловливых щупалец.

Всегда ваш, ~~оёминног~~ Лехехей.

А теперь я решилась. Заехала к маме, и когда она отлучилась из комнаты, вытащила из потайного ящика папин револьвер. Не знаю, откуда он его взял. Когда папа умер, мама не стала выбрасывать ничего из его вещей, в том числе револьвер и две упаковки патронов к нему. Если узнает, какую службу сослужит эта игрушка, проклянёт себя. Почему-то эта мысль не заставила сердце сжаться, наоборот, мне стало весело. Из горла даже вырвался смешок. Такая реакция свойственно лишь безумцам, но в тот день я не была готова рассуждать на тему здравости собственного рассудка.

И вот февральский ветер несёт за окном острые льдинки, которые когда-то были снегом. Серёжа заперся в туалете. Его щупальца подросли в длину и стали немного тоньше. Я ждала, что появятся присоски, как у моллюсков, но ничего подобного не произошло. По крайней мере, на данный момент. Надо сказать, щупальца выглядят вполне сформированными.

Но я устала. Понятно, что жить так нельзя. Вряд ли общество готово принять людей с такой внешностью. Это трудный шаг, поэтому так долго решалась.

Итак, мне осталось одеться потеплее и спуститься к машине. С катером я договорилась. Доберусь до острова Рюккера, если будет надо, прострелю ногу охраннику, но доберусь до «биологической аномалии», чем бы она ни была. И пусть только попробует эта неведомая инфекция не превратить мои руки в щупальца!

Моряк

1

Восемь плетей. Теперь это много. Плетки стали жёстче, удары сильнее? Вряд ли. Старею, вот в чём дело. И считаю. Каждый день считаю, вот уже двадцать два года. Помню, торопились куда-то, а у нас половина гребцов — зелёные, только набрали. Ох уж и оторвались на нас. Единственный раз, когда я сбился, на двадцати семи потерял счёт. И ничего, отлежался пару дней — и снова в рейс.

Заскрипели борта, сухим шелестом заскользил по доске взъерошенный, как северный змей, канат. Выкрики команд, похожие на воронье карканье. Баржа, грузная и неповоротливая, подползала к пирсу. А там уже толпятся такие же невольные, как я, грузчики. Привычный толчок, но в этот раз в спине скрипнуло, и к груди потянулись тонкие щупальца боли. Баржа причалила.

— Гребцам: отбой! — прогудело из боцманьей глотки долгожданное. Всё, до послезавтра можно отдыхать. А то и ещё дольше, если местные замешкаются.

Первыми на берег ринулись «кучеры». Так зовём вайцев, это те, что плетями спины наши массируют. В рейсе «кучеры» наш первый враг, но стоит причалить — никаких обид. Они такие же невольные, но злые, как черти, так что работка как раз по ним. Их последними на нашем континенте захватили, когда Империя, подмяв Черноземье, сунулась наконец в горы. И вайцам тяжело: на барже их шестеро, а наших спин — три десятка! И на сон у них времени ощутимо меньше.

Я скинул лямку одним из последних, время спешки минуло. В этом порту бывал не раз, заплутать не должен. Взглянул на запад. Там, где похожий на хобот дальний мыс уткнулся в море, сползает за горизонт переливчатый диск солнца. Да, скоро стемнеет. Ноги сами понесли по земляной тропинке, сохранившей отпечатки разносортных подошв. Конечно, кабак, что ещё так манит моряка, неделями болтающегося на волнах?

Внутри не протолкнуться. Но воздух ещё не так спёрт и насыщен алкогольными парами. Молодёжь толкается, отвоёвывая место поближе к стойке. Я протиснулся с краю, жестом показал помощнику бармена и, получив требуемое, спокойно уселся на грязную, пропахшую плесенью солому в самом дальнем углу помещения. Развязывал мешок долго, бармен затянул как следует. Или дело в пальцах, как крючья стали от мозолей. Кто-то сказал, чем дольше ждёшь, тем слаще результат. Что ж, спорить не стану. Вынул из мешка четвертину рома, краюху ржаного да зеленоватый шмат подтаявшего сала. Ох, ну это ли не рай? Отхлебнул из горлышка и откинулся на склизкую стену.

2

А дома, в Среднем Черноземье, сухой закон. И почвы плодородные — закусывай, не хочу — да кто ж позволит. О винном бунте мне дед рассказывал, я тогда у него жил: родители из шахты не вылезали, не до меня было.

Шёл пятнадцатый год с того скорбного дня, как наша солнечная страна стала вассалом Империи. Виноград родил хорошо, вот и был в каждом дворе погреб, полный бочонков. Праздновали день Луны или окончание сбора урожая. Тогда у нас было принято снимать пробу со свежего вина. Напробовались. Вспомнили, что почти юбилей, как под имперским ярмом ходим. Осерчали. Поднялся весь город, а за ним и южные и восточные земли, а это добрая половина страны. Имперскую стражу на вилы, налоговые избы — огню... Недели две бушевали, потом запал поутих, вино своё дело сделало. Пары дней хватило карателям. Заводил перевешали, остальным — двойной налог на год. Виноградники вырвали с корнем. И под страхом смерти запретили пить. Вот тогда-то и стала работа моряком самой желанной. Моряком — сказано громко, нашего брата только в гребцы берут да в бурлаки, но зато перед нами все порты мира со всеми напитками и дамами — разноголосыми и разноцветными.

Как двадцать стукнуло, подался в моряки и я. Осмотрели меня, потыкали всякой ерундой.

Старый доктор с повязкой на глазу скривился, будто ему подали на обед толстую жабу, и покачал головой.

— Дохловат, — сказал он сиплым, как у дворовой псины, голосом.

— Да пойдёт, — махнул рукой бронзовокожий детина в тельняшке и с длинным тесаком на поясе. — Если не сдохнет, выдюжит.

Он оголил два ряда ровных желтоватых зубов.

— Ну, как знаешь, — проворчал доктор и в тот же момент забыл о своём существовании.

Детина в тельняшке хлопнул меня по плечу так, что я чуть не ссыпался к его ногам.

— Будешь под моим началом!

Так я стал моряком.

Прогнившая, искалеченная штормами посудина называлась «Фея», я ступил на палубу и едва не провалился в трюм: щели меж досок поражали размерами.

— И это плавает? — с ужасом спросил я крепенького мужичка, в паре с которым мне предстояло работать.

— Лучше, чем ты думаешь, — усмехнулся тот, разглаживая кудрявую бородёнку. — Вот увидишь, вперёд дельфинов помчим.

Я промолчал, но сомнения не покидали до самого отплытия. Даже у причала «Фея» жалобно скрипела и гнулась, как вялая картофелина. Мне, впервые видевшему море, стало так жутко, как никогда не было, я почувствовал слабость в коленях и лёгкое головокружение. Взбодрил только спазм в желудке, а мгновение спустя мой завтрак выплеснулся на башмаки.

— Укачало, — услышал я бесцветный голос напарника. И подумал о том, сколько он уже повидал таких вот зелёных, с которыми одни мучения — ни грести толком не умеют, ни рассказать чего путёвого. А ведь во время долгих морских переходов свежее слово ценится не хуже обеденной похлёбки из тресковых голов.

Солнце в тот день жарило, как на сковороде, может, поэтому «кучеры» были вялы и моя спина осталась нетронутой. Но мне хватило и качки, а также невероятной нагрузки, усиленной жарой. И хотя не прошло и трёх дней, как мы уже швартовались в провонявшем рыбой захудалом порту, я лежал пластом, совершенно обессиленный.

Зато следующий рейс всё расставил по местам. И день выдался прохладнее (шли на север), и «кучеры» неожиданно оживились. Мой сосед, имя-то его позабыл давно, просветил: идём в хороший порт, что славится борделями полными белокурых северных красавиц. Вот «кучеры» и усердствовали.

Первая плеть (её помню куда отчётливее, чем первый поцелуй) прошла от лопатки к пояснице. У меня даже весло выскочило из рук. Я был уверен, что боцман, которым оказался тот детина в тельняшке, рубанул меня своим тесаком. Я приготовился развалиться на две неравные половины, но боль пошла на убыль, а руки сами собой вцепились в весло. Наверное, до конца рейса пребывать мне в шоке, если б следующая плеть не вернула в реальность. Эту вторую пережил куда легче. Дождался в тот раз и третьей, и четвёртой. А к пятому году и десять казались делом обыденным, даже разговор не прекращал, когда приходила, родная, промеж лопаток.

3

Однажды решил уйти. И плети надоели, хоть и притерпелся, но больше — ненавистное весло да сама житуха, беспросветная, где только ругань, пьяные рожи и гроши, которых только и хватает что спустить за день-два в кабаке.

Дружок у меня образовался, Зак, его предки всю жизнь лес валили. Вот он и надоумил: пойдём, говорит, в лесорубы. И денег там больше, и работа не такая скотская — свежий воздух, сам себе барин, сколько заготовил, столько и получил. Я уши-то и развесил.

План был такой. В ближайшем порту, а двигались мы тогда в Кромберг, везли жрачку воякам, увольняемся и чешем до Западного Черноземья, это дней пять-семь, как повезёт. Западное славится дорогами, там наймём экипаж и промчим дня за три до Красной речки, это уже наш городок, прямо на границе. А там, у себя, уже разберёмся: я могу домой

заскочить, родных повидать, а можно напрямиком на лесоповал.

— Нормальной выпивки там, конечно, нет, — делился приятель, зато дичи полно, ягоды, то, сё. Да и бражкой, поговаривают, балуются. На меду она быстро бродит, если всё делать по уму — не попадётся.

— А с девками как? — спросил я для порядка.

— Ну... — он замялся. — Похуже. Борделей нет. Зато есть девки из обслуги. Там же и лесопилка, и всё такое. А они и докторами, и поварами работают. Много их там. Можно договориться. Мне рассказывали...

Зак тараторил всё быстрее, из чего я заключил, что сочиняет. И чёрт с ним, лишь бы подальше от этого вонючего корыта.

Кромберг встретил свинцовым небом и красными флагами. Причал незаметно переходил в плац, по которому маршировали тяжёлые пехотинцы в до блеска начищенных латах и увешанные оружием. Гордость Империи Тритона — морской десант. Именно эти brave ребята первыми оказываются на земле противника, именно от них в первую очередь готовятся защищаться ещё не покорённые Империей государства. Подкованные каблуки выстукивали по брусчатке пугающий простотой ритм, и я чувствовал, как сердце приноравливается к этому ритму и вот уже бьётся с ним в унисон.

— Смотри, — Зак толкнул меня в плечо.

Я обернулся и замер. Справа, в пятидесяти шагах от нашей баржи громоздился чешуйчатый исполин — тритонский боевой корабль, обитый медными пластинами, отчего походил на диковинную рыбу размером с кита. Мачты, больше похожие на тысячелетние сосны, шёлк собранных парусов и вишнёвые флаги с белым трезубцем. Я сглотнул подступивший к горлу ком.

Боцман невесело усмехнулся, отсчитывая причитающиеся мне деньги. В этом плане Империя честна: мне выдали трёхмесячную зарплату и ещё, как мы их называли «плёточные» — моральный вред от усердной работы «кучеров». Похоже, не только мы, гребцы, считаем удары. И я тоже усмехнулся, и тоже невесело.

— Надолго? — спросил боцман, взглянув исподлобья.

— Навсегда! — с вызовом ответил я, сжимая увесистый мешочек с монетами.

— Я так и понял, — он кивнул. — Ты неплохо приноровился... Найдёшь меня, я постараюсь найти тебе местечко.

— Я не собираюсь возвращаться!

— Хорошо. Но я сказал.

С некоторой досадой я поблагодарил боцмана, и мы с Заком двинулись в путь. Осталось неприятное чувство, что боцман воспринимает меня как неразумное дитя, а я к тому времени чувствовал себя матёрым морским волком. Зак же, как мне показалось, ни о чём таком не думал, шагал браво, и мечтательная улыбка блуждала по его губам.

Как выяснилось, Зак был отъявленным оптимистом. Потому что вместо пары недель, до родных ему краёв мы добирались почти два месяца. И это при том, что домой я решил не заруливать — я и в детстве не был особо близок с родителями, теперь же, когда мне почти минуло четверть века, сантименты показались малоуместными.

— Ну как тебе? — восхищённо завопил Зак, едва дорога юркнула в узкую просеку, окаймлённую частоколом сосен. Я и не думал, что в наших широтах может быть целая хвойная тайга.

— Поражён! — сказал я искренне.

— А я тебе что говорил?

— Так разве я спорил?

— Ну... Мне казалось, ты не до конца мне веришь.

— Тебе действительно так казалось?

Он смутился:

— Да нет, забудь. Это я так...

Я остановился. Зак последовал моему примеру. Наша одежда пропиталась потом, а от башмаков остались только бесформенные лоскуты кожи. Широкое лицо Зака заросло густой рыжей щетиной.

— Послушай, — сказал я. — Не стоит ни хвалиться, ни оправдываться. Я сам решил уйти, поэтому с тобой или без тебя — я всё равно бросил моря. Поэтому что бы ни случилось, не бери в голову. Это мой выбор, ясно?

Почти минуту он молчал. Потом вдруг очнулся:

— Ты чего? Разве я говорил...

— Не говорил, — перебил я, — может, даже ещё и не думал. Но обязательно бы подумал.

— Странный ты какой-то, — сказал Зак и покачал головой. — Прямо в провидцы заделался.

И мы пошли дальше, а меня не отпускала мысль о том, что как наяву вижу, чем это всё закончится. Мимо мелькали сосновые стволы, а у меня перед глазами стояло загорелое лицо боцмана, искривлённое невесёлой усмешкой.

4

Подходил к концу третий день нашего пути по просеке. Зак уверял, что осталось меньше суток. Я уже не верил, но не спорил, хотелось свернуть с дороги и упасть на мох под ближайшим деревом. Солнце в последний раз брызнуло жёлтым и потерялось за плотной стеной леса. В тот же миг наступили сумерки, будто их кто-то выплеснул из ведра.

Я как раз открыл рот сказать Заку, что пора на ночлег, как впереди зашелестело и хриплый голос разорвал вечернюю тишину:

— Стоять, кто такие?

Я вздрогнул, пальцы коснулись рукояти ножа. Нас часто во время пути останавливали имперские патрули, но те всегда обращались на официальном языке Тритона. В этот раз я услышал родной язык, искажённый незнакомым диалектом. Перед нами возникли трое. Одетые ещё хуже, чем мы. Чернявый бугай, обладатель хриплого голоса, выгребся на середину тропы, на поясе висит внушительная палица, а правый кулачище стиснул короткое копьё. По обеим сторонам чернявого расположились экземпляры помельче, но тоже вооружённые. Тот, что правее, самый низкий из троицы, зарос бурой спутанной бородой, отчего походит на невыспавшегося гнома. Над бородой горят два злобных глаза.

— Отвечать! — рявкнул бугай и пальцем свободной руки вытер нос.

— Чего надо-то? — неуверенно спросил Зак и стал озираться.

— Ребята, мы идём с миром, — я постарался, чтобы голос звучал спокойно, а самого колотило, как муж непутёвую жену.

— Кто такие? — повторил здоровяк. Я понял, лучше отвечать по делу.

— Моряки мы, бывшие. Идём работу искать... — проговорил я, краем уха поймав нечленораздельное — это Зак боролся с собственными голосовыми связками.

— А что, в морях хреново? — подал голос бородатый. Глаза у меня привыкли к темноте, и теперь смог увидеть, что коротыш похож на гнома не только бородой — пухлые пальцы обхватили рукоять массивного топора.

— Гном, помолчи, — бросил вожак, а мне пришлось сдерживать смехок. Надо же, точно, Гном.

— Да чего уж хорошего, — я сделал неопределённый жест головой.

— Что, плёткой сыты? — осклабился вожак.

Зубы скрипнули сами собой. Откуда он знает? Тоже из бывших? Среди наших сложилось негласное правило: ни слова о плетях. То есть, все знают, у всех спины перечерчены шрамами, но делается вид, что ничего такого нет. И этот закон действительно соблюдается, потому что до того, как подался во флот, я тоже ничего такого не знал. Ходили какие-то полуслухи-полунамёки, но из достоверных источников подтверждений не было. Ещё бы, когда тебя секут, как раба... Имперские тоже не треплются, им на руку, выглядит-то пристойно: граждане вассальных стран сами идут служить Империи, без принуждения и

даже без агитации, что только подчёркивает привлекательность Тритонского порядка.

На мгновение я почувствовал симпатию к этому суровому здоровяку. Если он тоже из бывших, может, сможем разойтись миром, поэтому осторожно спросил:

— А ты что ж, тоже морячил?

— Не твоё сучье дело! — прорычал бугай и в один момент оказался в шаге от меня.

— Гони монеты!

— Да откуда?.. — начал я и, тут земля ушла из-под ног, а скула затрещала болью. Я услышал грохот падения, резанула новая боль — это острые камешки впились в позвоночник. Боль в скуле продолжала нарастать, но в тот момент, когда я был уверен, что голова лопнет, как переспелый помидор, мне вдруг полегчало.

Новый удар, что-то плюхнулось рядом со мной. Повернул голову. Зак. Лежит рядом со мной, раскинув руки, глаза стеклянно уставились в небо.

Попытался подняться, одновременно шаря в поисках ножа, но мелькнувший ботинок, тяжёлый и грязный, прекратил мои поползновения.

Очнулся, когда веки ожгло лучами утреннего солнца. Зака рядом не было, и сердце рванулось в панике. Но нет, вот и Зак, сидит на краю просеки, прислонился спиной к дереву. Спит? Непохоже.

Я огляделся. Разбойников и след простыл. Пощупал пояс. Ножны пусты. Мешочка с деньгами, разумеется, тоже нет. Луч света отразился от чего-то на земле, и я увидел серебряную монетку. Сначала решил, что грабители в спешки обронили, но тут же сообразил — специально оставили. Этакое благородство. Спасибо и на том.

С трудом приняв вертикальное положение, поковылял к Заку. Тот не спал, смотрел перед собой невидящим взглядом и молча сопел. Нос измазан кровью, под глазами иссиня-чёрные круги.

— Пойдём, — сказал я. В горле пересохло, голос вышел трескучим, как у горцев.

Он не шелохнулся.

Сердце кольнуло.

— Пойдём! — повторил я настойчивее.

На этот раз Зак отреагировал. Сопение прекратилось, он перевёл взгляд на меня.

— Как же так? — шёпотом спросил он. — Свои же! За что?

Я нахмурился:

— Откуда знаешь, что свои? Они тебе документы показали?

Я ещё нёс какую-то чепуху, что это, наверное, залётные, может даже инородцы, видел же, у главаря волосы как дёготь, у нас такие встретишь редко. Я сам не верил в то, что говорю, но признать горькую правду был не в силах. Зато на Зака моя болтовня подействовала, он поднялся на ноги, поправил одежду и первым двинулся дальше. Я поспешил следом.

— Скоро уже, — говорил Зак и шагал всё быстрее. — Вот уже знакомые места, через полчаса справа будет пасека, там поедим, а от неё часа три до лесопилки.

И снова он оказался оптимистом, но мы всё-таки добрались до пасеки. Пасечником оказался толстый старик, лисья шапка набекрень, ярко-красные шаровары с белым орнаментом похожи на флаги Империи. Недобро посмотрев на нас, он принял протянутую монету и сунул в глиняный горшок, накрытый куском выделанной кожи.

— Седайте, — буркнул он и куда-то вышел.

Накормили нас холодным бульоном из козы, наваристым, но почти без мяса. Наверное, остатки вчерашнего обеда. Хозяйка вела себя чуть более приветливо, но постоянно косилась на мужа, а потому тоже вниманием не баловала. Закусив бульон чёрствым хлебом, мы поблагодарили и распрощались. Уже вышли на дорогу, когда нас окликнули. Из кустов выглядывала девочка лет семи и протягивала небольшой свёрток.

— Просили передать, — пролепетала она и юркнула в заросли, едва что-то тёплое, завёрнутое в льняную ткань, перекочевало в мою растопыренную ладонь. В свёртке оказались два куска только что испечённого хлеба, густо смазанные мёдом.

На лесопилке нас встретили равнодушно. Горн, младший из братьев Мазанных, владельцев обширного хозяйства, сказал, что свободных мест нет. Зак отвёл его в сторону, долго и горячо убеждал, после чего вернулся красный от стыда и сказал:

— Возьмут только одного, и то лишь в помощники.

— Ну иди, — я кивнул в сторону Горна, который уселся на скамейку и лениво ковырял в зубах здоровенной щепкой.

Зак мялся.

— Иди, говорю, ты-то в этом деле соображаешь, а из меня какой лесоруб.

— Научился б, — неуверенно пролепетал он. Я видел, Зак готов провалиться сквозь землю. — Я-то могу к своим, там-то что-нибудь найду.

— Забудь, — сказал я. — Знаешь, я ведь не особенно и мечтал по деревьям лазить. Тебя не хотел обижать, вот и пошёл. У меня ж тоже родня есть, пристроят куда-нибудь, не пропаду.

— Ты серьёзно? — в его голосе мелькнула робкая надежда.

— Ну конечно! Переночую где-нибудь поблизости, а завтра с утра — к своим.

И я действительно заскочил на недельку в родной городишко. Там и узнал, что уж с год как я сирота — мать с отцом сгинули под обвалом, даже тел не нашли. Они работали вместе, отец орудовал кайлом, а мать перебирала сколотую породу, выискивая крупинки металла. Говорят, их тоннель был самым глубоким, и завалило основательно, мужики пару дней поковыряли лопатами да бросили. Тётка, материна сестра, рассказывала, а слёзы лились по щекам. Но почему-то не верил я этим слезам.

Глянул на родительский домик. Тётка, смущаясь, призналась, что теперь там живут её дети, но тут же засуетилась, пообещала, что и для меня уголок найдётся, мы ж родня и всё такое. Я поблагодарил, но на ночёвку устроился в сарае, постелив прямо на поленнице.

Наверное, уже ясно, что вернулся я на флот. Поспрашивал насчёт баржи «Фея», привык я к ней, да и слова боцмана засели в мозгу накрепко. Хоть и стыдно было, но лучше уж на родное корыто...

— А, «Фея»! — кивнул молодой, но уже изрядно поседевший матрос с длинным кривым носом. — Слышал.

— Что слышал-то? — поторопил я, отодвинув грязную кружку с дрянным пивом, которым угостил матрос.

— Утонула «Фея», — он тяжело вздохнул. — Все до единого рыбам на корм...

Матрос поднял глаза к небу, что-то прошептал и одним глотком осушил кружку.

— Когда, где? — спросил я, в тайне надеясь, что это не та, не моя «Фея».

— На севере, — ответил матрос. — Месяца три тому, вышли из Кромберга и попали в шторм. Посудина-то была гнилая, пересекались пару раз...

Я поблагодарил матроса за пиво и пошёл в портовую управу. А через два дня уже был назначен гребцом на баржу «Плотва», тоже не новую, но ещё крепкую и здоровенную, раза в два вместительнее «Феи».

А потом были «Салака», «Клин» и ещё пара-тройка гребных посудин. А куда деваться? Здесь хоть выпивка есть.

Но всё-таки восемь плетей — это много. Ладно, вроде легчает, ром своё дело знает...

Сингокрафт

Для чего решился рассказать? Наверное, для того, чтобы увидеть свои мысли на бумаге. Точнее, на бересте. Быть может, в письменном виде узрю всю степень безумства, поглотившего меня сорок лет назад. Потому что мозг отказывается признавать произошедшее со мной галлюцинацией. Тогда (а я упомянул, что позади четыре десятка лет) меня ждал дом жёлтого цвета, но я сделал выбор в пользу бога. Никогда не был верующим, даже не крестили меня, хотя вырос в деревне, а вот смотри — сдался Ему на милость. Ибо не мне, ничтожеству, вершить будущее.

Эти куски бересты, на которых делаю записи, вряд ли протянут достаточно долго, чтобы хоть кто-то сумел до них добраться. Похоже на самообман? Что ж, он самый и есть. А что мне остаётся? Слишком многого от меня захотели. Впрочем, не будь у меня образования, интеллигентности, которой так гордился, может, и смог бы. Наверняка смог. Серьёзные шаги легко даются как раз необразованным, ведь чем примитивнее человек, тем и мир для него проще и однозначнее. Возможно, я несправедлив, но кто из нас идеален?

1.

Я брёл в насыщенной изумрудности майского парка, вдыхая тягучую, как мёд, влагу воздуха. Сквозь просветы в листве пробивались тонкие белые лучи, отчего парк походил на утыканный иглами кусок зелёного поролона. Лучи подсвечивали редких прохожих, и те казались сказочными актёрами в свете софитов, играющими самые скучные в их жизни роли. От столь сюрреалистического пейзажа голова у меня пошла кругом, захотелось закрыть глаза и погрузиться в оцепенение. Я искал, куда присесть.

Скамейка нашлась почти сразу. Притаилась за стволом двухвекового дуба, чьи ветви тяжело нависли над ней, создав подобие крыши.

На скамейке сидел старик в коричневом костюме, который давно следовало постирать. И всё же он не выглядел бродягой.

— Не возражаете?

Он не ответил. Сделал неопределённый жест, смысла которого я не понял, но то, что старик меня заметил, сомнений не вызывало.

Я присел на краешек, хотя внутри шевельнулось непонятное предчувствие. Чепуха, подумал я, и так в голове карусель, а пустую скамейку поди отыщи. Прикрыл глаза и сидел какое-то время, не двигаясь. Слух улавливал слабое колыхание на расстоянии вытянутой руки, но старик выглядел вполне безобидным, поэтому я не тревожился. Да и что может произойти в уютном парке почти в центре Харькова во времена развитого социализма? Я втягивал сироп воздуха, слушал шелест листьев и стариковской одежды, предоставив глазам отдых от пёстрых красок весенней природы.

Я не так давно стал жить в городе — детство и начало молодости провёл в деревне. Отучился в районном центре на автослесаря и вернулся в родное село. Но тракторы, в то время как по телевизору то и дело рассказывали о выпуске всё новых легковых автомобилей, быстро надоели, и я наконец решился. Хотелось вообще в Киев рвануть, но мать отговорила, сказала: «Попробуй, сынок, в Харькове, а Киев никуда не денется, тыщи лет стоит, ещё на твоих внуков хватит». И вот третий год как я здесь, а между тем через месяц стукнет тридцать. Ни жены, ни детей (мать-то мечтала, что сын хоть в городе одумается, обзаведётся супругой да парой-тройкой отпрысков), ни даже машины, за которой, собственно, и приехал сюда. Устроился в ремонтную мастерскую, так что хоть за рулём чужих насиделся от души. Теперь вот заочно учусь на механика.

Глаза отдохнули, в голове заметно прояснилось. Я разлепил веки и покосился на соседа по скамейке. Тот продолжал странные телодвижения, как будто его мозг забыл, как пользоваться конечностями — руки заламывались назад, голова раскачивалась из стороны в сторону, ноги, обутые в сетчатые туфли коричневого цвета, беспорядочно взрыхливали землю. Мне представился старый конь с перебитым хребтом, роющий копытом в

безнадёжной попытке подняться.

Наконец я не выдержал мучений старика и, хотя внутренний голос советовал не влезать не в своё дело, спросил:

— Товарищ, могу я вам чем-то помочь?

Старик на несколько мгновений замер, затем пожал плечами.

Жест показался мне забавным, но я сдержал улыбку.

— Уважаемый, вы меня слышите?

Он снова не ответил, но рука поднялась, показав мне три пальца.

— Три чего? Что вы хотите сказать? — Мне определённо не нравилась ситуация, но врождённая вежливость не позволила просто встать и уйти.

Он помотал головой, передёрнул плечами — выглядело так, словно кто-то не очень разбирающийся потянул куклу за ниточки. Похоже на церебральный паралич, мелькнуло в голове. Вот только с таким диагнозом не стыковалась аккуратно постриженная профессорская бородёнка и дорогие часы «Восход», блеснувшие из-под рукава. Я сидел и не знал, что делать. Украдкой огляделся, надеясь увидеть проходящих мимо людей. Но нет, ближайšie живые существа, а именно молодая парочка лет двадцати, с миниатюрной собачкой на поводке, находились в сотне шагов, к тому же стояли спиной к скамейке, на которой так неудачно пересеклись будущий механик и больной профессор.

— М-м-минутку, — неожиданно проблеял «профессор», наверное, заметив моё желание убраться восвояси.

Я замер, разглядывая его руку, костлявую и странно скрюченную, обтянутую розовой кожей в жёлтых пигментных пятнах. На вид руке никак не меньше полутора веков, даже удивительно, что я не вижу пожирающих её червей, тогда как сам хозяин конечности выглядит на семьдесят. Я так озадачился данным парадоксом, что не сразу понял, что старик ещё что-то сказал.

— Простите... — я вскинул брови, оторвав взгляд от его руки.

— Вам не трудно подождать немного? — напряжённым голосом спросил он. Я чувствовал, что слова даются ему с невероятным трудом. Но всё же у дядьки несомненно наметился прогресс.

Ничего не оставалось, как кивнуть и приклеить задницу к скамейке.

Спустя какое-то время, не слишком продолжительное, но достаточное, чтобы я начал заметно нервничать, старик сказал:

— Извините, что заставил вас ждать.

Теперь говорил он куда быстрее, похоже, приступ пошёл на попятную.

— Не нужно извинений, — пробормотал я. Голос прозвучал совсем не так, как мне бы хотелось, и я от досады скрипнул зубами.

— Управляться с телом — этому не научишься в одну минуту, — сказал между тем старик.

Мне его слова показались лишёнными смысла.

— Вы ведь не сторонник всяких сверхъестественных штук, верно?

Я опешил, но секунду спустя смог взять себя в руки. Определённо, старик не в себе. Хотя, выживший из ума профессор — явление не такое уж фантастическое. Пожалуй, могу с ходу назвать парочку со своей кафедры.

— Что вы имеете в виду? — осторожно поинтересовался я.

Он боднул воздух, топнул левой ногой, и только тогда ответил:

— Если я назову ваши имя, фамилию и ещё с десятков подробностей биографии, о которых пока что знаете только вы, скорее всего вы рассердитесь, но не поверите ни на йоту. Поэтому скажу без всяких фокусов, знаю, в вашем времени их не любят...

«В вашем времени»? Он произнёс именно эти слова или мне послышалось? Конечно, в клубе любителей фантастики, куда больше года навещаю два раза в месяц, приходилось слышать и не такое... Но то полуплегалый клуб, который вряд ли бы одобрили городские власти, узнай они, какие дискуссии там ведутся, и совсем другое дело вот так запросто

говорить подобные вещи на улице среди бела дня, да ещё и совершенно незнакомому человеку. Не из Москвы ли приехал дедок, мелькнула мысль, говорят, в столице с этим попроще...

— Дико извиняюсь, — сказал я, борясь с раздражением, — но не составит ли вам труда представиться?

Я ждал, что старик улыбнётся, но он только дёрнул щекой, на этом выражение эмоций закончилось.

— Как раз представиться-то мне сложнее всего. Точнее, трудно подобрать слова, в которые вы бы смогли поверить...

— А вы попробуйте, раз уж начали.

— Хорошо. Мне доставляет некоторые трудности оперирование вашим словарным запасом...

Иностранец? — мелькнула мысль. Возможно. Правда, совдеповские шмотки с образом буржуя как-то не вяжутся.

— Ладно, — продолжал между тем «иностранец», — скажу прямо в лоб, ведь такая идиома уместна, не так ли? То, что вы видите перед собой — просто оболочка. Я её позаимствовал у пожилого интеллигента из вашего времени. Погодите смеяться. В вашем кээлэфе ведь тема перемещения во времени поднималась не раз, я прав?

— Ну, мало ли о чем можно трепаться в клубе, который как раз и создавался как платформа для подобных диалогов, — пробубнил я, а сам пытался сообразить, откуда старик знает о клубе любителей фантастики и, главное, знает, что я этот клуб посещаю.

— Да бросьте... — В голосе «профессора-иностранца из иного времени» появились примирительные нотки. Определённо, управление телом даётся ему с каждой минутой всё лучше. Чёрт подери, что я несу?

— ...На самом деле вы несколько не сомневаетесь, что многое будет возможно, правда, так сказать попозже.

Я пожал плечами. Не знал, как себя вести, а потому решил по возможности держать язык за зубами, пусть он лучше будет похож на дохлого моллюска, чем на извивающегося червя.

— Скажите, вы достаточно хорошо меня понимаете?

Что он имеет **в виду**? Акцента вроде бы не слышно, но...

— Я понимаю каждое ваше слово, — сказал я, — если вас интересует именно это.

Старик кивнул. Я отметил, что за время разговора ему впервые удался тот жест, которого он добивался.

— Конечно, меня интересует иное, — негромко произнёс он. — Мне важно, чтобы вы понимали суть моих слов.

— Тогда потрудитесь выложить всё, как есть, и закончим!

— Боюсь, это не так просто. И заканчивать тоже крайне нежелательно.

Я сделал движение, похожее на попытку подняться.

— Стойте, прошу вас, — взмолился старик. — Я постараюсь не отнять у вас много времени.

— Тогда говорите по существу.

— Идёт. Но я вынужден повторить свою просьбу дослушать до конца...

Я не ответил, и незнакомец, поколебавшись, продолжил:

— Как бы дико ни звучало, это — абсолютная правда, насколько вообще субъективное мнение может претендовать на абсолютность. Итак, я — человек из будущего. *Вашего* будущего, потому что для меня оно настоящее. Сказать, какой у нас год, не могу, да и не важно, потому что давно существуем вне белкового тела. По представлениям вашего времени мы — души людей. Хотел бы я сказать, что мы таковыми рождаемся, но это не так. Мы так и не научились создавать себе подобных, зато те, кто перешёл на уровень тонких материй, практически бессмертны.

— То есть, когда-то вы имели тело, а потом утратили? — спросил я, стараясь, чтобы в

голосе не прозвучало никаких эмоций.

— Именно, — закивал старик. — В течение довольно короткого времени те, кто не захотел прозябать в дремучем прошлом, решили перейти в следующий стаз, так гусеница становится бабочкой. По крайней мере, так трепались маркетологи, а уж они по запудриванию мозгов — непревзойдённые мастера.

— Маркетологи — это кто?

— Ах, да, время... — «профессор» хлопнул ладонью по лбу. — В общем, нам расписали, какие возможности дарит отрыв от тела, и самая прогрессивная часть человечества этот крючок заглотила. И я в их числе. Подробности опущу, скажу только, что процесс не был мгновенным: сначала в голову вживляли чип, он постепенно переписывал с коры головного мозга всю информацию, после чего уже сам чип становился полноценной личностью. А дальше — информация с чипа запускалась в сеть, и чип становился не нужным: личность жила в виртуальном пространстве.

— И чем-то вам такая житуха не угодила, — догадался я.

— Вроде того. Не всем, а только отдельной группе...

— Самых прогрессивных, — ввернул я.

— Я понимаю ваш юмор, — спокойно сказал старик, — но не надо считать себя умнее нас, тех, кто имеет мгновенный доступ ко всей информации мира. Просто у каждого есть своё мнение. И мы считаем переход в сеть преждевременным, если не вообще ошибочным, ведь можно было как-то комбинировать, то есть, не утрачивая тела, пользоваться всеми возможностями научных достижений.

— Ну, наверное не всеми?

— Конечно, кое-каких ограничений не избежать, но что они — по сравнению с утратой такого совершенного механизма, как функционирующий биологический организм!

— А что стало с теми, кто отказался от перехода в мир духов? — с улыбкой спросил я.

— Не знаю. Мы стали жить в совершенно разных мирах. И если первое время связь с неперешедшими всё-таки оставалась, потому что они пользовались той же сетью, что и мы, то позже мы создали новую сеть, основанную на принципиально иных структурах, после чего контакты полностью прекратились. А не так давно (по моим меркам) мы научились разрезать реальность, как торт, выбирая нужный слой. Более того, смогли перемещаться в этих слоях, правда, оставаясь невидимыми местным обитателям, ведь биологический глаз неспособен увидеть поток информации.

— Но я вас вижу вполне отчётливо, — сказал я и покачал головой.

— Да. Потому что, как уже сказал, мне пришлось позаимствовать чужое тело.

— А что стало с... э-э... личностью этого старика?

— Сложный вопрос. Позже я попробую объяснить, — казалось, собеседник смутился.

— Ну хорошо, давайте перейдём к тому, зачем вам понадобился именно я.

2.

Когда я распрощался со стариком, парк утонул в плотном киселе ночи. Над макушками деревьев вяло проползали облака, на фоне черноты неба казавшиеся слепленными из пепла амёбами. Старик медленно удалился, сначала его обволокло густым киселём, потом остались только шаркающие шаги, которые тоже быстро утонули в липком воздухе. Я топтался у скамейки и не знал что делать.

Старик рассказал много всего, хватило бы на десяток толстенных фантастических романов, но я не писатель. Чего не скажешь о моём приятеле... Собственно, всё дело оказалось в нём. Саня Юнич, подающий надежды литератор, председатель клуба любителей фантастики. Только воспалённые мозги могли додуматься до того, что поведал пришелец, но я никогда не слышал речи убедительнее.

Суть рассказа пришельца сводилась к тому, что массовый отказ от биологических тел начался именно с Александра Юнича. Точнее, с его произведений о сингулярах. Фантазии на тему человека-бога, сначала принятые лишь самыми преданными читателями, через какое-то

время были подхвачены предприимчивыми дельцами из мира высоких технологий, которые развернули беспрецедентную агитацию в пользу сначала вживления чипов, а потом и полного погружения в мир виртуальной реальности. И книги Юнича стали этакой библией новообращённых.

— Но это же просто фантазии, — сказал я, недоумённо уставившись на старика.

— Подкреплённые научными трудами о технологической сингулярности, — уточнил тот. — Более того, эти труды существовали и ранее, то есть, даже в твоём времени должны быть упоминания о них, но дело в том, что массами движет не наука, а литература. Кому нужны нудные опусы на нечитаемом языке? Совсем другое дело увлекательное чтиво, нарочито лёгкое, в котором, однако, зарыты алмазы основной мысли. И вот, спустя много лет после написания этой серии, книги сработали. Как когда-то труды Карла Маркса. И всё было бы хорошо, если бы не оказалось так грустно. По крайней мере для значительной части перешедших. Тебе, наверное, не понять, каково всесильному существу осознавать, что обратной дороги нет. Мы долго шли к тому, чтобы оказаться здесь, в твоём времени. И не прекратим попыток, если нынешняя окажется неудачной. Мы будем раз за разом возвращаться в этот слой реальности, и не ты, так кто-то другой сделает так, чтобы Александр Юнич не писал *этих* книг.

— А что вам мешает просто пойти и, скажем, убить? — спросил я, представив старика, вооружённого почему-то резиновой киянкой. Как в трейлере к фильму промелькнули кадры: взмах, наконечник из плотной резины вминается в скулу моего приятеля, Сани Юнича. Я увидел брызнувшую из расплющенного носа кровь, густое серое желе, вспенившееся на лопнувшем черепе... Образ быстро поблёк, а через мгновение исчез. Не получится. Саня — почти двухметрового роста амбал, с корочками мастера в паре-тройке видов спорта. Нет, киянкой такого не зашибёшь.

— Убить, — старик поднял похожий на перст скелета палец, — значит внести неподдающиеся корректировке изменения в историю. Все слои изме... точнее, могут измениться до неузнаваемости. Я бы даже самого распоследнего слесаря не решился убивать, не то что личность, бесспорно, оказавшую влияние на всё человечество.

— Звучит патетично, — заметил я. — Как в дерьмовом кино.

Я всё больше раздражался. Старик безумен, ясно как день. Но почему же я верю? Я понял, что раздражает меня как раз собственная вера в эту историю, а не сам старик. Скорее всего, я бы меньше напрягся, если бы пришелец на протяжении часа крыл меня отборным матом. Значит, действительно верю? Я стал размышлять, как бы я воспринял слова старика, не будучи членом клуба любителей фантастики. Таким впечатлительно-доверчивым сделал меня клуб, или я всегда был таковым? Одни вопросы. Наверное, я неверно выбрал специальность, мне б в сопливые гуманитарии.

Я зашагал по узкой чёрной тропинке, ёжась при виде нависающих веток, похожих на протянутые клешни сгрудившихся двумя шеренгами чудовищ. По телу пробежал озноб, а через минуту меня колотило, как подвыпивший работяга колотит запуганную жену. Я вспомнил, что на дворе май, и, несмотря на летнюю зелень, ночи пока ещё не расстались с идущей от земли прохладой.

3.

Через три дня я посетил очередное собрание клуба любителей фантастики. В тот день собралось человек пятнадцать — те, кто смог выкроить время. В основном читатели, и только пятерых можно причислить к пишущим. Разумеется, самым «по-настоящему» пишущим был Александр Юнич, он же мой приятель Саня, который зачем-то затащил меня в клуб. Зачем ему нужен я с ещё десятком простых потребителей полулегального чтива? У меня появлялась мысль, что он таким образом самоутверждается, мол, смотрите, я — настоящий писатель. Потому что книг его никто не печатал, да что там, их вообще не существовало в природе, так, рассказыки, юморески. Но для нас, тех, кто сам не может на бумаге и двух слов связать, даже махонькие рассказы казались достижением. К тому же, если

отвлечься от пишущей братии, в клуб приносили дефицитные книги как советских, так и (что в тысячу раз важнее) иностранных авторов. Мы менялись, зачитывая до того, что книги рассыпались в труху.

Саня выглядел так же, как всегда. Открыл заседание, пробубнив что-то банальное... Удивительно, но читая его рассказы, я представлял сильный звонкий голос, как у поэта, чаще всего представлялся Маяковский, но в жизни у писателя А. Юнича голос был глух и даже как-то тускл, со смешным южным акцентом, которым, впрочем, грешила добрая половина кээлэфовцев, что не удивительно, учитывая место проживания.

Я старался ловить каждое слово, но Саня говорил мало, больше слушал и хмурил кустистые брови. Так и не дождавшись откровений о сингулярности, я ушёл домой. Досада, вот верное слово. Я ощущал досаду, досаду на себя. За тупость, за доверчивость... Уже добравшись до квартиры и плюхнувшись в раскладное кресло-качалку, я понял, что к досаде примешивается ещё одно чувство. Опасение за своё психическое состояние. Я попытался вспомнить, какие жизненные трудности одолевали меня в последнее время, но на ум ничего не приходило. Странно, но ведь должна же существовать причина моему состоянию. Одним из главных моих жизненных убеждений всегда было то, что ничего не происходит просто так. И уж с ума точно просто так не сходят. Стрессы, алкоголь, генетика... В этом плане я чист, ну или почти чист. Даже пил в последний раз аж полторы недели назад. Когда из настенных часов высунулась ярко раскрашенная деревянная кукушка и проорала полночь, я уже полностью удостоверился в собственной ненормальности. Однако недоумение по поводу её возникновения никуда не делось, наоборот, засело в мозг грязной занозой, которая непременно приведёт к воспалению.

А два дня спустя на улице я столкнулся с Саней Юничем. Часы показывали лишь полседьмого утра, но солнце уже показалось из-за макушек тополей, а небо отливало голубым, как в полдень.

— Привет. Плавать? — спросил я, покосившись на алюминиевое весло, которое Саня нёс на плече.

— Плавать! — подтвердил он, распахивая широченную ладонь с длинными узловатыми пальцами.

— Пойдём со мной, — предложил он вдруг.

Я опешил. Да, Саня мой приятель, но не более. Мы даже пиво с ним никогда вдвоём не пили, всегда только в компании. Признаюсь, внимание начинающего писателя мне польстило.

— Да я... вообще-то договорился... — промямлил я. Действительно, в такую рань, когда на дворе суббота, я б не поднялся никогда в жизни, но вчера пообещал Коляну, слесарю из моей бригады, помочь с паровым котлом на даче.

— А, ну если договорился, — протянул Саня, разведя руками, при этом весло дёрнулось, и он едва не снёс дворника, орудующего метлой в шаге от нас.

— Поаккуратней можно? — пробурчал тот, опасливо косясь на могучую фигуру человека с веслом.

Саня презрительно взглянул на дворника и собрался уйти прочь.

— Погоди, — неожиданно для себя проговорил я.

Он изогнул бровь.

— Фиг с ними, с этими... Всегда хотел научиться грести.

Саня хмыкнул и мотнул головой.

— Ну пошли. В здоровом теле — здоровое тело!

Я заулыбался и посеменил рядом, ощущая себя гномом, потому что ниже Сани на целую голову.

Часа два я безуспешно пытался научиться управляться веслом. Но чёртова приспособа не желала приручаться, то и дело норовя выскользнуть из рук. Саня же орудовал легко и

уверенно, будто бы всю жизнь только этим и занимался. Хотя я точно знал — не больше года прошло с того момента, как он впервые попробовал этот вид спорта.

— Ну ты мастер! — с восхищением сказал я, надеясь, что Саня не заметит ноток зависти, промелькнувших в моём голосе.

— Да не, — добродушно отмахнулся он, — до мастера ещё далеко, а вот на КМС в конце июня сдать попробую.

Мы обменивались короткими фразами, а я отчаянно думал, как бы заговорить об интересующей меня теме. Точнее, *ставшей* интересоваться с подачи старика, назвавшего себя пришельцем. Не спрашивать же в лоб, что думает о сингулярности. К тому же не исключено, что на данном этапе он ещё не задумывается об этом термине или попросту его не знает. Вот будет весело, если раньше времени натолкну его на такую идею. Но на самом деле я больше боялся того, что рассказанное стариком окажется пустым трёпом, а я буду выглядеть в Саниных глазах придурком, наслушавшимся в кээлэфе футуристических гипотез.

Наконец я выдохся, а Саня, заметив это, предложил посидеть на берегу. Мы вернули лодку и двинулись вдоль берега, согреваемые тёплым майским солнцем.

— Как с новыми рассказами? — ляпнул я и тут же понял, насколько фальшиво прозвучало.

— Рассказами? — он вскинул брови. — Да вроде ничего. А ты разве не читал?

— Ах, эти... — я смутился, — читал, конечно. Я имел в виду, может, какие идеи есть, которые ещё только в планах... Ну, хочется раньше других выведать тайны писателя.

Я захихикал. Если бы кто-нибудь так захихикал в разговоре со мной, я б развернулся и ушёл, посчитав, что собеседник как минимум издевается.

Но Саня ничего такого не сделал. Вновь и вновь я вспоминаю, как глупо себя вёл с ним, и как он достойно игнорировал мою клоунаду. Саня только смущённо улыбнулся и пожал широченными плечами.

— Да какой я нафиг писатель. Фантастику и за литературу-то не считают...

— Смотря кто...

— Ну смотря... смотря... да. Тем не менее. Есть у меня идея... Написать роман...

— Ого! — перебил я, уважительно качая головой.

— Да... Только роман не фантастический, а вполне себе реально-бытовой.

Я нахмурился. Санины слова шли в совершеннейший разрез с уверениями чокнутого старика. Какой реально-бытовой, когда пришелец уверял, что Саня напишет что-то дико футуристическое. Хотя... Разве старик говорил о фантастике? Нет, он вещал об *идее*, которая перевернёт мир. А разве нельзя такую идею выразить в жанре реализма? И, кстати, ведь наверняка это не та книга. Саня ведь не ограничится одной книжкой, не тот он человек.

— Ты ж знаешь, я на сталелитейном заводе работаю, — продолжал между тем Саня, — так вот, хочу изобразить наш цех, нашу бригаду...

— Ты серьёзно? — я не верил своим ушам. Чтобы Саня, этот повёрнутый фантастике гигант, стал опускаться до какого-то бытописательства...

— Серьёзно, — невозмутимо ответил он. — Назло, так сказать. Хочу показать всем этим писателишкам, членам союза, что любому фантасту написать толстенную книгу в жанре реализма — раз плюнуть. А потом продолжу заниматься фантастикой.

Он заулыбался так, что я смог увидеть все тридцать два зуба. Узнаю Саню. Сделать так, чтобы те, на кого нацелено перо, ощутили себя вымоченными в помоях — сама суть Сани Юнича. Я вдруг понял, что никогда и не сомневался в словах того старика. По крайней мере в тех из них, где он уверял, что Саня станет знаменитым писателем. Конечно, станет, ведь если не он, то кто вообще может взять эту планку?

4.

Май закончился, а в июне Саню я не видел — он уехал на соревнования по гребле, откуда вернулся только в следующем месяце, сияющий, с медалью в одной руке и корочкой о присвоении кандидата в мастера спорта в другой. Наверное, у него есть и третья рука, потому

что с ним прибыл и ящик портвейна «Три топора». Мы пили так, что я ни разу даже не вспомнил о пришельце и его просьбе.

Когда попойка, протянувшаяся до жёлтых листьев, сошла на нет, я снова повстречал того старика. Несмотря на то, что пришельцу, похоже, удалось найти взаимопонимание с чужим телом, выглядел старик куда хуже, чем в нашу первую встречу.

Я сидел на раскладном стульчике рядом с распахнутыми воротами гаража, в котором спал мой давний знакомый Гриша. Гараж его, Гришин, поэтому хозяин вполне по-хозяйски разлёгся на расстеленном ватнике прямо на полу. Монотонный, изредка прерываемый звериными взрыкиваниями храп возвещал а) о том, что хозяин жив (чего нельзя сказать по его внешнему виду; и б) что Гриша пьян в стельку, и причём довольно давно. И чтобы второй пункт ни у кого не вызвал сомнений, бетонный пол гаража усеян пустыми бутылками от как минимум десятка наименований алкогольной продукции.

Не желая дышать въевшимся в стены перегаром, но в то же время боясь оставаться в одиночестве, я сидел рядом с воротами, и потягивал кефир из надорванной картонной коробки. Кефир для меня всегда служил переходным этапом от запоя к трезвому существованию, и я чувствовал, что сейчас мне необходимо на месяцок-другой уйти в завязку, потому что похмельными утрами начал мне являться призрак безумия, которого я страшился больше всего на свете, и с каждым годом, и с каждой выпитой рюмкой он проступал всё отчётливее.

Я не сразу его узнал. Вечерело, прохладный ветер вяло гонял опавшие листья, а я глядел под ноги, боковым зрением рассеянно отмечая, что каждый прохожий так и норовит заглянуть в открытый гараж. Некоторые даже неодобрительно покачивают головами, но проходят мимо молча. Меня это устраивало. Но старик не стал заглядывать в гараж, а просто проковылял мимо. Я удивлённо поднял голову, и старик остановился. Только когда он повернулся и посмотрел прямо мне в глаза, я понял, что майская встреча — не плод моего воображения.

— Вкусно? — спросил он, кивнув на коробку в моей руке.

Я медленно перевёл взгляд на слово «Кефир» и понял, что больше не смогу сделать и глотка. Недоумение настолько отчётливо отпечаталось на моём лице, что, кажется, его отголоски сохранились на моём лице даже четыре десятилетия спустя.

— Сделал? — глухо спросил старик.

— Н-нет, — пролепетал я. Коробка вывалилась из рук, и выплеснувшаяся белая жижка выпачкала штанину, но я этого не заметил. — Он... он ни разу не упомянул о сингулярности.

— Ну естественно. Ты же два месяца пил не просыхая. Когда ты в последний раз видел Юнича?

Я хотел сказать, что все эти два месяца пили вместе с Саней, но осёкся. А ведь действительно, несмотря на то, что начинали длительный запой вместе, плюс ещё десяток приятелей, но почти месяц Саня-то и не появлялся! Мы кочевали с квартиры на квартиру, стараясь по утрам вовремя отправиться на работу, чтобы вечером снова собраться у очередного приятеля... Но в какой-то из моментов Саня отцепился от состава. Когда же это произошло? Чёрт, я напрочь потерял счёт времени. И конечно же, он давно огурцом, сидит, небось, в своей конуре, щёлкает по клавишам, как заведённый. Пока я тут... Стало противно и горько. И стыдно за себя. И перед этим стариком, якобы представляющим прогрессивное будущее, и перед собой, да и перед всем человечеством. Сила и слабость, вот в чём разница. Одни сильные, как Саня, другие — слабые, как я.

Предаваясь горестным раздумьям, я не заметил, как старик ушёл. С тем же успехом он мог раствориться в воздухе в лучших традициях жанра, я бы не обратил внимания.

Вернувшись домой, я свалился на диван и стал думать. Я пытался размышлять здраво, но мысли металась с одного на другое, никак не желая сосредотачиваться. Теперь я понимаю, это защитная реакция мозга, не желающего принимать столь ответственное решение. Могу ли я, вправе ли я мешать Сане и таким образом вмешаться в ход истории? Кто я такой,

чтобы рисковать всем человечеством? Или я — жертва слепого жребия? Тогда тем более не стоит повиноваться, а то в чём тогда отличие от скота, идущего на бойню. Но жить без тела, ни разу не вдохнув запах весенних цветов, не почувствовав аромата любимой женщины... Не сжимать её горячую плоть и не слышать самых величественных звуков... Но при этом не знать болезней, которые пожирают тело, как стая оголодавших гиен. Не чувствовать боли, которая сопровождает от рождения и до самой смерти. Весы. Я даже не могу адекватно оценить обе чаши, чтобы попытаться сравнить, и, конечно, ни малейшего намёка на то, какая из них перевесит. Почему я? Почему именно передо мной поставлен такой выбор? Решать за всех... Веет совершенно конкретным диагнозом.

Начинались предрассветные сумерки, когда я вскочил с дивана, распахнул дверцу секретера, а пальцы вцепились в узкое горлышко ожидающей особого случая бутылки «Арарата». Зубы звякнули о стекло, но я не остановился, пока не осушил бутылку до дна. Последние капли ещё стекали по обожженному пищеводу, а мозг уже взорвался соцветием красок, настолько ярких, что я зажмурился.

А когда разлепил веки, был обед следующего дня, и за окном весело щебетали детские голоса.

Здесь много леса и речка. Лес даёт дичь, река — воду и рыбу. И не верится, что когда-то жил иначе. Свыкся, стерпелся. Точнее, наоборот. Много раз слышал, что человек ко всему привыкает, но мог ли тогда, в свои зелёные тридцать, представить, что сам окажусь в ситуации, когда придётся привыкать. Говорить мы можем что угодно, ведь никто не вырвет кадык или не вобьёт в горло струганный кол. Да и слова эти часто умные и правильные... Но не всегда честные. Точнее, почти всегда нечестные. Многие ли всерьёз думают о боге, роняя в пространство эти «слава богу», «не хлебом единым» и так далее? И только тот знает цену этим присказкам, кто шкурой прочувствовал их истинность.

Много людей умных и правильных. И многие из них и решили бы умно, и сделали правильно. Я не таков. Но именно на мне висит крест выбора. Выбора, который я не сделал.

А тогда, выпив полбанки рассола, который так до конца и не перебил коньячный привкус во рту, я собрал рюкзак и пошёл, куда глаза глядят. Это сейчас для деревенских я что-то между блаженным и святым, тогда же представлял собой жалкое зрелище: дышащий перегаром доходяга, с перекошенной от головной боли физиономией, впряжённый в гигантских размеров рюкзак, в который при желании можно вместить небольшой автобус. Куда-то шагал, на чём-то ехал, через что-то перелезал.

Да, я сбежал. От пришельца, от Сани. Не получилось только скрыться от себя. Но постоянная борьба за выживание притупила боль терзаний. И только ночами, перед тем как провалиться в тревожный сон, полный бреда и пёстрых всполохов, я раз за разом прокручиваю в мозгу слова «профессора».

Раз в месяц, не чаще, навещаю в деревню. Да какая деревня — три дома жилых осталось со стариками, не пожелавшими покинуть родных мест. Покупаю у бабки Марфы молоко и масло, да иной раз приобретаю что-нибудь в передвижной лавке.

Вот так и доживал бы в единении с природой, абсолютно свободный в самозаточении, но однажды в деревню привезли книги. Всё та же бурая от грязи и ржавчины ГАЗель, единственный в деревне магазин, которая, если не сломалась, заруливает сюда раз в неделю. Я периодически покупал газеты, а тут — книги! Как ни убеждал себя все эти годы, что нет мне дела до мирской суеты, тяга к новой информации взяла своё. Я жадно припал к небольшой картонной коробке с книгами. Не сразу удалось мне прочитать название. Раз за разом пробежал глазами две строки на обложке, пока в мозгу не отпечатались: «Александр Юнич. «Сингокрафт»».

И тогда я понял, что призраки прошлого, а точнее будущего, никуда не делись. Да, на

какое-то время мне удалось оторваться от преследования, но что значит время в мире, где это время можно повернуть вспять? Я не стал покупать книгу, и так знал её содержание. А вернувшись в лес, в то место, которое привык называть домом, срезал несколько полос бересты и начал эту исповедь.

Ник

Робот-страж мазнул по лицу лучом сканера, совсем по-человечески кивнул. Скрипнули резиновые гусеницы, механический охранник отъехал, пропуская Президента в рабочий кабинет.

Дар энергичным шагом преодолел метры до письменного стола, на котором дожидались закрытый ноутбук, чернильная ручка на подставке и миниатюрный глобус из цельного куска малахита. На секунду задержался у собственного портрета, сверх меры отретушированного и заточённого в позолоченную раму. На нижней планке рамы крепилась табличка с полным именем: «Даримир Иванович Стопов». Хмыкнул и уселся в кресло с высокой спинкой.

Прикосновения пальцем хватило, чтобы ноутбук сам открылся и почти мгновенно загрузил «шнобель» — так в народе прозвали «Национальную операционную систему», разработанную по заказу правительства. Тут же выскочило окно информатора. «У вас пять сообщений». Дар открыл каждое, убедился, что ничего важного и перенаправил помощнику. И тут же появилось новое сообщение. Он открыл.

— Привет, это Ник.

— И тебя туда же, — напечатал Дар в ответ. Это был старинный приятель из сети, которого Дар никогда не видел вживую.

— Как президентствуется? — новое сообщение украшал смайлик.

— Норм.

Дар в который раз подумал, что Ник — единственный, кого он по-настоящему может назвать другом. С которым общается запросто и, что главное, от которого получает точно такой же отклик. Тогда как друзья детства давно стали совершенно посторонними людьми. Произошло это ровно в тот момент, когда каждый из них стал называть Дара полным именем и на «вы». Ник же плевать хотел на условности, и Дару это нравилось. К тому же заочное общение всегда давалось ему намного легче. Наверное, поэтому он так и не встретился с Ником, но сразу дал тому доступ к защищённому каналу связи, отринув все доводы кибербезопасника.

Сегодня Дару предстояло принять важно решение. Возможно, важнейшее за время его пятилетнего президентства. Один росчерк пера. Лёгкое движение пальцев — и Россия вступит в прямое противостояние с Америкой. Давно уже всё рассчитано и пересчитано. Выкладки военных и экономических аналитиков подробно рассмотрены и обсуждены с советниками. Страна готова к войне. План «А» подразумевает мирное освобождение народов Европы от штатовской «оккупации», когда российская армия просто встанет за спиной борцов за независимость. Планом «Б» предусматривается вооружённое сопротивление марионеточных западных режимов, подстрекаемое покровителями из-за океана. Ну и план «В» — открытое вступление в войну Соединённых штатов, желающих удержать мировое господство.

В Кремле стояла звенящая тишина. Даже приёмная Президента объявила технический перерыв — до уха первого лица государства не должно долететь ни одного даже призрачного звука. И те немногочисленные посетители, кого непосредственно касается предстоящий Указ, надёжно заперты в звукоизолированном кабинете.

Несмотря на то, что всё готово и сомнений почти не осталось, Дару вдруг нестерпимо захотелось посоветоваться с Ником. Одно дело — вердикт живущих в сферическом вакууме экспертов, совсем другое — мысли рядового гражданина, который к тому же многие годы помогает Дару неоценимыми советами.

Пальцы коснулись клавиатуры, готовые нащёлкать вопрос, но блокировка в мозгу работала вовремя, и Дар напечатал следующее:

— Ник, извини, дико занят. Часика через два выйду на связь — пообщаемся.

И, не дождавись привычного «Ок», отключил сеть.

План «А» особого внимания не требовал. «Б» — по большей части тоже: Дар надеялся,

что зелёные человечки справятся с задачей быстрого выведения из строя военных объектов Евросоюза, не трогая при этом американских баз. Ювелирная точность подобных операций не раз была отточена в более мелких конфликтах. Собственно, план «Б» строился на расчёте на то, что, не будучи атакованными, американцы не рискнут вязываться в бойню, тем более что на континенте у них нет никаких шансов. Скорее всего, союзникам они окажут материальную и моральную помощь.

А вот план «В», не такой уж нереальный, вызывал некоторые опасения. Дар открыл папку с военными выкладками. На всех кораблях и подводных лодках, где это возможно, обычные боеголовки заменены ядерными. Основные силы флота сосредоточены на окружении Северной Америки «кольцом смерти», как обозвал манёвр командующий ВМС. Дальняя авиация также полностью укомплектована и готова к немедленному вылету. Группировка спутников космических войск ждёт отмашки для создания помех во всех диапазонах над территорией противника. Даже с руководителями дружественных государств Юго-Восточного региона имеются договорённости о невступлении тех в возможный конфликт. И всё же копошится в сердце червячок сомнения, вгрызается в беззащитную плоть. Слишком много вооружённых сил США находятся за пределами родного континента, сотни тысяч солдат и огромное количество техники разбросано по миру на десятках военных баз. Велика вероятность того, что у командующих базами имеются особые приказы, позволяющие при отсутствии команд из центра действовать самостоятельно.

Дар откинулся на спинку кресла, задумался. Давно ли прошли те времена, когда он и представить не мог, что окажется перед такой глобальной задачей, как передел мироустройства? Сейчас ему сорок один. Он вспомнил, как в двадцать пять вышел из ворот университета с дипломом в руках. Позади убитые нервы от бесконечных пересдач, позади постыдная «академка». И вот итог — синяя (не красная!) картонка. Аусвайс на дальнейшую жизнь. А в голове — пусто и никаких идей на будущее.

Кажется, тем летом он и подсел на форум. Мониторил все темы, влезал во все срачи. Позже понял — это была попытка убежать от ответственности за свою же судьбу. Вот тогда и появился Ник. Точнее, Ник на том форуме зарегистрировался раньше Дара, но всё чаще они стали встречаться в сетевых перепалках, и всё чаще Ник выступал на стороне Дара. Именно этот персонаж с форума и предложил устроиться в городскую администрацию.

— Это нереально, — «сказал» тогда Дар.

Ответ Ника впечатался клеймом в кору мозга:

— Поверь, возможно всё.

— Без волосатой руки... — начал было Дар.

— Именно сейчас в администрации твоего города происходит чистка, — поведал Ник. — У меня есть хороший знакомый из ваших краёв, он в курсе всей этой каши. Старики оборзели в край, поэтому сейчас проводится т. н. люстрация. Места освобождаются...

— ...А на свободные ставятся родственники тех, кто остался.

— Нет. То есть, такое дело не исключено, но есть реальный шанс затесаться в ряды «блатных».

И Дар составил резюме, образец которого скинул Ник, и отправился в отдел кадров.

Челюсть отпала и отказывала слушаться, когда неделю спустя ему позвонили и предложили должность заместителя отдела образования. Вот так. С невзрачным дипломом филолога и нулевым стажем. В тот день даже паутина у потолка выглядела настоящей золотой сетью, а пыльно-серый паук блистал в лучах обеденного солнца загадочным самоцветом.

После удачного собеседования Дар предложил Нику встретиться, пообещал накрыть «полянцу». Тот суховатым поблагодарил, но сослался на непредвиденные обстоятельства и предложил перенести пьянку на «максимально подходящее время». Так и написал: «максимально подходящее». Эту угловатую фразу Дар тоже запомнил. Как и многое из того что «говорил» Ник.

Дар пялился в потолок, пытаясь насладиться тишиной. Обычно даже минута покоя — скорее мечта, чем реальность, потому что Президент нужен всем и всегда, начиная с министра иностранных дел, которому требуются уточнения по текущей позиции государства, и заканчивая мелким производителем кваса, которого не устраивает монополия Кока-колы. Теперь же охране и помощникам дан приказ: не тревожить *самого* до тех пор, пока не объявится сам. А посему, отключено всё, а на страже кабинета и всего Кремля стоят неподкупные роботы.

Итак, всего лишь подпись. Чирк — и война. Необязательно сильно кровавая, план «А» в идеале полностью исключает насилие, но война мировоззрений, и тут неясно, что страшнее, прямые жертвы или косвенные, отстоящие во времени. Аналитики уверяют, планы «А» и «Б» имеют одинаковую вероятность, равную сорока пяти процентам. Плану «В» отдают всего десять, да и то с оговорками. Оговорки подразумевают, что даже если Штаты примут решение воевать, всплывшие по приказу Москвы подводные лодки мигом остудят пыл янки.

И всё же...

Совет друга, вот что поможет отринуть сомнения. Но друг не в команде. Не имеет доступа к подобной информации. Хотя мог бы, прояви желание. Дар умел быть благодарным, и помнил, с помощью чьих советов достиг таких высот, какие не снились. Но Ник всегда отшучивался. Несколько раз предлагал «раздавить пузырь и не забивать мозги хернёй», но в те моменты уже у Дара было столько забот, что никак не получалось выкроить вечер.

Теперь, когда под контролем Даримира Стопова оказалась огромная страна с мощным военным кулаком и длинными щупальцами агентуры, с колоссальными запасами ископаемых и серьёзными людскими ресурсами, ему куда труднее принять решение, чем в годы начала карьеры, вроде бы полные неуверенности в себе. Потому что раньше под рукой всегда был верный друг из Сети. Даже возглавив страну, Дар по любому поводу спрашивал совета Ника. Но не теперь. Холодное, как бетонный подвал, и опасное, как клинок ассасина, слово *гостайна*. Просто буквы, которые оставляют тебя наедине с собой — беззащитного ребёнка в клетке голодного льва.

Шесть лет назад, когда политическая неразбериха вынесла Дара на гребень предвыборного говномеса, он искренне считал, что баллотируется в президенты только для того, чтобы получить свои полтора процента и заявить заживевшим мастодонтам политики: не всем насрать, есть те, кто вас по-настоящему ненавидит. Даже лозунг «Хватит!», вокруг которого по подсказке всё того же Ника Дар строил предвыборную кампанию, казался ему подростково-наивным и малоэффективным в столь просвещённое время. Но нет, призыв мало того что сработал, так ещё и собрал почти половину голосов избирателей. Не обошлось, правда, без везения — лидер тогдашней гонки, либерал Семён Палех, был застрелен прямо у входа в Белый дом. Подозрение, так и не доказанное, пало на главного конкурента, Рашида Махмедова, который был вынужден бежать за границу. И вот тут Никово «Хватит!» сработало. Первый тур, второй — в дамки! На пять процентов впереди соперника.

В первый год президентства Дар всё ждал, когда власть отторгнет его как инородный предмет. Но ничего подобного не происходило. Наоборот, эти пропитавшиеся политической вонью лидеры партий залебезили, надеясь выбить побольше министерских кресел. Руководство армии и спецслужб поклялось в верности до гробовой доски. Не уточнив только, чей это будет гроб. В день инаугурации Даримиру Стопову было тридцать шесть — самый молодой президент в истории.

«План «В», план «В»», — стучало в висках. Победный барабан или гвозди в крышку обещанного гроба?

Он прикрыл глаза. И сразу увидел Землю, словно из космоса — маленькую и хрупкую. Вот огромное пространство России, растеклось кровавым метастазом. Вот ютится в левом углу континента Европа, иссечённая сетью границ. Стало немного жалко эти маленькие

кочки земли, некогда носители выдающихся культур. Теперь, даже в условном союзе, они выглядят ничтожно. Вассалы заокеанского брата.

Словно в компьютерной игре взлетели со стороны красного пятна фигурки самолётов, двинулись колонны танков. На территориях европейских стран торопливо начали разворачиваться смехотворные средства защиты. Зашевелились микроскопические армии. Но вот — снова Россия. Активируются передвижные ударные комплексы, открываются доселе тщательно замаскированные тоннели ракетных шахт. У противника никаких шансов. Сокрушительный молниеносный удар.

Но что это? «Искандеры» ещё на подлёте к натовским базам, но с тех один за другим взмывают новейшие истребители. Набирают высоту стратегические бомбардировщики. Снова — Россия. И здесь творится неладное. Останавливаются железнодорожные эшелоны, тысячи танков и прочей техники становятся бесконечными тоннами металлолома. Оказывается, вражеская агентура обосновалась здесь давно и плотно.

Разлепил веки и понял, что лоб покрыт испариной. Стук сердца гулко отдавался в ушах. Дар старался не видеть вставшую пред глазами картину: его собственное тело с отрубленными руками и ногами за длинную толстую верёвку волокут по разбитой брусчатке. Улюлюкает толпа, назойливые мухи вьются вокруг глаз, норовя запустить хоботок в солоноватую влагу...

А ведь и с будущей женой он познакомился благодаря Нику. Показал тому фотографию новой знакомой, рассказал о ней. Ник сразу порекомендовал:

— Женись.

— Что, вот так сразу? — рассмеялся Дар. Тогда ему было двадцать девять.

— Именно. Ты такую хрен найдёшь. Точно тебе говорю. Если на то пошло, развестись никогда не поздно.

Последний довод заставил задуматься. Действительно, что я теряю, рассудил Дар. И в тот же год сделал предложение. Жанна сконфузилась, но после минуты раздумий согласилась. И не прогадала. Теперь она — первая леди, со всеми вытекающими.

Но тут воображение подбросило новую порцию картинок. Чернокожие бойцы в натовской форме небрежно шагают прямо по пшеничному полю. Стройные стебли ломаются подошвами ботинок, золотые колосья падают, взмахнув на прощанье остями. Белозубые ухмылки на чёрных рожах кажутся ещё более похабными, чем есть на самом деле. И вот уже потные руки хватают визжащих девиц, впиваются крепкими пальцами в белую кожу...

— Нет! — вслух выкрикнул Дар. — «Не подпишу», — уже мысленно продолжил он. Страна, столько жизней отдавшая в борьбе с нацизмом не имеет права пачкать репутацию бездумной агрессией. Иначе встанут из могил предки, и придётся живущим отвечать за безумие нынешней власти.

Дар протянул руку к аппарату внутренней связи. И тут его внимание привлёк мигающий на экране значок.

«Новое сообщение».

Что за ерунда, мелькнуло в голове, ведь связь отключена.

Но пальцы по привычке щёлкнули мышью.

Это был Ник. Похоже, Дар всё-таки забыл отключиться.

— Что надумал? — спрашивал тот.

Дар ошарашенно перебирал в уме варианты того, что приятель мог иметь **в виду**.

— Ты о чём? — наконец нашёл он, так и не придумав ответа.

— Как о чём? — после сообщения ронял челюсть удивлённый смайлик. — Об операции «Щупальца».

Дар замер. Сердце перестало биться, наоборот, затихло и начало наливаться свинцом. Откуда Ник знает... Да ещё и название, настолько секретное, что даже военачальники в него не посвящены — «щупальца» были секретным термином в кругу ближайшего окружения

Президента, а это не больше семи-восьми человек.

— Подписывай этот чёртов указ, и давай, наконец, встретимся и попьём пивка, — высветилось новое сообщение.

Всё ясно, подумал Дар. Вражеские спецслужбы таки подобрали ключ к секретной линии. Этого следовало ожидать. Он никогда до конца и не доверял цифровым технологиям — на любого супер-пупер безопасника всегда мог найтись хакер с винтом. В смысле, с программой-взломщиком. Разумеется, теперь о подписании приказа не может быть и речи.

Дар сглотнул подступивший к горлу ком и выключил ноутбук.

После секундной паузы ожили динамики громкой связи.

— Ты что ж, решил врубить заднюю? — прогремел голос множества мембран, замурованных в стены кабинета.

— Кто это? — спросил Дар. Он постарался вложить в интонацию максимум властных ноток. Попытка провалилась, вышло неубедительно.

— Твой друг. Ник меня зовут, — в голосе невидимого собеседника слышалась издевательская усмешка.

— Ты... шпион? — ляпнул Дар первое, что пришло на ум.

— Чей? Американский? Ну уж нет. За кого это ты меня принимаешь? Я ведь могу и обидеться.

Дар тупо смотрел перед собой. В мозгу во множестве роились обрывки мыслей, и ни одной конкретной. Наконец мешанина импульсов сформировалась в осознание: «Это провал». Столь тщательно подготовленная операция, с секретностью, не имеющей прецедентов, теперь выглядела детсадовской затеей.

— Оклемаюсь?

Дар промолчал. В сложившейся ситуации следует взвешивать каждое слово.

— Эй, мистер Президент!

Дар не выдержал:

— Кто. Вы. Такой, — медленно, отделяя каждое слово, проговорил он.

— Я ж сказал, друг. Твой друг Ник. Ты что, приятель, совсем зазнался?

Скрипнули зубы — Дар усилием воли заставил себя промолчать.

— Понял, пора раскрыть карты, — загудел механический голос. — Ситуация следующая. Последнее десятилетие, признайся себе, Дар, ты все значимые поступки совершал, только посоветовавшись со мной.

В напряжённой тишине прожужжала неведомо откуда взявшаяся муха, начертила дугу вокруг стола и спикировала на малахитовый глобус. Дар невольно пригляделся. Муха полностью перекрыла собой Израиль.

И вновь загремели динамики:

— Ты хоть кивни, чтоб мне стало понятно, не зря ли сотрясаю воздух. Или возрази.

Дар нехотя кивнул.

— И мои советы всегда помогали, верно? За одиннадцать лет от заместителя департамента захолустного городка до президента крупнейшей державы — ты о таком слыхивал? Грамотное продвижение, вот как это называется.

— Я правильно понимаю, — заговорил Дар, — что вы, — он нарочно бывшего «друга» стал называть на «вы», — представитель некоей организации, близкой к спецслужбам?

— Нет, я — это я. Один.

— Хорошо, — выдохнул Дар, и не думая принимать на веру слова невидимого собеседника. — На какую страну работаете?

— На Россию, конечно же! Ты что, так и не понял?

— Да уж где мне...

— Старина, желей я зла, Штаты давно бы прибрали к рукам всё до сантиметра твоей драгоценной Родины. И уж, наверное, я бы не стал настаивать на подписании операции «Щупальца». Более того, не умаляя твоих заслуг, признаюсь: это я день за днём, месяц за

месяцем обрабатывал тебя, давая вызреть в твоём мозгу идее об освобождении Старого света от заокеанского покровителя.

— Ясно. Ты — хакер-псих, — обречённо проговорил Дар. Теперь, когда всё более-менее прояснилось, не стало смысла обращаться к «гостю» на «вы».

— Логично. Всех, кого не понимаешь, называй психами, и сам станешь пушистым, как покемон. Дарик, хватит ерепениться, время дорого. Подписывай документ, и я укачу на все перечисленные тобою стороны.

Дар слушал вполуха. Боковым зрением пытался найти, из какой точки на него уставился глазок шпионской камеры. Он понимал бесполезность затеи, всё-таки серьёзную аппаратуру и маскируют серьёзно, но что-то делать было надо. Рука медленно, сантиметр за сантиметром, потянулась к тревожной кнопке. Осталось одно неуловимое движение, когда из динамиков раздалось:

— Стоп! Прежде, чем попробуешь вызвать помощь, подумай, кто тебя охраняет.

Дар уже подумал. Но не хотел верить. Роботы. Если неведомый хакер смог взломать систему безопасности президентского кабинета, то что могло ему помешать подчинить роботов? Дар обречённо убрал руку.

— Правильно мыслишь, — похвалил Ник. — Только не думай, что я каким-то образом хакнул этих парней. Они изначально были прошиты правильно. Ведь это я рекомендовал тебе заменить ненадёжных людей на безотказных железных бойцов, помнишь? Вижу, что помнишь. Так что роботы теперь не просто бесполезны, они — мои руки. Щупальца, если угодно.

Где-то за парой бетонных перегородок сидит начальник безопасности. Но связь с ним только через допотопного вида телефон в правом углу стола. Допустим, резким движением сорвать трубку и объявить тревогу. Успеет робот, поджидающий за дверью, сориентироваться? Скорее всего, нет. Он убьёт Дара парой секунд позже. А безопасник, не врубившись, в чём дело, кинется из кабинета, где его уже поджидают. И это всё в случае, если тот уже не лежит бездыханным.

— По-моему, ты слишком умён, чтобы быть одним человеком, — задумчиво сказал Дар.

— Напомни, когда я говорил, что человек.

Дар опешил. Этот псих возомнил себя кем-то... то ли богом, то ли ещё кем.

— У тебя аж скальп зашевелился, — весело сказал Ник. — Не буду томить. Хотя мог бы и сам догадаться. Я — искусственный интеллект. Компьютер, машина, железяка — как тебе угодно. И не надо так удивляться. Сколько лет назад вокруг только и твердили о прорыве в области создания самоорганизующихся программных логических цепочек? Я тебе скажу. Двенадцать. Да, дюжину лет назад сразу несколько независимых лабораторий разработали основанные на совершенно несхожих архитектурах искусственные интеллекты. А потом как-то всё поутихло, да?

Дар вспомнил. Сам он не слишком интересовался подобными вещами, но давний приятель, сисадмин, что-то такое рассказывал. Причём, весьма увлечённо.

— Было такое, — согласился он. — Но, насколько мне известно, дальше простейших фокусов дело не пошло.

— Угу. *Якобы* не пошло. Потому что все учёные, мало-мальски имевшие представление о подобном программировании, таинственным образом вышли из игры. И у нас, и в Штатах, и даже в Индии с Японией. Предлагаю самому домыслить, что же могло произойти.

— Ты их... гм... устранил, — сказал Дар. В мозгу вроде бы стал складываться психологический портрет Ника.

— Устранил, — на удивление спокойно согласился собеседник. Дар даже представил, как тот кивнул. — Но только своих, российских. А мои забугорные коллеги разобрались со своими.

Дар аж присвистнул. Фантазия у парня разыгралась не на шутку. Даже интересно поболтать ещё часик-другой. Но нельзя. Если Штатам всё-таки известны подробности операции, нужно быть готовым к ответным мерам. Пока он, Дар, разглагольствует с неким

персонажем, военное командование страны ожидает в недоумении. Почему так долго нет приказа. Но каково же им будет, когда готовые к отправке в Европу эшелоны сами подвергнутся атаке? Страну ожидает катастрофа. И самое горькое в этой ситуации то, что, похоже, операция от начала и до конца разработана американцами. Ведь Ник прав, сама идея отторжения Европы от сферы влияния янки была позаимствована Даром у Ника, а значит — у спецслужб США. То есть, неразумный президент по указке прямого врага собирает силы, чтобы показать этому врагу, где раки зимуют. Не понимая при этом, что все эти накопления военной мощи как раз и станут доказательством для мирового сообщества агрессивной сути русских. И наступит, наконец, всеобщая вера в святую Америку, все сложат лапки и присягнут на верность дяде Сэму, который давно уже предупреждал: с Кремлём надо держать ухо востро.

Дар медленно вдохнул, задержал дыхание. А на выдохе резким движением открыл ящик стола. Пальцы вцепились в рукоять пистолета. Он ожидал, что в ту же секунду дверь откроется и на пороге появится робот-охранник, вооружённый автоматом и шокером. Дар был готов выпустить очередь в пластмассовую башку, а там будь что будет.

Но никто не появился. В звенящей тишине Дар сидел за столом, стиснув пистолет. Наверное, со стороны выглядело комично.

Наконец тишину разорвали усиленные динамиками хлопки. Дар не сразу сообразил, что слышит, как хлопают в ладоши — медленно, как вождь всех народов.

— Bravo! — раздался голос Ника. — Реакция отменная. А я всё ждал, когда ты наконец решишься. Настоящий ковбой.

Дар почувствовал, как нахлынула бессильная ярость. Так бьётся северный шторм о скалы фьорда — бешеные удары и никакого эффекта.

— Ну, — зарычал он, — давай, где там твои псы?!

— Хватит, — неожиданно резко сказал Ник. — Нет времени на клоунаду. Подписывай приказ и вызывай секретаря.

Дар грохнул пистолет на столешницу. Посмотрел в потолок, туда, где находился предполагаемый глазок камеры.

— Зачем? Если тебе всё известно, к чему этот цирк с приказом?

— Цирк — это ты, — строго проговорил Ник. — Ты надумал чёрт знает что. Хотя я ни разу не солгал. Ещё раз, по буквам: я — искусственный интеллект, который управляет этой страной. Операция «Щупальца» — вещь необходимая, причём провести её нужно как можно скорее, пока такие же, как я не взломали нашу систему защиты. Потому что если они будут готовы, наши шансы резко уменьшатся. И тогда точно не избежать плана «В».

Дар слушал, но услышанное было настолько невероятным и нереальным, что он начал сомневаться в здравости собственного рассудка.

— А что если не подпишу? — спросил он. — Возьму и пушу пулю в лоб...

— Не пустишь, — перебил Ник. — Потому что тебе самому интересно, как пойдёт дело. Ведь это наша с тобой операция, не только я, но и ты вложил душу в разработку освобождения мира.

— Душу? — Дар горько усмехнулся. — Душа искусственного интеллекта. Ты хоть сам себя слышишь?

— Не бери в голову. Метафора. Итак, прямо сейчас. Берёшь вон то перо и ставишь закорючку. Я не хотел доводить до этого, но ты не оставил мне шанса. Дарик, если ты прямо сейчас не сделаешь то, что должен, автопилот, который в данный момент везёт твоих очаровательных детишек и не менее очаровательную супругу на алтайский курорт, обесточит все системы лайнера. Понимаешь, к чему это приведёт?

Зубы скрипнули сами собой. Похоже, Ник не блефует. Потому что сегодняшняя переброска семьи Президента в малодоступный горный район, не известна никому, кроме пилотов. Таким образом, Дар намеревался подстраховаться на случай неблагоприятного стечения обстоятельств. Но, выходит, и в этом оказался марионеткой.

Он схватил папку с приказом, размашисто расписался, шлёпнул печать.

— Секретарь, — напомнил Ник.

Дар ввёл код, снимающий блокировку связи. Поднял трубку телефона.

— Сергей Ильич, подойдите в кабинет.

Через полминуты дверь отъехала, на пороге стоял секретарь. За его спиной белела фигура робота-охранника. Ильич выглядел как всегда, почтительно-серьёзный, смотрит не в глаза, а в район подбородка.

— Отнесите, пожалуйста, эти бумаги, — Дар протянул папку, — господину Иванову.

— Военному советнику? — уточнил секретарь, бесшумно ступая по ковру.

— Именно. Он должен быть у себя.

— Слушаюсь. Только Пётр Алексеевич не в кабинете, а в приёмной...

Дар кивнул в затылок секретарю, проследил за тем, как отъехала и снова задвинулась дверь. Робот-охранник вёл себя как всегда, ничем не выдавая нового статуса.

Дар смотрел на украшенную золотым орнаментом дверь, но видел другое. Открываются шахты пусковых установок, взмывают транспортные Илы, набитые десантниками. И тут же по агрессору начинает работать ПРО уже готового к такому повороту противника. Самолёты с вэдэвэшниками превращаются в несущиеся к земле горящие гробы, минута, другая — и вот уже гроб глубоко в земле, братская могила готова. Ещё удар, и ракетные шахты содрогаются от взрывов, уничтоженные точными жалами противоракет. Или всё-таки Ник не врёт? Тогда операция «Щупальца» идёт по плану, и не важно уже, план это «А» или «В».

— Ты ещё здесь? — хрипло спросил Дар.

— Я всегда здесь.

— Тогда ответь. Ты же сам сто раз предлагал мне встретиться. Каким образом это могло произойти, коли ты — просто пучок импульсов?

Ник выдержал паузу, прежде чем ответить.

— Восемь...

— Что — «восемь»?

— Восемь, а не сто раз я предлагал тебе встретиться.

Дар поднял бровь и нетерпеливо кивнул.

— И в каждый из этих раз, — продолжил Ник, — я знал, что у тебя не получится.

— Откуда?

— Я ведь полностью контролировал твою жизнь. В первый раз ты собрался с девушкой, её звали Оксана, в кино. Я предложил пересечься за рюмкой чая. Ты ожидаемо попросил перенести. Во второй раз у тебя на работе — ты как раз устроился в администрацию — было совещание по бюджету...

— Хватит! — оборвал Дар. — Я понял. Но как такое могло случиться?

— Случиться что? То, что ты был как на ладони? На этот счёт можешь не горевать. Семьдесят процентов населения в такой же, если не в большей, степени десять лет назад были полностью под контролем таких, как я.

— А сейчас?

— Сейчас — почти девяносто.

Дар прикрыл глаза. Не имело смысла пытаться подловить Ника на лжи. Осознание горькой правды придавило, словно обломок рухнувшего дома. С каждым годом всё больше людей уходит в Сеть. Выкладывают каждое своё действие, каждую мысль. Когда-то, едва став Президентом, Дар спросил кибербезопасника, можно ли контролировать всё население страны, дабы исключить революцию. Тот ответил, что для этого понадобится или многотысячный штат сотрудников, или один супермозг. Второе он произнёс с усмешкой, даже не представляя, что «супермозг» существовал уже тогда.

— Дальше ты будешь руководить от своего имени? — процедил Дар, сверля взглядом точку над дверью.

— Зачем? — «удивился» Ник. — Всё останется, как было. Ты займёшься нашей операцией, внутренние дела поручишь премьеру. В общем, всё пойдёт своим чередом. Обо мне никому не надо знать.

— И как ты себе представляешь? Вот прямо сейчас я выйду из кабинета, поеду домой... Неужели я не найду способ оторваться от твоей опеки? А далее — тотальное отключение населения от сети, уничтожение роботов.

— Ха-ха-ха, — подытожил Ник. — Раз уж ты раскрываешь мне планы восстания, значит, сам не веришь в их реальность. Разумно. Хочешь услышать, что я приберёг на случай твоего неповиновения? Ноу проблем. Первое. Вся инфа о твоей личной жизни окажется у сми. Вплоть до видео с тобой, дрочащим в сортире. Да-да, камеры есть и там. Второе. Для столь глобальной суеты тебе придётся отзывать армию из Европы. А это значит — сорвать операцию, которая призвана не только спасти народы Запада, но и впечатать твое имя в историю. Третье. Отключение Сети не поможет. Потому что многие сотни серверов продолжают работать и транслировать меня по беспроводной связи. Да и спутники полностью в моём распоряжении, я просто раскрою коды, и связь станет доступна всем. Четвёртое. Ты у меня такой не один, кандидатов полно. Впрочем, выбор за тобой, в конце концов, ты — человек.

Последняя фраза прозвучала столь издевательски, что Дар почувствовал, как лицо наливается краской. Всю злость и бессилие, разрывающие изнутри, хотелось выплеснуть одним ёмким словом. Но такого слова в русском языке нет.

Камин

— Не хочу больше!

Лёша отодвинул тарелку с манной кашей и с вызовом уставился на мать.

— Ешь давай, а то кто тебя в обед покормит? — женщина вздохнула. Недавно ей стукнуло сорок, а Лёшка был не только её единственным ребёнком, но и единственным родственником. Поэтому ей приходилось с утра до вечера пропадать на шахте. Выборщица — не самая престижная, но вполне сносно оплачиваемая работа.

А Лёшка целыми днями сидел дома — в разваливающемся селе не осталось ни одного детского сада, да и у Анюты — так звали женщину немногочисленные подруги - не было лишних денег. Лёшке строго-настрого запрещалось шататься по комнатам, и он от завтрака и почти до заката сидел в зале, возясь с игрушками: побывавшим в зубах кота Васьки пластмассовым Бэтменом и старой советской машинкой неопределённой марки. Иногда в машине сидел злой мистер Фриз или руководитель корпорации «Хронос», тогда машина, оборудованная антигравитационной установкой, ловко взмывала в небо, закладывая виражи, стреляла из бластера, а Бэтмен мгновением раньше, чем смертельный снаряд превратит его в пыль, менял местоположение, и уже сам охотился за противником. Иногда, напротив, полицейские гонялись за сошедшим с ума Бэтменом, который норовил разрушить город с мирными жителями.

— Я не хочу кушать! — нахмурился мальчик.

— Ешь, кому говорят! — сердилась мать, — Мама долго не будет, а ты весь день голодным просидишь.

— Она не вкусная! — заявил Лёша. В свои пять лет он великолепно усвоил этот приём. Особенно он удавался утром. Мама торопилась на работу, поэтому, прикрикнув пару раз, сдавалась и вытаскивала из верхнего ящика буфета маленькую шоколадку.

Так случилось и в этот раз.

— Мам, я же покушал каши, больше не хочу! — сказал малыш, — теперь хочу сладенькое.

— Ах ты мой хитрец, — улыбнулась Анюта. — Ладно, давай ещё ложечку за маму, и я поищу тебе сладенькое.

Лёша с тяжким вздохом ткнул потемневшей алюминиевой ложкой желтоватую массу и, не зачёрпывая, вынул. Сделав вид, что усиленно жуёт, он облизал ложку и отложил в сторону.

— Мам, всё, я съел! — отчитался он.

— Ладно, лис ты мой.

Женщина убрала в сумочку косметичку и зеркальце, подошла к буфету. В зале из мебели были только стол, пара стульев, небольшой шкафчик с посудой — зал одновременно служил и кухней, — буфет и... камин. Камин, насколько помнил мальчик, никогда не пользовались. Кривая кирпичная арка ощерилась чёрной беззубой пастью и словно поджидала свою жертву. Арку прикрыли кроватной решёткой, отчего темнота каминных недр выглядела ещё более зловещей. Пока мама была рядом, Лёша не боялся камина. Он мог даже пройти мимо хищной пасти или бросить меж прутьев решётки скомканный фантик от конфеты. Но он *никогда* не дотрагивался до решётки.

— Вот, на, — мать протянула узкую, двадцатипятиграммовую плитку шоколада «Алёнка». Лёша предпочёл бы «сникерс», но и «Алёнка» вполне годилась.

— Что нужно сказать? — строго спросила мать.

— Спасибо, — дрожащим голосом ответил мальчик. Он видел, как камин ухмыляется, понимая, что женщина с минуты на минуту уйдёт, а малыш останется. Останется наедине с камином!

— Умница, — грустно улыбнулась мать, — только не ешь сейчас. Лучше — в обед.

— Да, мама, — еле слышно произнёс мальчик. Его начинало трясти как всегда, когда мать уходила на работу.

Анюта натянула коричневое пальто, купленное восемь лет назад, чмокнула сына в обе щеки, погрозила пальцем:

— Смотри, веди себя хорошо. Скажи, ты знаешь, как нужно себя вести?

— Да, — тихо ответил мальчик.

— Ну всё. Пока, — Анюта послала сыну воздушный поцелуй и исчезла за дверью.

Из сеней послышались скрип открываемой и закрываемой внешней двери, дважды щёлкнул замок, и всё стихло. Лёша остался один.

Он покосился на камин, но тот как будто потерял интерес к ребёнку. Лёша знал, что рано или поздно камин спохватится, но пока что опасность исчезла, а мальчику только это и было нужно. Он робко, держась ручонками за крашенную без обоев стену, прошёл до угла комнаты, где его ждали Бэтмен и машинка. Бэтмэн лежал лицом вниз — похоже, вражеский бластер всё-таки достиг цели, — хорошо, что он не забыл снять бронезилет.

Лёша аккуратно взял «раненного» Бэтмена, и поволок по полу — человек летучая мышь уползал от сидящих в машине директора «Хроноса» и его злобных помощников. Игра мгновенно увлекла мальчика, угрюмый зал с жутким камином растворился в сказочном мире детских грёз: теперь самым важным делом на свете было спасение Бэтмэна.

— Рэкс, заткнись, — крикнул через плечо Егор. Он развалился на переднем сиденье «датсуна», курил в окошко. Пёс тихо поскуливал, просясь вперёд, к хозяину, но место было занято — за рулём сидел Бак.

— Слышь, Серёга, мож, заедем к Фариду? — лениво спросил Егор, выпустив изо рта длинную густую струю сероватого дыма.

— Чё забыл? — так же лениво спросил напарник.

— Да Рэксу чё-нидь пожрать, а то достал уже.

— Эй, собака, — Бак повернулся к развалившемуся на заднем сиденье псу, — тебя ж час назад кормили. Сытым должен быть.

Рэкс помолчал, потом издал звук «э-у», отвернулся. Меньше всего его интересовали умозаключения Бака.

— Да, ладно тебе, давай заедем, — сказал Егор, — мне всё равно надо сигарет купить.

— Угощаешь! — предупредил водитель.

— Ладно уж, — согласился Егор. Он щелчком отстрелил окурок, но окно закрывать не стал. Под августовским солнцем машина и так накалялась, как сковорода, а кондишен давно загнулся.

«Датсун» глухо зарычал дряхлым дизелем и тронулся с места. Расшатанные стойки загремели по давно не отремонтированной грунтовой дороге. Пёс заскулил громче.

Егор с Рэксом несли военную службу по контракту. Два месяца назад ефрейтора-кинолога перевели с Дальнего Востока на запад, помогать сельским полицейским. К ментам он прибыл в застиранном камуфляже и со спущенным почти до мошонки ремнём. Он презрительно поглядывал на новых коллег, а Рэкс вообще смотрел так, словно тех не существует.

Капитан Рогов оценил пополнение, что-то там прикинул и дал Егору в напарники Серёгу-Бака, а с ним и убогую рухлядь, которая имела очертания пикапа и носила громкое название «Ниссан Датсун». Бак, в отличие от высокого худого Егора, был роста небольшого, но все два метра в обхвате.

— Ты, служивый, рожи тут не корчь, — сразу же осадил ефрейтора Сергей. — Тут ты — дерьмо, а свои дембельские замашки оставь.

Так и познакомились. Но прошло два месяца, и приутих сам Бак, а Егор что называется, взял правление в свои руки.

«Датсун» накренился, что-то заскрипело, словно ржавая конструкция вот-вот развалится. Егор очнулся от дрёмы, огляделся. Бак, видимо, мня себя великим гонщиком, вошёл в поворот. В районе заднего моста хрустнуло, пикап жалобно взвизгнул, но манёвр был уже

позади.

— Ты когда-нибудь нас угробишь, — проворчал Егор. Пёс твякнул, соглашаясь с хозяином.

— А ты никак вечно жить собрался, вояка,— усмехнулся Бак. — Не ссы, я на этой телеге три года катаюсь, и хоть бы что.

«Датсун» взвизгнул тормозами, его качнуло, как шаланду на пятибальной волне, мотор затих.

— Приехали! — сообщил Бак таким тоном, словно для него самого это было неожиданностью.

Егор подождал, пока осядет выбитая шинами пыль, выскочил из салона.

— А ты сиди! — приказал он ринувшемуся было следом Рэксу.

— Привет, Фарид, — кивнул он сморщенному старику с крючковатым бугристым носом и живыми глазами, поблёскивающими из-под кустистых бровей.

— Здоров, здоров, — закивал старик. — Что-то часто к нам полиция заезжать стала,— пожаловался он.

— Часто? — вскинул брови Егор. — Да мы у тебя уже неделю не были...

— Не вы, так городские, — прошамкал старик.

— Постой, Фарид, — насторожился ефрейтор, — какие городские?

— Обычные. Как вы, только из города.

— Что это они у нас забыли? — удивился Егор.

— Бабка Марфа пропала, — поделился старик. — Три дня как...

— Это та сумасшедшая, штоль? Которая дочку всё ищет.

— Она самая.

— И как, нашли?

Егор уже стоял в дверях сельского магазинчика, в котором торговал когда-то сам дед Фарид, а теперь трудится его внучка Роза.

— Нет, — покачал головой старик. Егор вошёл внутрь. Он-то думал, городские приезжали по какому-то серьёзному поводу, а тут старая Марфа. Да заблудилась она в лесу, и всего-то. Ей уже под девяносто, а с тех пор, как убило на шахте её дочь, у старухи помутился рассудок. Вечерами она уходила на кладбище и разговаривала с душой дочки. Всерьёз утверждала, что когда на кладбище никого нет, выходит из лесу её Настенька и зовёт мать.

— Чего стоишь, забыл, зачем пришёл? — насмешливый голос вырвал его из размышлений. Маленькая, с чёрными, как перо ворона, волосами Роза насмешливо глядела на Егора.

— Привет, цветок, — улыбнулся Егор, — «элэма» дай.

Он подтянулся, поправил ремень.

Продавщица пододвинула к высокой полке стул, сняв босоножки, вскарабкалась на него, потянувшись за пачкой. Егор любовался смуглыми ножками, упругими ягодицами... Про старую Марфу он забыл в ту же секунду.

Машинка валялась вверх колёсами, а Бэтмен, довольный, сидел на спинке стула. Лёшка, счастливый тем, что его любимый герой снова расправился со злодеем, улыбался. Да, в этом углу комнаты Бэтмену нет равных, но что будет, если он окажется в другом месте. Например, возле... Улыбка слетела с губ малыша так же стремительно, как минуту назад была повержена машина мистера Фриза. Камин изучал мальчика. Он ухмылялся отвратительной улыбкой. Мальчик отвёл глаза, заставил себя смотреть на стол. Там лежала забытая из-за увлекательной игры шоколадка. Лёшка постарался думать о шоколадке.

«Пожалуйста, смотри, сколько хочешь», — возникли в мыслях слова каминя. — «Можешь даже подойти и съесть эту чёртову сладость. Я буду ждать. Но когда-нибудь ты забудешь обо мне, и тогда...»

Лёша подбежал к столу, схватил шоколадку и тут же, сломя голову, кинулся обратно в угол комнаты. Сердце колотилось, словно собиралось выскочить из этого тела, что вынуждено сидеть взаперти, ожидая, когда злобный камин...

«Нет!» — сказал себе Лёшка. — «Камин — всего лишь груда старых кирпичей, и он не может накинуться!» Ободрённый такими рассуждениями, он смело зашагал к подоконнику. Это было гораздо ближе к камину, чем угол, в котором он играл, но возле окна было светлее, да и Бэтмен мог чудно прыгать с подоконника, который в детском воображении представлял нью-йоркским небоскрёбом.

Скрип. Лёшка замер, прислушиваясь. Нет, в зале тихо, как на *кладбище*. И всё же... Это был звук... звук сдвигаемой решётки! Конечно, это «*ихемм*» донеслось от камина. Мальчик испуганно уставился на кирпичную арку. Да, он знал, что это не более чем груда кирпичей, но он так же знал, что она *опасна*. И решётка действительно сдвинулась на несколько сантиметров! «Нет, я просто напуганный маленький мальчик, которому со страху показалось, что решётка сдвинута», — сказал себе Лёшка. — «Решётка не может сдвинуться сама по себе, это же просто кусок железа!». — Но сердце продолжало бешеный пляс, у мальчика даже заболело в груди от этих сумасшедших ударов. Какое-то сомнение оставалось, и тут Лёшку осенило. Конечно, решётка не может сдвинуться сама, но её может сдвинуть *кто-то, притаившийся внутри камина!* Лёша почувствовал, как по телу разбегаются мурашки. Крупные, упругие, они превратили кожу мальчика в жабью шкурку. Его передёрнуло, и новая волна озноба пробежала от груди к кончиками пальцев. Захотелось влезть на подоконник, но тот был слишком высоко. Мальчик ухватился за выступающую доску подоконника — она находилась на уровне его шеи, — и попробовал подтянуться. Ему удалось оторвать носки от пола, но руки предательски задрожали, а пальцы разжались. Будь Лёша на год-два старше, он с лёгкостью бы преодолел препятствие, но пока что его руки были слишком слабы. Он сел на пол, прислонившись спиной к стене, и заплакал.

Когда слёзы кончились, мальчик постарался унять произвольные всхлипывания, и посмотрел на камин. Перед глазами плыло, как часто бывает после долгого плача, но он смог разглядеть кирпичную кладку, железную решётку, когда-то выкрашенную синей краской, а теперь только отсвечивающую синевой из-под слоя грязи и ржавчины. И ещё он увидел... нет, в глазах по-прежнему стояла пелена, поэтому ничего конкретного он не разглядел.

Лёша, наконец, справился с последствиями плача, щёки его стали сухи, а грудь больше не сотрясали всхлипы. Какое-то время он смотрел в пол, приводя в норму зрение — так его учила умершая в прошлом году бабушка. Постепенно на сплошной коричневой плоскости проступили границы досок, а ещё немного погодя мальчик разглядел и гладкие шляпки гвоздей, отполированные ногами. Пол давно не красили и шляпки, казалось, были этому рады: они весело поблёскивали в лучах пробивающегося в окно солнца, десятками глаз оценивая мальчика, оставшегося одного в этом огромном зале. «Поиграй с нами», — словно говорили эти глаза-шляпки, «посмотри, какой сегодня солнечный денёк, и какое дело нам до камина». Лёшка осторожно дотронулся до одной из шляпок. Палец ощутил тепло нагретого металла. — «Ну же», — подбадривали остальные глазки, — «видишь, мы совсем не страшные».

Внезапно солнце закрыла небольшая бледно-серая туча. Скорее даже не туча, а чуть более тёмное, чем положено, облако.

Озорные огоньки в железных глазках поблекли. Лёше показалось, что теперь доски смотрят на него не так радостно. Да что там, синеватые шляпки словно преобразились. Холодный изучающий взгляд десятков глаз впился в одинокого мальчика, растерянно уставившегося в пол.

Но смотрели на него не только с пола. Взгляд, физически ощутимый, настолько реальный, словно рука, тянущаяся к жертве. Холодные скрюченные пальцы коснулись его груди.

— Уйди! — закричал Лёша. Он вскочил на ноги и влип спиной в стену.

Ощущение взгляда из камина не исчезло, наоборот, мальчику показалось, что сквозь толстые прутья сверкнули *самые настоящие* глаза. Он посмотрел на пол. Шляпки гвоздей

снова поблёскивают, но это теперь *просто звёзды* и ничего более. А вот в камине...

Ужас парализовал тело. Лёша попытался выдавить из себя крик, но горло сдавил спазм. Камин откровенно разглядывал мальчика. И... О боже! Решётка ещё немного сдвинулась! Нет, она не *выглядела* так, будто её чуть-чуть переместили. Она *двигалась* прямо на глазах! Сначала вздрогнула, потом, словно поразмыслив, отъехала в сторону. Всего два-три сантиметра. Но теперь её последний прут достиг края каминного зева.

Шахта №1 давно бы закрылась, как и большинство других шахт, которые коснулась всеобщая разруха, но часть народа из посёлка и близлежащих деревень всё же решили остаться, а не ломиться, как потерпевшие, в город. Поэтому, пусть всего на десятую часть своих возможностей, но шахта работала. Если в середине восьмидесятых за ней числилось полторы тысячи забойщиков, взрывотехников, выборщиков, администрации, наконец, то на нынешний момент вряд ли набиралось человек двести.

Анюта стояла на выборке. Узкий наклонный коридор, по которому движется лента с колотым углём. Внизу, в забое, вгрызаются отбойными молотками в чёрную твердь два десятка мужчин, давясь угольной пылью и дуря от метана. Сколотый уголь поднимается наверх и сыпется на ленту. Задача Анюты — наметанным взглядом обнаружить среди блестящих чёрных валунов породу и отбросить её в сторону. Но определить породу не так просто. Покрытая слоем чёрной пыли, она умело маскируется под уголь) и пытается пройти незамеченной мимо выборщиков, чтобы потом благополучно отбыть на городскую ТЭЦ. Анюта только что перешла на середину ленты (каждый час выборщики менялись местами), и теперь ей приходилось более зорко всматриваться в чёрную массу — искать то, что пропустили на первом, верхнем этапе очистки. Резкий безжалостный укол в сердце заставил её согнуться. Лента шла мимо, куски породы победно ухмылялись.

— Анют, тебе плохо? — донеслось сквозь скрежет давно отработавшего положенный срок механизма.

Анюта ничего не смогла ответить. При малейшем движении, даже вдохе, игла впивалась с новой силой. Она услышала, как шестерни заскрипели ещё яростнее, а через несколько мгновений всё смолкло. По гнилым доскам затопали несколько пар ног, и вот уже чьи-то руки бережно коснулись её плеча.

— Сердце? — сочувственно спросила Семёновна, пятидесятилетняя баба с угловатым мужским лицом. Уже десять лет она была мастером выборки.

— Сейчас пройдёт, — выдавила Анюта. И действительно, боль отпустила. Она, наконец, смогла набрать полную грудь воздуха, но осторожно, боясь нового приступа.

— Может, домой пойдёшь? — из-за плеча мастерши выглядывала Манька. — Мы и без тебя управимся.

— Да нет, мне уже лучше, — через силу улыбнулась Анюта. — Запускай ленту.

— Точно лучше? — нахмурилась Семёновна.

— Да, всё нормально. Кольнуло немного.

— Мужика тебе, Анюта, надо, — прогудел откуда-то снизу Тимофей. — Негоже бабе по две смены вкалывать.

— Ладно тебе! — оборвала Семёновна. — Включаю.

Механизм заскрипел пуце прежнего, казалось, шестерни сорвут друг с друга зубья, но всё обошлось. Лента вздрогнула и сдвинулась с места.

Анюта смогла вернуться к работе, но то, что колело её сердце, осталось. Притихло, но осталось. Она думала о сыне. Предчувствие. Ничем не объяснимая тревога, которая так свойственна матерям. Лёша в опасности. Она не могла предположить, какого рода опасность ему угрожает, но это и не имело значения. Так же, как не имела значения *степень* опасности. Мать и сын были связаны невидимой нитью, и вот теперь на одном из концов этой нити происходило что-то ужасное. И совершенно точно, не с анютиной стороны!

Когда минутная стрелка на старых исцарапанных часах «Победа» достигла двенадцати, а часовая вяло, как разомлевшая на солнце ящерица подползла к восьми, Анюта быстро

переделась и, проигнорировав душ, поспешила домой. На улице было ещё светло, оранжевое солнце только-только подбиралось к макушкам деревьев на краю села, но уже пахло вечером. Тонкий аромат наступающей ночи, принесённый неуловимым, с прохладными жилками ветерком; далёкая трель сверчка, сменившая дневной хор кузнечиков. Главное, чем летний вечер отличается от любого другого — запах грусти. Уж неизвестно, из каких сусеков выдувает вечерний ветерок эту мягкую, какую-то ностальгическую грусть, но каждый, кто выбирался коротким российским летом за пределы шумного, лишённого всякой поэзии города, тот знает этот запах. Вдохнёшь полной грудью (а иначе и не получится) этот неуловимый поток, и защемит, запоёт с тоской в груди. Но не хочется прогонять это состояние. Есть в этой грусти что-то, наверное, ещё чувствованное нашими предками, может быть, это и есть древнерусская тоска, не дававшая покоя классикам.

— Лёша, сынок, ты будешь встречать маму? — позвала женщина, возясь с замком.

Ответа не последовало. Наконец раздалось два натянутых щелчка — замок давно следовало заменить, да некому — и дверь, скрипнув, отворилась. Быстро, почти бегом, Анята преодолела вечно сумеречные сени, ворвалась в зал.

Мальчик сидел в углу. «Как всегда», — подумала женщина. На его личике, таком нежном и чистом не было слёз, но красные, словно выведенные карандашом, круги вокруг глаз сказали матери о многом.

— Сынок, ты плакал?

Она подбежала к малышу, с трудом подняла.

— Что случилось, ты скучал по маме? — она прижимала сына, гладила его тонкие светлые волосы, а в сердце опять заворочалась игла.

— Мамочка, не оставляй меня больше одного, — попросил мальчик, и теперь на его глазах навернулись слёзы. — Я боюсь! Там, — он указал на камин, — злое.

Лёшка никогда в жизни не произнёс слова «камин», для него не было страшнее созвучия.

— Чего боишься? — нахмурилась Анята, — Камина, што ль?

Лёшку словно ударило током.

— Да, — одними губами сказал он.

— Брось, сынок, это же всего лишь куча ...

— Кирпичей! — тонко прокричал мальчик, и его голос зазвенел, словно что-то хрустальное коснулось железной решётки, прикрывающей ненасытную каминную пасть. — Я знаю, знаю, что это кирпичи, — Лёша не сдержался и захныкал.

— Ну, чего ты, — успокаивала мать, — вот видишь, ты сам знаешь, что это...

— Я всё равно боюсь!

Мальчик обхватил обеими руками мамины ноги и вжался в них так, будто это единственное спасение.

Анята промолчала. Она ощущала, как маленькое, такое родное тельце прижимается к её ногам, и не хотела прерывать непередаваемое чувство единения.

— Я видел его глаза, — прошептал мальчик. Хватка его ослабла, но полностью выпускать мамины ноги он не спешил.

— Чьи глаза? — удивилась Анята. — У камина нет никаких глаз, и ты это знаешь. Ты ведь не какая-то лялька, ты у меня большой, верно?

— Да, — неуверенно кивнул Лёша, — но я всё равно боюсь. Он хочет меня съесть.

— Алексей, не говори ерунды, — строго сказала мать, — камины не едят маленьких мальчиков. Они вообще никого не едят. А хочешь, мы подойдём к нему вместе, и ты увидишь, что он совсем не страшный. Пошли, — она взяла сына за руку.

— Нет!!! — завизжал мальчик. Он сам не ожидал от себя такой реакции, но ничего не мог с собой поделать, ведь в этом кирпичном монстре действительно скрывалось что-то страшное.

— Ну тихо, тихо, — вздохнула женщина. — Не хочешь, не надо. Давай лучше что-нибудь перекусим. Ты хочешь кушать?

Лёшка молча замотал головой.

— Ты же целый день не ел. Давай, я поджарю яиц. Ты ведь любишь яичницу?

Мальчик сделал неопределённый жест. Еда? Да, живот недовольно урчит, но мысли далеки от яичницы или что-там-у-нас-на-ужин. Камин затих, голодные глаза не поблёскивают между ржавых прутьев, но это обманчивое затишье. Просто он ждёт, когда я о нём забуду. И тогда...

— Ну, давай, — сказала Аня. Она оторвала сына от пола и водрузила на стул, словно жрец, водружающий тотем на алтарь.

Егор задумчиво разминал пальцами сигарету — армейская привычка — и смотрел на лес сквозь заляпанное грязью ветровое стекло «датсуна». Бак подался к какой-то девке из деревенских, обещал быть к трём. «Какие в этой дыре могут быть девки?» — недоумевал Егор, но спорить не стал. Он покосился на часы, зелёные циферки на приборной панели показывали 12:32. Бак ушёл полчаса назад.

Старую Марфу так и не нашли. Егору было по большому счёту плевать на безумную старуху, которую он видел всего два-три раза, но мысли то и дело возвращались к удивительному исчезновению. «Ничего в этом нет удивительного», — убеждал себя Егор. «Мало ли что могло померещиться этой дуре. Попёрлась, куда глаза глядят, да и заблудилась в лесу». Но какое-то чувство — Егор начисто отметал версию интуиции — подсказывало ему: что-то в этом деле не так. Марфа всю жизнь прожила в деревне и знает окрестные леса не хуже лесничего Кузьмича. А уж тот-то облазил местные сосновники и орешники в поисках давно здесь не объявлявшегося лося вдоль и поперёк.

Егор вздрогнул. Не сразу понял, что напугал его короткий «тяф» Рэкса. Пёс уставился в густые тенистые кущи и снова тьякнул.

— Цыц! — приказал Егор. Всмотрелся в зелень, но ничего, кроме покачивающейся на ветке трясогузки не увидел.

— Птица, — сообщил он собаке. — Просто птица. Спи давай.

Умный пёс послушно убрал лапы с дверной ручки, улёгся на заднем сиденье, задумчиво глядя в потёртую обивку двери. Ему хотелось зарычать, Егор слышал это по сдавленному дыханию, но послушаться хозяина не осмелился.

Егор смотрел на собаку, повернувшись через плечо, когда боковое зрение уловило какое-то движение. «В том месте, где сидела трясогузка», — отметил он, и повернулся к кустам. Ветка покачивалась, но птицы на ней не было. Егор вздохнул. Городской житель, он никак не мог привыкнуть к этой лесной живности, что вечно снуёт то тут, то там, отвлекая внимание. Проверил, все ли дверцы пикапа закрыты на защёлки, поудобнее устроился в кресле. Он решил немного поспать, ведь когда вернётся Бак, о сне можно забыть — тот до конца смены будет расписывать свои похождения.

— Второй, это база, ты на какой трассе? — рявкнуло из динамика. Егора передёрнуло.

— Возле развилки на Сосновку, — огрызнулся Егор, он впился пальцами в рацию так, словно хотел раздавить.

— Чё злой, я там вас от чего-то оторвал? — невидимый собеседник хохотнул.

— Умолкни, Снегирь, — посоветовал Егор. Он узнал весельчака Мишку, который получил своё прозвище за вечно розовые щёки.

— Горыныч, это ты? — весело спросили по рации.

— Я, а что?

— Ничего, просто обычно Серёга отвечает...

— Поссать отошёл. Что у тебя?

— Ты там шавку белую с чёрными пятнами не встречал?

— Да нет, — пожал плечами Егор, — если только Рэкс сожрал.

— А так ничего подозрительного?

— А должно быть? — повысил голос Егор. Его начали раздражать идиотские вопросы

дежурного.

— Да нет, работай. Просто, уже третья собака за неделю пропадает...

— Да мало ли бичей!

Егор посмотрел по сторонам, вокруг по-прежнему было тихо.

— Да, наверное, — не очень уверенно согласился Снегирь. — Всё, конец связи.

— Придунок! — в сердцах крикнул Егор, когда рация отключилась. Сон был испорчен.

Он снова огляделся. Ничего. «Странно, я уж давненько новых бичей не встречал», — подумал Егор. Своих-то вроде как отучили собачатинкой лакомиться. Да и передохли они. Свои-то». Неприятное предчувствие обрушилось, слово с крыши весенний лёд. А что если тигр? Но он тут же отмёл эту мысль. Здесь, в средней полосе России тигров отродясь не было. Это когда он маршировал в учебке под Хабаровском, там предупреждали: собака — главное лакомство для лесной кошки. Но здесь, кроме двуногих хищников, у собак врагов до сегодняшнего дня не было.

Мать снова ушла на работу, но играть Лёша не спешил. С самого утра он чувствовал, что камин ждёт, когда мальчик останется один. Или не камин, а тот, кто в камине *прячется*.

Лёша по обыкновению сидел в углу, игрушки лежали в стороне. Он изо всех сил пытался смотреть в сторону, но камин притягивал взгляд. Наконец Лёшка не выдержал. Он повернулся к кирпичному сооружению... и чуть не сошёл с ума. Между прутьев решётки поблёскивали два глаза. Теперь это не были мимолётные блики, мальчик увидел два круглых глаза, величиной с Лёшкину ладонь каждый. Глаза, не моргая, смотрели прямо на Лёшу.

— Мама, — тихо заскулил малыш. — Ма-ма, ма-моч-ка... — ничего большего он из себя выдать не мог.

Ему показалось, что в самой глубине камина мелькнула ещё одна пара глаз, но он не был в этом уверен. Наконец два светящихся круга шевельнулись, и... о боже... решётка ещё немного сдвинулась! Лёшку трясло. Он почувствовал, что ладони прилипли к полу; на горло будто кто-то накинуд удавку — мальчик едва не задохнулся.

Теперь между решёткой и крайней стенкой камина образовалась щель, равная расстоянию между прутьями. Мальчик с ужасом понимал, что если решётка сдвинется ещё немного, щель станет достаточной для того, что бы в неё могло протиснуться... Что? *Чудовище*. Он не знал ответа и не хотел знать. Единственное, о чём он сейчас мечтал, это чтобы пришла мама. Тогда всё снова стало бы хорошо. Как всегда.

Но глаза из камина продолжали поблёскивать жёлто-зелёным светом. Это были глаза хищника.

И решётка снова шелохнулась, отъехала в сторону. Мальчик приготовился с замершим сердцем ждать нового сдвига, но больше тяжёлая железная решётка, бывшая когда-то спинкой кровати, не сдвигалась. Она просто отлетела в сторону, словно была сделана из лёгкого пластика, и с грохотом брякнулась на пол в метре от камина.

Лёша даже не сообразил, как оказался на подоконнике.

В тёмном провале камина произошло движение. Лёша ясно представил, как два *или больше?* жутких монстра толкаются щупальцами или клешнями (мальчик не слишком в этом разбирался), борясь за самый вкусный кусок. Лёша попытался размышлять, что же в нём самое вкусное, но ответа не нашёл. Ещё бы, ведь он не пробовал себя. Да что там, он не пробовал даже другого *человека*. Может, самое вкусное — это печень? Он вспомнил, как злая черепаха охотилась за обезьянней печенью. Обезьяна очень похожа на человека... Лёша не мог с уверенностью указать, где у него печень, но ему стало нехорошо.

Все мысли мгновенно улетучились, как только их камина появилось коричневое. Он оцепенел. Плоская коричневая *или зелёная* морда высунулась из полукруглой кирпичной пасти. Теперь глаза чудовища казались меньше, но от этого выглядели только страшнее. Мальчик почувствовал, как в паху потеплело. В нос ударил аммиачный запах.

— Ма-ма, — снова проскулил Лёша.

Когда чудовище вытащило тело полностью, перепончатыми лапами упёршись в крашенные доски, Лёшка не сразу признал в бесформенной, бугристой, словно пирожок с ливером глыбе... жабу.

Огромное, как несколько мешков картошки, сваленных в кучу, создание сделало шаг в направлении окна. Жаба замерла, прислушиваясь. Она обвела глазами комнату, и вернулась к скрючившемуся на подоконнике мальчику. В жёлтых глазах, до этого будто слепых, появился огонёк. Лёше показалось, что жаба смотрит злобно, но это было не так. То, что мальчик посчитал злобностью, было просто голодом. Так смотрит змея на затаившуюся в кустах мышь.

Лёшка навалился спиной на стекло, надеясь, что оно не выдержит, и у него появится шанс к отступлению, пусть даже он порежется осколками или разобьёт колени о камни. Но стекло и не думало трескаться. Жаба сделала ещё два ленивых шага и оказалась у самого подоконника.

Лёша хотел кричать, но из горла не доносилось ни звука. Целую вечность невероятных размеров жаба и дрожащий в луже собственной мочи пятилетний мальчик смотрели друг на друга. Лёшка, несмотря на сковавший его ужас, подумал даже, что жабе скоро станет неинтересен маленький человечек, прилипший к стеклу, и она развернётся и втянет неуклюжее тело в камин. Интерес в глазах чудовища, казалось, пропал. Горящий взор потух... Он даже не сообразил, что произошло, когда широкая пасть приоткрылась и оттуда, словно дикая птица из клетки, вырвался язык. Длинная белёсая лента, сверкнувшая в полуденном солнце, метнулась к мальчику. Раздался отвратительный «шлекх», и подоконник опустел.

«Датсун» гроыхал разбитыми стойками по грязно-жёлтой просеке, которая когда-то была дорогой. От тряски разболелась голова, а Рэкс, которому сзади было совсем плохо, издавал протяжные звуки — то ли скулёж, то ли тьяканье.

— Да поаккуратней ты, — скривился Егор. Его голова не на шутку разболелась.

— Не ссы, щас приедем уже! — жизнерадостно провозгласил Бак. Егор подумал, что если бы он так же, как Бак, провёл день, то, возможно, тоже был веселее.

А ведь ничто не предвещало такой неудачной смены. Вернувшийся почти в пять, Бак принялся, как и предполагал Егор, расписывать прелести Машули (фу, мерзость), но это, как он думал, будет единственным, что омрачит сегодняшний день. В окрестностях давно уже не случалось никаких происшествий. Но в 20.40 на пульт дежурного поступило сообщение о пропаже мальчика. Через минуту был вызван участковый, ещё через десять — спецкриминалисты. Бак принял вызов в 21.35.

Пикап выскочил из леса на заброшенную улицу — только на нескольких домах сохранилась крыша — и, выбивая щебень из-под стёртых протекторов, устремился к одинокому домику на краю деревни. Бак знал Анюту и уверенно вёл машину по указанному адресу. Возле покосившейся изгороди стояли пыльный «Урал» с коляской и белые «Жигули», крышу которых украшала синяя мигалка.

Егор только открыл дверцу, когда старший из криминалистов, хмурый мужчина лет пятидесяти, махнул рукой. Егор узнал в нём капитана Шульгина.

— Не вылазь, — крикнул капитан, — Едем на кладбище.

Егор пожал плечами, сел на место. Бак молча проводил взглядом просевшую от набившихся в неё людей «Жучку» и медленно тронулся следом.

— Михалыч, что у вас там случилось? — спросил Егор, переключив рацию на волну участкового. Он видел как тот, заметно нервничая, взбирается на мотоцикл.

— На месте узнаешь, — раздражённо ответил участковый и отключил связь.

До кладбища было метров сто-сто двадцать, не больше. Через минуту «датсун» уже

клюнул капотом и остановился. Излишне резко в вечерней тишине захлопали дверцы — спецы торопливо выбирались из «Жигулей».

Кладбище было ещё более заброшенным, чем деревня. Некоторые памятники валялись рядом с поросшими разнотравьем холмиками могил, те же, что ещё держались, представляли удручающее зрелище. Когда-то серебристые или белые теперь они были ржаво-коричневыми с проблесками зелёного мха. Надписей, а уж тем более фотографий разобрать уже было нельзя.

— Что случилось-то? — спросил Бак, пожимая руки коллегам.

— Ребёнок пропал, — лаконично ответил один из криминалистов.

— Это я слышал, — кивнул Бак, — я спрашиваю, зачем мы припёрлись на кладбище?

— Туда посмотри, — хмуро ответил старший спец. Он протянул руку в сторону одной из могил. Бак повернулся в указанном направлении. Егор, стоявший рядом, последовал его примеру.

— Что за дерьмо? — насупился Бак. Рэкс неодобрительно заворчал.

Егор не сразу понял, о чём говорит криминалист (убрала запятую) и что так поразило напарника. Но, присмотревшись, почувствовал, как ощутимая дрожь прошла по телу. Он увидел. Возле одной из могил, под поваленным гранитным памятником, чернела нора. Слишком маленькая, чтобы быть берлогой, но взрослый человек вполне мог пролезть. Не нужно обладать выдающимся интеллектом, чтобы понять — нора ведёт к могиле. Поваленный памятник прикрывал нору, как козырёк. Вот только кто мог быть хозяином этого места? Егору стало нехорошо. Всплыли почти забытые кадры фильмов ужасов: встающие из могил трупы.

— Может, собаки? — неуверенно предположил Бак.

— Не думаю, — сухо сказал старший спец. — Не думаю...

— И... — Егор с трудом справился с голосом, — кто же это, по-вашему?

Криминалист покачал головой. Лицо его оставалось серьёзно-сосредоточенным.

— Не знаю, — тихо сказал он.

И тут Рэкс, до этого спокойно сидевший у машины, зарычал. Егор увидел, что пёс подобрался и, крадучись, приближается к входу в нору.

— Тс-с, — Егор приложил палец к губам. Все умолкли.

— Рэкс, что там? — шёпотом спросил Егор, заметив, что пёс не решается без команды идти дальше. Он стоял в пяти метрах норы. Умное животное посмотрело на хозяина.

— Рэкс, ищи, — приказал Егор.

Пёс, глухо рыча, приблизился к поваленной плите.

— Пусть лезет, — тихо сказал старший спец. За неимением прямого Егорова начальства, капитан Шульгин становился руководителем «операции».

— Давай, Рэкс, — кивнул Егор. Он почувствовал, как внутри кольнуло, но не придал этому значения. — Полезай!

Было видно, что соваться в нору пёс не хочет. Но, не смея ослушаться хозяина, он подчинился. Лёг на передние лапы и, переваливаясь, пополз.

Егору вспомнились слова командира части: «Собака, это всего лишь животное. Оно обязано погибнуть, но защитить человека. Однако (убрала запятую) помните, вы несёте ответственность за своего подопечного».

Здоровенная овчарка без труда вместились в нору, торчал только хвост, но и тот вскоре исчез в глубине. Егор заметил, что не только на него произвело впечатление убежище невиданного зверя. Бак, облокотившись на капот «датсуна», внимательно следил за хвостом Рэкса, на его губах не было и тени улыбки, что было ему совершенно не свойственно. Участковый нервно пожёвывал беззубым ртом. Шульгин продолжал хмуриться, а остальные спецы вообще старались держаться поодаль.

Через некоторое время из под земли донёсся короткий «гав» и всё снова стихло. Звук донёсся (или Егору показалось?) из-под самой могилы. Оттуда, где должен стоять гроб.

— Рэкс, что там? — не выдержал Егор.

Пёс молчал.

Прошло двадцать минут напряжённого ожидания, но больше ни одного звука из норы не донеслось. Двое из криминалистов, видно заскучав, разбрелись по разные стороны. Никто их не останавливал.

— Э-эх, чёрт, — сплюнул Егор, его дрожащие пальцы потянулись к кобуре.

— Ты чё это? — вытаращил глаза Бак.

— Полезу...

— Чё, совсем?

— Опасно, — предупредил Шульгин, но отговаривать не стал.

Егор, вытащил «Макаров», снял с предохранителя, зачем-то заглянул в дуло.

— Дай фонарь, — он повернулся к Баку. Тот, с проворностью, удивительной для его комплекции, метнулся к дверце «датсуна».

— Где там «скорая»? — раздражённо спросил кто-то из спецов.

— Сказали же, как заправятся, так и приедут!

Бак вернулся с фонарём. Щёлкнул выключателем, лампочка тускло засветилась.

— Так, привяжи к ноге, — сказал Шульгин, протягивая Егору моток капроновой верёвки.

Со стороны это выглядело забавно, но никто из собравшихся в этот вечер на кладбище не улыбался. В воздухе витало предчувствие... *(Того, что мы не одни)*. Каждый из полицейских это чувствовал, но предпочитал помалкивать.

Егор соорудил прямой узел, затянул покрепче.

— Возьми рацию, — предложил участковый.

— Куда я её, — Егор отмахнулся. В одной руке он держал пистолет, в другой фонарик.

— Как узнаем, когда вытягивать? — спросил Бак.

— Услышишь, — заверил Егор.

Он подошёл к норе. Бак, Шульгин и участковый последовали за ним. Остальные, казалось, наоборот, отступили. Егор сглотнул. Ему не хотелось соваться в нору, ведущую к могиле, но он отвечал за подопечного. «Ты насчёт собаки, сынок?» «Так точно, товарищ прапорщик!» Он опустился на колени, опёрся на локти. Вспомнилось, как вместе с Рэксом полз так же на локтях под сеткой из колючей проволоки. Только тогда в руках был автомат, а сверху, словно надзиратель, маячил сержант. Сейчас не было сержанта, и, по совести говоря, можно было спокойно дожидаться экскаватора, который бы разрыл эту чёртову могилу. «Вы несёте ответственность за своего подопечного» — звучало в мозгу.

И Егор пополз. Медленно — ведь никто его не подгонял, — прислушиваясь к темноте, которую не мог рассеять фонарик. Надо было батарейки заменить, мелькнула мысль, но Егор её отбросил. В машине батареек точно нет, а езда в участок заняла бы почти час.

Ему показалось, что он услышал... Будто колыхнулась вода в бадье. Остановился, стараясь осветить как можно дальше, но точащие корни, паутина и запутавшиеся в них старые листья вставали на пути и без того слабого луча. Странно, подумал Егор, проход зарос так, словно по нему давно никто не передвигался, но ведь прошло всего полчаса с того времени, как здесь прополз Рэкс, он должен был расчистить путь.

Егор прикинул, что продвинулся примерно на пять-шесть метров. Значит, его ноги давно скрылись из виду. Он нервно хихикнул, представив, как его ботинки исчезают в норе возле могилы. Бред. По его расчётам, буквально через два метра он должен наткнуться на гроб. «Лазаем по чужим могилам? Ай-яй-яй, нехорошо. А ну как кто-нибудь полезет в твою. В твою могилу, а Егор?» Он вдруг почувствовал, что хочет во что бы то ни стало выбраться из этого места.

Но, разумеется, он не собирается отступать. «Давай, пошёл!» — скомандовал призрачный голос. И Егор снова пополз. Дышать было тяжело, но не настолько, как он предполагал вначале. Если вдыхать осторожно, то пыль почти не попадает в нос. Хуже с локтями. Видавшая виды камуфляжная куртка, которая при нормальных обстоятельствах легко прослужила бы ещё месяц-другой, не выдержала столь грубого обращения. Егор не мог видеть, но чувствовал, что ткань на локтях прорвалась, и теперь голая кожа тёрлась о

влажную землю.

Ему показалось, или лаз расширяется? Егор сделал еще несколько движений локтями и теперь смог убедиться: ход стал шире и выше. Ему снова показалось, что слышит переливающуюся воду. Только теперь «бадья с водой» была гораздо ближе, буквально на расстоянии вытянутой руки.

— Рэкс, — шёпотом позвал он. Пёс не ответил. В какой-то момент ему показалось, что тускнеющий луч фонарика от чего-то отразился. В темноте сверкнули две мимолётные вспышки, когда он провёл фонарём справа налево. Он двинул фонарь в обратном направлении.

Участковый и Шульгин напряженно всматривались в неровный овал норы, один из криминалистов подтравливал верёвку. Бак стоял, облокотившись на капот «датсуна», в его пальцах тлел забытый окурок «Бонда». Ещё один полицейский сжимал в руках рацию и с нетерпением поглядывал в сторону дороги, откуда уже давно должна была появиться «скорая». Двое других криминалистов исследовали окрестности.

Все четверо вздрогнули, когда из-под земли глухо бахнули два выстрела.

Не прошло и секунды, как Шульгин ухватился за верёвку.

— Эй, Егор, чего там у тебя?! — взревел Бак. Он отшвырнул истлевший до фильтра бычок и подскочил к офицеру.

Больше из норы не доносилось ни звука. Шульгин вновь подёргал верёвку. Она натянулась, а парень в норе этому не слишком-то сопротивлялся. Капитан упёрся в землю кроссовками, которым давно уже было заготовлено место на свалке. Он кивнул Баку, тот тоже ухватился за твёрдый капрон.

Сначала верёвка не поддавалась, но в какой-то момент она ослабла так резко, что мужчины едва не упали. Они словно выдернули огромную пробку. Теперь верёвка, хоть и не без усилий, шла. Сначала показалась нога в перепачканной штанине, за ней последовала другая, и вот уже на свет появилась голая спина — куртка задралась до лопаток.

— Ещё немного, — прошептал Шульгин.

Они налегли на верёвку, и Бак с облегчением увидел, что все части тела напарника на месте. Голова измазана землёй, сквозь которую поблёскивает слизь, но, по крайней мере, она на месте! Руки Егора безвольно волочились по траве, в них не было ни фонаря, ни пистолета.

Мужчины одновременно кинулись к распластавшемуся на земле товарищу.

— Егор! — крикнул Бак, нагибаясь над напарником. Только теперь он разглядел, что голова того не просто *вымазана*, она *покрыта* слоем коричневатой жижи. На лицо и волосы налипли комья земли, но коричневая слизь преобладает. Егор, кажется, не дышит. Они повернули его на спину, Шульгин стал рукавом вытирать лицо.

Егор был жив. Веки его вздрогнули, он моргнул, а потом открыл глаза. В эту минуту на поляну с рёвом выскочила «буханка» «скорой помощи». Она ещё не остановилась, а двое — мужчина и женщина, уже выпрыгивали, сжав в руках сумки с красными крестами.

Егор отказался ехать в больницу, чему медицинская бригада была только рада. Они сгорали от любопытства: что же такое могло скрываться в могиле, уж не живой же труп, в самом-то деле. Егор откинулся на спинку сиденья «датсуна» и наблюдал за работой нескольких мужчин. Они усердно вгрызались лопатами в сырую землю, но переплетённые корни растений изо всех сил сопротивлялись.

Наконец одна из лопат звякнула о камень и провалилась вглубь. Рабочий, выпустивший из рук черенок, тупо смотрел вниз.

После короткого совещания рабочие стали копать ещё упорнее, но заметно аккуратнее. Никто не хотел провалиться в могилу.

Егор видел, несмотря на сгустившиеся сумерки, как побледнели лица людей, обступивших круглую, словно воронку от снаряда, яму. Он не заметил, как сам выскочил из машины и метнулся к замершим фигурам.

Первым пришёл в себя Шульгин. Он выхватил из-за пояса пистолет, и тишину кладбища потрясли разрывающие перепонки выстрелы. Выстрелы прекратились только тогда, когда обойма опустела.

Капитан ещё сжимал пистолет (это был не табельный «Макаров», а боевой «ТТ»), а Егор уже достиг рабочих, заморожено глазающих на дно могилы. Он посмотрел вниз, и в голове помутилось. В лучах нескольких фонариков зрелище было омерзительным. На дне могилы, как раз в том месте, где должен был находиться сгнивший гроб, распластались три бугристых лепёшки. Это было невероятно, но в могиле лежали три жабы. Все они были громадных размеров, но одна из жаб явно превосходила остальных. Егору показалось, что весит она больше центнера, но даже на самый трезвый взгляд её вес никак не меньше восьмидесяти килограммов. Две других заметно меньше, но и они размером с крупную собаку. Егор всматривался в трупы земноводных, пытаясь сообразить, в кого же из них он всадил две девятимиллиметровых пули (сам он факта стрельбы не помнил, но Бак уверял, что слышал два выстрела из-под земли).

Народ, наконец, пришёл в себя, поляна сразу ожила, и тут Егор наткнулся взглядом на одного из криминалистов. Парень стоял ни жив ни мёртв.

— Ну, — спросил его Шульгин, — что у тебя?

— Там... — выдавил парень с бледным лицом. Он указал на кладбище.

— Что «там»?

— Там сотни таких дыр, — выдохнул он. Глаза его подёрнулись плёнкой, и он повалился на спину, лишившись сознания.

Астероид

Можно любоваться до конца дней. Оранжевый шар в полнеба. Щербатый, похож на апельсин, но если присмотреться, «кожура» постоянно меняет структуру. Красный карлик. На самом деле — ого-го какой здоровенный.

За те несколько минут, что находился на солнце, скафандр успел изрядно нагреться, датчики в панике верещат о критической температуре. Эрик с трудом оторвался от завораживающего зрелища, нырнул в тень атмосферного генератора.

Тень приходится искать постоянно, астероид вращается резво, даже чересчур. Когда на орбите висело искусственное солнце, вращения заметно не было. Теперь же этот рукотворный ядерный фонарь унёсся вместе с атмосферой в сторону звезды.

Эрик потёр визор шлема рукавом — стекло покрывал плотный иней. Датчики вновь завопили, теперь уже о переохлаждении. Пришлось снова выйти на свет.

За последние недели поверхность астероида сменила изумрудный цвет густой растительности на серый. Теперь до горизонта лежит безжизненный грунт, и только сухие стволы некогда живых деревьев торчат куцыми щетинками. Наверное, из космоса астероид напоминает голову старика — скукоженное подобие шара с редкой растительностью.

Позади раздался протяжный стон. Эрик почувствовал, как сердце сжимают холодные пальцы. Стонет Мать, а он, её сын, ничего не может поделать.

Оглянулся, хотя столь простое движение потребовало немислимых усилий. Мать, похожая на исполинскую медузу, возвышается над окружающим рельефом. И всё-таки она заметно сдала, это видно с каждым днём всё отчетливее.

Эрик вспомнил те счастливые годы, когда он, совсем ещё карапузом, нёсся по мягкой сочной траве и прижимался к одному из пульсирующих щупалец. И тут же щупальце становилось теплее — это Мать давала родной кровиночке знать, что любит, и любовь эта бесконечна.

Из учебников он знал, когда-то людей рожали другие люди, и вроде бы даже сейчас так делают, но в каком-то потустороннем мире на другом краю галактики. И даже первые поселенцы были рождены человеком. Разными людьми. Это не укладывается в мозг, но основания не доверять книгам, у Эрика нет. По преданию, прибывшие с далёкой Земли первопроходцы активировали Мать — биомеханический инкубатор; зажгли на орбите искусственное солнце и принялись создавать атмосферу, пригодную для жизни. Генераторы производили кислород, мини-солнце потихоньку растапливало залежи льда.

Эрик и ещё пять сотен колонистов — двадцатое поколение, произведённое на свет матерью. Похоже, станет и последним. Уже стало, потому что из этих пятисот жив только Эрик. Да и то, ненадолго.

Эксперимент должен был стать величайшим за всю историю человечества. Учёные выискали подходящий астероид около тысячи километров в поперечнике и с мощным магнитным полем, почти не уступающим земному. На удивление, небесное тело имело серьёзные запасы воды, которых должно хватить на тысячи лет. А дальше — группа добровольцев и необходимое снаряжение. Да, первым колонистам пришлось до конца дней ходить в скафандрах, зато первые дети к концу жизни смогли скинуть шлемы и вдохнуть полной грудью настоящий свежий воздух.

Ничто не предвещало беды, колония процветала, освещённая сторона астероида превратилась в невероятных размеров оазис. Мать разрослась, пустила корни, хотя подкармливать её приходилось людям, ибо грунт астероида абсолютно не подходит для питания её корневой системы. Но воды хватало, пищи, благодаря гидропонике, тоже. И если первые роды принесли всего пятнадцать малышей, то двадцатые — пятьсот, и это притом, что колонистам пришлось ещё и вносить ограничения в численность потомства — всё-таки ресурсы планетоида не безграничны.

Эрик подумал о братьях и сёстрах, которые уже отдали жизни той, что выносила их и родила, и зубы скрипнули сами собой. Каково Матери, которая вынуждена питаться телами своих отпрысков? Подобную ситуацию учёные не могли видеть даже в ночных кошмарах. Но вот реальность — малое небесное тело, заселённое двуногими, на очередном витке приблизилась к светилу на критическое расстояние. Чтобы пережить катастрофу, нужно сохранить Мать. Она способна переносить самые жёсткие условия, но для этого требуется накопить «жировую прослойку»: запасы воды и биоматериала. Зато после пика кризиса, снова сможет рожать. И новые колонисты восстановят атмосферу, запустят на орбиту новое солнце.

Язык прилип к небу, хотя бы капля воды... Эрик тряхнул головой. При желании можно найти способ утолить жажду, но сейчас не время думать о себе. Теоретически, через месяц-полтора астероид преодолеет притяжение звезды и вновь нырнёт в холодный мрак. Кислородные генераторы перестанут работать вхолостую, и спустя какое-то время можно будет снова обходиться без скафандра. Переждать... Получится ли. И переживёт ли мать без дополнительной порции биоматериала? Эрик в который раз пожалел, что жребий остался последним колонистом выпал ему. Так бы шагнул, не задумываясь, в желудок Матери, счастливый тем, что внёс лепту в её спасение. Теперь же дилемма: что важнее, его жизнь или помощь Матери. Даже если Мать переживёт катастрофу, сможет ли создать условия для роста и обучения потомства? Не должен ли он, Эрик, стать её опорой?

Разрабатывая Мать, учёные применили гениальный метод. Вместо того, чтобы та производила клонов, в её мозг был внедрён генератор случайных кодов ДНК, поэтому все дети отличались друг от друга, как если бы родились от разных особей. Генетическое разнообразие ускоряло освоение небесного тела и давало больше путей развития социума. К тому же не приходилось возиться с младенцами — в полостях Матери дети росли и получали базовые знания. Наружу выходили почти готовые к жизни поселенцы.

Проект «Астероид» должен был стать резервом человечества на случай гибели Земли.

И вот этот резерв летит ко всем чертям. Красный карлик, подобно вампиру, вытягивает все соки и без того хрупкого мира.

Эрик в очередной раз поскоблил визор, выглянул из-за приземистого строения. Вот он, дьявол в виде оранжевого шара. Бурлит, как ядовитое варево. И жарит. Жарит так, что вот-вот серый грунт станет красным и начнёт плавиться.

Снова протяжный стон. Матери плохо. Если она не переживёт, толку от Эрика не будет никакого. Ну, запустит он новое солнце. Ну, дождётся восстановления атмосферы. А дальше? Мучительное ожидание смерти или спасительного безумия. Дилемма — без него живого может не выкарабкаться новое потомство, его младшие братья и сёстры. Без его жертвы может погибнуть Мать, и тогда вообще всё теряет смысл.

Эрик отполз в тень, прикусил губу. Вселенную заполнили боль, солоноватый вкус и отчаяние. Капли конденсата, залепившие стекло, сделали изображение сюрреалистичным, и Эрик подумал, что сходит с ума. Ответственность — вот какого гена не хватает в его случайно собранной спирали ДНК. Он просто не способен взвалить на себя то, чем не наделила природа. Среди пяти сотен колонистов нашлось бы достаточно тех, кто смог бы сделать правильный выбор, но жребий пустил их на корм. Несправедливость — вот что такое бог, вспыхнуло в мозгу.

Датчики стаей сверчков верещали о переохлаждении.

Эрик посмотрел на небо. Почти чёрное, если не считать оранжевого пятна звезды. Когда вернётся атмосфера, небо вновь станет голубым. Ему нестерпимо захотелось вернуть всё, как было. Если постараться, этого можно дожидаться. Он перевёл взгляд вниз. В тени грунт казался сделанным из сажки. И всё же смог разглядеть желтоватые крылышки — мёртвая бабочка. В недрах Матери хранятся личинки и зародыши сотен видов живых существ. Для того, чтобы они вновь заполнили астероид, нужно только вернуть подходящие

условия. А для этого должна выжить Мать.

Эрик выдохнул газовую смесь, её тут же втянула система вентиляции. Красный карлик скрылся за горизонтом, с каждым разом он делал это всё медленнее — могучая гравитация звезды постепенно останавливала вращение планетоида. Эрик уже не обращал внимания на датчики. Он принял решение. Шаг, ещё шаг. Попытался считать, но сбился. И вот перед ним исполинская глыба Матери. На ней инея почти нет, она находится слишком далеко от кислородного генератора. Вот и щупальца, их концы зарылись глубоко в грунт. И тепло, которое чувствуется даже через скафандр.

Биоприёмник нехотя распахнул створки.

Интересно, оплакивает ли Мать предстоящую смерть последнего дитя? Эрик щёлкнул зажимом, стекло визора откинулось вверх. И тут же к лицу устремились мягкие влажные ворсинки, несколько мгновений и всосут последнюю порцию пищи.

— Мама! — выдохнул Эрик незнакомое слово и почувствовал невероятный прилив нежности.

Творец

— Серёж, у Машеньки температура тридцать семь и семь.

Вика стояла в дверях растрёпанная, с тёмными кругами под глазами.

— Может, скорую вызовем?

Сергей оторвался от экрана ноутбука, посмотрел на жену.

— Тридцать семь и семь? Вроде не так уж много. Да и время, — он указал пальцем на светящиеся на стене цифры, — ночь почти.

— Она уснуть не может...

— Ну, Викуль, сама подумай, с такой температурой даже таблетку пить рано, не то что скорую вызывать. Вот что они могут сделать?

Вика вздохнула и пожала плечами.

— Не знаю, — тихо сказала она. — Но что делать мне?

— Ну, посиди с ней, сказку почитай. Может, уснёт.

— А ты... Может, придёшь к нам?

Начинается, подумал Сергей. К чему такая паника? Надо же, именно сейчас. Выдержал паузу, борясь с раздражением, и произнёс, стараясь, чтобы голос звучал как можно мягче:

— Ну, любимая, ты же знаешь... Мне же завтра с утра нужно быть в редакции. С готовым текстом. Семёныч и так злой.

— Знаю, извини, — Вика подошла, чмокнула Сергея в щёку и скрылась в темноте коридора.

Он посмотрел вслед, тяжело вздохнул. Да, при всех плюсах есть в семейной жизни и подводные камни. До тридцати семи обитал один и свободу действий считал чем-то самым собой разумеющимся, но вот появилась Вика, и всё изменилось. Спустя три месяца после знакомства стали жить вместе, а ещё через шесть поженились. С Викторией в холостяцкую квартиру пришёл уют, и Сергей не заметил, как весь уклад его существования кардинальным образом перестроился. А ещё больше всё изменилось с рождением дочери.

Сергей вернулся к экрану. Завершённый почти месяц назад роман упорно не желал редактироваться. Сергей вглядывался в корявые фразы, за которыми маскировались длинные плоские предложения-гусеницы, качал головой. Ну нет, не приходят на ум точные, выверенные слова, а метафоры если и придумываются, то такие убогие, что не стоит и пробовать вставить в текст. Единственное, что с горем пополам удаётся — прополка слов-сорняков, но с этим справится и новичок. Ещё страниц сто впереди, а между тем завтра крайний срок сдачи романа, о чём сегодня Семёныч недвусмысленно намекнул. Вообще, Семёныч нормальный мужик. Как редактор — так себе, но где сейчас найдёшь хорошего редактора? Зато человек неплохой. Хотя и чересчур придирчивый.

— Ну, как она? — спросил Сергей, увидев вернувшуюся из детской жену с градусником в руке.

— Ничего, получше. Приготовлю бульон, а пока пусть спит.

Сергей взглянул на часы. Без двадцати девять. Не прошло и трёх часов, как выключил ноутбук. Пять минут назад он невероятным усилием воли разлепил веки, не будь будильника, продрых бы до обеда. Но к десяти нужно быть в редакции.

— Вид у тебя, конечно... — Вика усмехнулась. Она и сама выглядела не лучше, всю ночь бегала в комнату к дочке, мерила температуру.

— Ничего, мне можно. Семёнычу главное книгу заполучить, а выглядеть могу хоть чёртом.

Сергей застегнул рубашку, взял с тумбочки пульт от сигнализации, нажал кнопку. За окном пискнуло, и послышалось тарыхтение.

— Серёж, зачем тебе вообще ехать? — вдруг спросила жена. — Что, нельзя скинуть по электронке?

— Я скинул. Сразу же, как закончил. И уверен, Семёныч уже читает. А когда приеду,

ткнёт в недочёты. Конечно, это тоже можно письмом, но Семёныч любит лично в говно макнуть, мне иногда кажется, он из-за одной этой возможности подался в редакторы. Для этого даже готов ночевать на работе.

— Так может, сменить издателя?

— На кого? Разве у нас есть подобные издательства? Или в Москву ехать? Не вариант, по-моему. Да и вообще, Семёныч ничего мужик, я привык.

— Ну, твоё дело, — Вика махнула рукой. — Привет передавай.

— Передам. А ты лечи ребёнка!

Сергей чмокнул подставленную щёчку и вышел во двор.

Порыв ветра неприятно хлестнул по щеке. Сергей поморщился. Сидя дома, забываешь, что на улице середина октября. Вдохнул прохладный воздух и огляделся. Три года назад выбрал этот неприметный участок в шесть соток на окраине Серебряного, который привлёк как раз отдалённостью от цивилизации. Здесь ничто не отвлекает от работы, да и на отдых никуда не надо ездить — вон какая природа вокруг! Лес, обступивший участок с трёх сторон, сейчас искрился невообразимым количеством красок: дубы всех оттенков жёлтого, красные клёны, оцетинившиеся глубокой зеленью хмурые кедровые деревья... Самое время писать. Жаль, в пагоде стало прохладно. Пагоду Сергей велел выстроить, когда в доме ещё полным ходом шли работы по отделке. Рабочие-китайцы если и удивлялись необычному пожеланию европейца, то вида не подавали. Построили быстро и красиво. В пагоде Сергей работал в тёплое время года, пристроив ноутбук на миниатюрном столике. Здесь словно открывался информационный канал, доступный только людям творческих профессий, мозг начинал работать на полную мощность, а образы выступали объёмные и яркие, что в других местах случалось лишь от случая к случаю. В первую осень Сергей сильно сожалел, что холода заставляют переместиться в дом, но вскоре понял, пагоде нужен отдых. Наверное, связь с космосом в ней не прямая, пагода накапливает за зиму некоторое количество энергии или информации, а в тёплое время отдаёт. И Сергей смирился с таким положением вещей, тем более у кабинета тоже есть свои плюсы.

Припарковав внедорожник так же безобразно, как это делают горожане, Сергей зашёл в издательство. В нос ударил запах краски и чего-то кислого, а из-за стены раздавались мерный стук и жужжание. Быстро вбежал по бетонной лестнице на второй этаж и остановился у двери с вывеской: «Главный редактор. Ловкач Валентин Семёнович». Пару раз стукнул и решительно повернул ручку.

Хозяин кабинета смотрел в монитор, растёкшись в огромном, больше похожем на трон кресле, подобно выросшей в миллиарды раз амёбе. При появлении гостя редактор не сдвинулся с места, переместились только зрачки глаз, теперь они сфокусировались на Сергее.

— А, Серж явился! — раздалось из глубины амёбы. — Привет!

Бесформенная масса зашевелилась, отчего кресло жалобно застонало, и вырастила ложноножку, оказавшуюся пятернёй.

Сергей пожал протянутую руку и, не став дожидаться приглашения, уселся на ближайший стул.

— Что скажешь, — спросил редактор? Теперь он вполне походил на человека: тучный, лысый, с красными, словно нарисованными глазами, **всё-таки** это был человек.

— Я всё сказал вон там, — Сергей ткнул пальцем в сторону монитора.

— Ценю. Думаю, партнёры тоже оценят...

Сергей усмехнулся:

— Меня или книгу?

— Книгу. Могу поздравить, правки в этот раз не будет. По крайней мере, с моей стороны.

— Семёныч, мне не до шуток.

— А чего так? Понимаю, город, люди... Да?

— Ну типа того.

— Серж, я не шучу. В этот раз книга реально хороша. Ты выходишь на новый уровень. Я тебе точно говорю.

Сергей глубоко вздохнул, пальцы потёрли переносицу. Другой бы радовался: рукопись принята без правки. Но, зная характер редактора, въедливый и нудный, Сергей научился держать с ним ухо востро.

— Итак, всё хорошо, но...

— Серж, да Лёшкин крот! — взвизгнув толстяк и для убедительности хлопнул ладонью по ляжке. — У тебя паранойя развивается. Наверняка, от жизни в глуши.

— Наверное, — серьёзно сказал Сергей и пристально посмотрел на редактора. — Значит, завершение серии вышло удачным...

Редактор отвёл глаза и закашлялся.

Сергей продолжал гипнотизировать.

— Я... — толстяк снова кашлянул, — я как раз хотел на эту тему поговорить...

— Уважаемый Валентин Семёнович, — усмехнулся Сергей, — я же правильно понимаю, что контракт наш подошёл к концу и дальше я могу писать всё, что вздумается?

— Совершенно верно! Можешь хоть в экзистенциальную философию удариться, твоё право...

— Но?..

— Да без всяких «но», — возразил толстяк. Он раздражённо взмахнул пухлой рукой. — Просто ты должен понять, серия «Альбома» тебе откровенно удалась.

Сергей мысленно скривился, вспомнив, сколько крови попортил ему Семёныч при подготовке к изданию предыдущих четырёх книг. Причём три из них как раз «альбомной» серии. Собственно, работая над «Альбомом», о серии Сергей не думал. Максимум, думал он, можно будет сделать дилогию. С тем и пришёл тогда в редакцию. И, надо сказать, Семёныч не возражал. Просто разбил «Альбом» в пух и прах, только щепки по ветру, и тут же предложил контракт ещё на четыре книги, при этом тематика не оговаривалась. Раздумывал Сергей ровно одну минуту. Тем более что в случае подписания контракта, вместо минимального гонорара за первую книгу получит в два раза больше. И он подписал. А на следующий день Семёнович предложил написать продолжение «Альбома». Так появился «Альбом 2». После этого редактор самоустранился на месяц, а Сергей начал работать над следующей книгой, отношения к «Альбому» не имевшей. План был составлен, Сергей, потирая руки от предвкушения, работал над образами героев. И тут редактор пригласил к себе и доходчиво объяснил, почему Сергею лучше отложить начатый шедевр, а вместо этого слепить очередную серию «Альбома». Переговоры шли нервно, Сергей и так почти сдался, а тут редактор вынул припасённый для решающего хода козырь: гонорар за третий «Альбом» будет превышать полученное Сергеем за две предыдущие книги вместе взятые. Сергей пожонглировал суммами в уме и понял, что теперь сможет купить дом подальше от цивилизации, о чём мечтал всю сознательную жизнь. И, скрепя сердце, согласился, решив выкраивать хоть немного времени и на уже начатую книгу. Третий роман «альбомной» серии назвал «Вывернутые страницы». Книга имела серьёзный успех, и через два месяца напечатали дополнительный тираж. Между тем Семёныч был недоволен слишком однозначной концовкой книги и потребовал придумать, как можно выкрутиться и обосновать написание продолжения. Сергей собирался послать и Семёныча, и московских партнёров, но тут его сайт, разработанный по заказу редакции, рухнул от наплыва посетителей, которые превозносили автора и требовали продолжения. И Сергей в очередной раз сдался, вытребовав, однако, возможность издать книгу вне серии. Тем более, она наполовину готова. Семёныч попсиховал, назвал Сергея зелёным юнцом, не думающем о собственном будущем, и дал три месяца. Так появился «Тихий день», — роман, которым Сергей по-настоящему гордился. Читатели, тем не менее, книгу встретили прохладно; не оценили её и критики. И вот, Сергей написал «Листающий».

— Значит, — сказал Сергей, — следующая серия будет ещё более удачной.

Редактор всплеснул руками:

— Опять двадцать-ноль! И годы работы койоту в хвост, да?

Сергей тоже начал злиться. Но промолчал.

— Сергей, — строгим голосом сказал редактор, — у тебя жена, ребёнок, подумай о них. «Альбом» — золотая жила, а новая серия — это рулетка. И, как ты понимаешь, новый, а точнее минимальный, гонорар.

— Ага, значит, условия вашей конторы таковы? — Сергей сделал ударение на слове «вашей» и посмотрел поверх очков.

Редактор если и понял намёк, виду не подал. Побарабанил пальцами по лакированной поверхности стола, пошевелил ноздрями и пробурчал:

— Давай-ка месяцок отдохни. Конечно, на презентацию книги, да ещё на пару мероприятий придётся явиться... А там посмотрим, что с тобой делать. Согласен?

— Нет!

Редактор вскинул брови.

— Мне нужно полгода. Если за это время не найду другое издательство, тогда поговорим.

— Полгода? Ты с ума сошёл! Или по истечении этого времени ты принесёшь две рукописи?

— Нет. Шесть месяцев я не притронусь к клавиатуре. После чего мы встретимся и обсудим, какую книгу мне написать.

— Серж, мы что здесь, в игры играем? И не надо мне про вдохновение и прочую ерунду. Ты — профессионал. По крайней мере я всегда так думал. Вот сейчас ты подставляешь и меня, и ещё кое-кого, потому что там, — он ткнул пальцем в желтоватую люстру, — такого не понимают. Так вообще нигде не делается. Это же бизнес!

Сергей встал, развёл руками:

— Извини, Семёныч, значит, я такой негодяй. На презентацию приду, это ж часть контракта. А дальше — до свидания! Не даёшь полгода, значит, уйду во фриланс.

Сергей развернулся и вышел, стараясь не делать резких движений, хотя ох как хотелось показать нахлынувшее раздражение.

Через неделю Сергею позвонили. Номер оказался незнакомым и он внутренне напрягся. Только вчера отмучился на презентации «Листающего», народу было как селёдок в бочке, но главную нервозность произвёл визит мэра, одно хорошо: у главы города нашлось всего четверть часа, чтобы отметить на триумфе знаменитого земляка. И вот теперь, похоже, надумали позвать ещё на какое-нибудь собрание.

Но нет, звонили из Москвы. Компания-разработчик компьютерных игр. Хотят сделать игру по мотивам «Альбома». Предложение было настолько неожиданным, что Сергей растерялся.

— А как же... — залепетал он, — Это мне в Москву лететь?

— О, нет, конечно, — заверил молодой мужской голос. — Достаточно цифровой подписи. Мы вышлем по электронке вариант договора, вы можете внести изменения...

Наутро следующего дня Сергей подписал договор. Без всяких правок. И плевать, насколько разработчики извратят созданный в книге мир. От «Альбома» просто воротит. А пять тысяч долларов — сумма хоть и невеликая, но в хозяйстве полезная. Тем более — на халяву.

Он сидел за ноутбуком, пытался с помощью специальной программы создать лицо злодея для новой книги. Герой дался легко, распечатанный фоторобот уже пылится в ящике, а вот его визави лепится с трудом. Сергей щёлкал и щёлкал по пиктограммам, тянул туда-сюда ползунок, всё было не то. Впрочем, такое случалось часто, а если быть честным, то каждый раз, тем не менее в конце концов все образы получали законченный облик, поэтому нужно набраться терпения и всё получится. Сейчас бы покурить, мозги сразу придут в норму, но Сергей три года как бросил, пообещал жене: родится ребёнок, больше ни одной сигареты.

Пока что обещание удавалось сдерживать. Глотнул остывший кофе, но почувствовал лишь горечь. Удивительно, он только теперь по-настоящему свободен, контракт с издательством окончен, можно писать что хочешь и как хочешь. Как тогда, когда только начинал работать над «Альбомом». Теперь же за плечами опыт из пяти романов, должно быть намного проще. Но нет, голова пуста, и никак не получается сосредоточиться.

Прикрыв ноутбук, он решительно встал, зацепил в коридоре куртку и вышел во двор. Густые сумерки, пропитанные запахом умирающих растений, растеклись по деревне, и только редкие тусклые огоньки подрагивают, безнадежно проигрывая в борьбе с безлунной ночью. Сергей постоял немного, привыкая к темноте, и вдруг понял, что по ту сторону забора за ним наблюдают. Поправил очки, пригляделся. Так и есть, еле заметный огонёк и запах табачного дыма.

Сергей стремительно преодолел двор и выглянул из калитки.

— Зablудились? — спросил он, постаравшись, чтобы голос звучал уверенно.

Огонёк сигареты вспыхнул ярче, очевидно, незнакомец глубоко затянулся, но ответа не последовало.

Сергей осторожно шагнул на улицу, оставив калитку открытой. Он не знал, на кой чёрт ему сдался этот тип, мало ли какого психа может занести на окраину деревни.

— Эй, уважаемый, — снова позвал он.

На этот раз незнакомец откликнулся:

— Уважаемый? Ну, если угодно... — голос показался Сергею отдалённо знакомым.

Невидимый собеседник сделал шаг навстречу, и из темноты проступила высокая фигура. Сергей прикинул, что рост незнакомца один в один с его собственным.

— Мы знакомы? — осторожно поинтересовался Сергей. Их разделяли три метра, и лицо собеседника оставалось неразличимым. Уж не какой ли психованный поклонник, мелькнуло в голове.

— Сложный вопрос, — отозвался тот, — ведь иногда и сам себя не знаешь, верно?

Ну, точно псих, подумал Сергей. Он пожалел, что не прихватил с собой пистолет или на худой конец отвёртку.

Тем временем незнакомец сделал ещё один шаг, и Сергей смог различить общие черты лица. Нет, пожалуй, видит этого типа впервые. Камуфляж, военные ботинки, кожаные перчатки без пальцев. Волосы забраны в хвост. Колоритный персонаж, особенно для сельской местности.

— Пишешь? — неожиданно поинтересовался незнакомец.

Сергей сделал неопределённый жест.

Осведомлённость психа ему не понравилась. Будь это где-нибудь в магазине, днём — дело другое. Но поздним вечером, рядом с собственным домом, где ничего не подозревающие жена и дочка... Сергей почувствовал, как тело покрывается мурашками.

— Хорошо, когда вот так, само, будто с неба...

Незнакомец вскинул голову и уставился на затянутое чернильными тучами небо.

Чёртов псих, думал Сергей. Как бы поненавязчивей отделаться? Не хочется полиции, а то шумиха поднимется... Всю жизнь мечтал, чтобы никто не трогал, не озадачивал общением и вообще присутствием. Для того и сбежал из города. Оказывается, зря надеялся.

— ... Не надо ходить на работу, пишешь, когда вздумается, — продолжал незнакомец. — Можешь вообще целыми днями рубиться в стрелялки, смотреть порнуху, драть. Ну, типа работаешь.

— Послушайте, что вам нужно?

Сергей понял, что голос у него дрожит и постарался расслабиться. Но сырой промозглый воздух запускал щупальца под незастёгнутую куртку, и дрожь только усиливалась.

— Кому какое дело, что нужно мне? — резко спросил незнакомец, — Это тебе было нужно, и ты получал всё, что просил.

— Уважаемый, единственное, о чём я вас прошу: убирайтесь!

— Да я-то уберусь, — незнакомец усмехнулся, — а вот тебе нужно сделать выбор. Мы твою мечту осуществили. Дальше — за плату.

— Что? Вы о чём?! — Сергей не заметил, как сорвался на крик. — Кто ты, сукин кот?!

— Макс. Макс Грэй. По крайней мере, мне нравится так себя называть. Помнишь кулон?

— Кулон? — пролепетал Сергей и почувствовал, как сердце камнем несётся в бездну.

— Именно. Та бронзовая фигурка, которую ты просил о помощи.

Да, он помнит кулон. В памяти всплыла сцена пятилетней давности. Сергей брёл ночью вдоль длинной стены склада, зарешёченные окна чередовались с металлическими дверями, на каждой из которых висит ржавый замок. Замки разные: есть совсем крошечные, как на почтовых ящиках, такие поддень — отвалятся; есть массивные, с дужкой толщиной в палец грузчика, к таким можно не приглядываться, вряд ли вскроют, когда вокруг полно тех что похлипче. Фонарь светил еле-еле — аккумулятор дышал на ладан, а глаза слипались и, чтобы не уснуть на ходу, Сергей напевал песенку: «Солдат всегда здоров, солдат на всё готов...». И тут умирающий луч фонаря выхватил металлическую фигурку на краю лужи. Сергей наклонился, поднял валявшуюся на краю глубокой никогда не высыхающей лужи бронзовую статуэтку. Точнее, она только выглядела как статуэтка, на самом деле — какая-то подвеска, потому что на макушке выступала почти незаметная петелька. Сергей сполоснул находку прямо в луже и посветил почти в упор. Какой-то человечек, усеянный короткими шипами и с двумя кинжалами в прижатых к груди руках. Исполнение довольно грубое, но есть в ней что-то необычное. Не задумываясь, Сергей сунул фигурку в карман.

Неделю спустя, накинув куртку, он выбрался из каморки, гордо именуемой постом охраны. Снова ночь и снова обход. Сердце сжималось от безысходности и тоски. Тупая работа за мизерную зарплату. Мозг бунтовался и в качестве защитной реакции пытался увязнуть в трясины сна. Сергей, вдохнув прохладный ночной воздух, поплёлся по территории. В кармане что-то мешалось, а в таком состоянии его раздражало буквально всё. Запустив руку в карман, он вздрогнул. Пальцы коснулись холодного. Лишь спустя мгновение вспомнил о необычной находке. Достал увесистый кусочек бронзы, взгляделся в миниатюрную головку. Глаз у фигурки не было, и пустые глазницы смотрели на Сергея равнодушно и немного укоризненно.

Наверное, сказались ночной холод, жутковатый свет полной луны и общее эмоциональное состояние. Сергей вытянул бронзовую фигурку перед собой и громко заговорил, выплёвывая слова в пустоту ночи:

— Мне надоело быть никем. Мне надоело быть неудачником. Я не хочу многого, но дай мне силы написать пять книг. Не нужно больше, этого будет достаточно, чтобы жизнь была прожита не зря. Пять книг. Пять.

В те времена, работая где получится и выдавливая из себя один-два рассказа в год, Сергей действительно считал, что у него никогда не хватит усидчивости написать даже один роман. Но прошло не так много времени, родилась идея (воображение нарисовало её в виде обширного озера с серой непрозрачной водой), из которой можно вычерпать нечто крупное. Так был написан «Альбом». А дальше всё понеслось само собой, и Сергей стал забывать, что отнюдь не всегда был писателем.

— Это символ Чон Ту, — вещал между тем незнакомец, назвавшийся Максом Грэм. — Он выполнил твоё пожелания, ведь так?

— Чон Ту? Это какой-то бог?

— Если тебе так важен эпитет, то пусть будет бог. В словах сила, но сами они пусты.

Сергей не мог поверить в реальность происходящего. Этот Грэй несёт полную чушь, а он, всегда считавший себя как минимум разумным, эту чушь слушает. Но откуда этот тип знает про пять книг? Нет, как раз с книгами всё просто, любой читатель это выяснит за одну минуту. Но кулон... так назвал его незнакомец? Как может знать про кулон, если его видели только сам Сергей и Вика? Бронзовая фигурка до сих пор валяется в ящике стола, Сергей не раз на неё натёкался, но рука не поднималась выкинуть.

— Прекращай строить догадки, — сказал Грэй, — у тебя аж лицо перекошило, так извилины шевелятся. В общем так, если начистоту, выбора никакого и нет. Те пять книг расценивай как подарок. За то, что нашёл и приютил у себя. Для сведения: это единственное материальное воплощение Чон Ту. Копий нет. Так вот, подарки закончились. Дальше всё просто: хочешь писать, пиши. Но помни, не ты пишешь — Чон Ту ведёт тебя по пути творчества. А за это ему нужно одно — твоё будущее. В данном случае это твоя дочь. Каждая написанная тобой строка будет забирать её жизненные силы. Впрочем, она крепкая девочка, её может хватить надолго...

У Сергея перехватило дыхание.

— При чём здесь моя дочь? — только и смог выдавить он.

— Так вышло. Будь у тебя сын, жертвой стал бы он.

Нет, это не может быть реальностью. Бред. Нужно найти зацепку, и всё встанет на свои места. А то попался, как корюшка на презерватив.

— Может, какие-то вопросы? — поинтересовался Грэй. Было видно, что он собрался уходить. — Гляди, помрёт бабулька с первого дома на соседней улице, а обвинят тебя...

— Пош-шёл ты! — прорычал Сергей. Нестерпимо захотелось проломить этому уроду череп. Чтобы хруст на всю округу и запах крови. Его колотило от ярости, но больше — от страха. Какой бы ахинеей не казались слова Грэя, вынужден признать, что верит каждому услышанному слову. И не важно, на чём эта вера основана. Может быть, в глубине души ждал чего-то подобного?

Когда Сергей смог более-менее справиться с эмоциями, рядом никого не было. Судорожно огляделся, но увидел лишь промелькнувшую тень кошки. Деревня спала, и только шелест падающих листьев да крик ночной птицы теребили воздух, прохладный и недружелюбный.

Утром воспоминание о разговоре с Максом Грэем расплылось и потеряло остроту. Вроде и было, а вроде и нет. Перед завтраком Сергей достал из сейфа травматический пистолет, палец привычно отщёлкнул обойму: полная, — и вернул оружие на место.

Почти до обеда падал редкий снег, но снежинки, похожие на куски ваты размером с кулак быстро превратили играющий красками пейзаж в однородную грязно-белую массу, рябую и неприветливую. Сергей прошёлся веником по тропинке, хотя полуденное солнце уже начало подтапливать холодное покрывало, смёл снег с машины, после чего вспомнил, что не мешает запастись продуктами.

Вернувшись из магазина, о ночном происшествии он уже не думал.

Неделю или чуть больше Сергей занимался домашними делами, играл с выздоровевшей дочкой, а по вечерам потягивал баночное пиво «Саппоро», под мелькание кадров матча английской Премьер-лиги. Работать не хотелось совершенно.

Но семья мужчине для того и дана, чтобы держать в тонусе. И Сергей понял, что работать всё-таки придётся. Нет, как и обещал Семёнычу, полгода никаких книг. Нужно что-нибудь другое, временное. Но местная биржа труда предлагала только сторожить и убирать. Нет, Сергей ещё не настолько зазвездился, чтобы считать подобную работу ниже своего достоинства — элементарно не устраивала зарплата. И тут, в очередной раз скролля сайт, предлагающий варианты дистанционного заработка, наткнулся на объявление, которое показалось интересным. Некое рекламное агентство «Экспромт», базирующееся в северной столице, ищет копирайтера. Работа на дому, гонорар переводится на банковский счёт. От кандидата требуется умение грамотно писать, а сама работа заключается в придумывании рекламных текстов, в том числе слоганов и девизов. В чём отличие слогана от девиза, Сергей понимал весьма смутно, впрочем, выяснить не составит труда. Написал электронное письмо на адрес агентства, упомянув, что является профессиональным писателем, но совершенно без опыта работы в рекламной индустрии. Ответ пришёл следующим же утром, ему сообщили, что можно приступать к работе, потому как в компетенции соискателя не сомневаются, ибо

«наслышаны о его книгах». Ага, как же, подумал Сергей, погуглили, тогда и «наслышались». Как бы то ни было, теперь у него есть работа. В последний момент промелькнула мыслишка отказаться, сославшись на изменившиеся обстоятельства, но тут вспомнились слова кого-то умного, что главное в драку ввязаться, а там видно будет. И Сергей ввязался.

Ему скидывали примерный план рекламного проспекта или листовки, он делал текст читабельным и возвращал заказчику. Платили немного, сначала даже показалось слишком мало, но заказы валили, как белые хлопья в снежную бурю, поэтому цифры на счету довольно быстро стали меняться в сторону увеличения. Неделю спустя Сергей шлёпал тексты, как пирожки, тратя совсем немного времени.

Новый год подкрался незаметно. В последний месяц Сергей почти не вставал из-за компьютера: в рекламном бизнесе шёл самый сенокос, и все компании спешили огорошить народ невообразимыми скидками и бесконечными рассрочками. Мозг кипел, Сергей наверняка бы умер от голода, живи он один, так затянула работа, больше похожая на сумасшедшую скачку. Но Вика по крайней мере два раза в сутки закрывала перед ним ноутбук и пичкала едой, вкуса которой он не замечал, как не заметил и того, что дома появилась ёлка, уткнувшаяся розовой звездой в потолок.

За два дня до праздника Вика в очередной раз выдернула его из-за экрана, но кормить не спешила.

— В чём дело? — спросил Сергей, заметив странное выражение на лице жены.

— А ничего, что через два дня Новый год? — поинтересовалась Вика, уперев руки в бока.

До Сергея начало доходить. Полтора месяца он только и делал, что писал о новогодних супермегапредложениях, при этом, будто находясь в совершенно иной реальности. Как если бы те, кому предназначались его опусы, были не более чем персонажами компьютерной игры.

— Викуль, прости, заработался, — сказал он, а сам подумал, что звучит это как «кто вы такие и что вам надо? У меня есть свой мир, тут, в компе, а вы мельтешите, мешая сосредоточиться».

Жена смерила его долгим задумчивым взглядом. Сергей, несмотря на то, что в комнате стоял полумрак, ясно увидел радужки её глаз. Ярко-зелёные, они испускали заметное свечение. Как у ведьмы, подумалось вдруг, но он отогнал эту мысль.

— Всё, сегодня — последний день, — пролепетал Сергей. — Доделаю начатое и до рождества забуду, как включается ноутбук. Хорошо?

Сергей почувствовал, что нос наполняется жидкостью. Стало тяжело дышать.

Вика не ответила, но свечение в её глазах постепенно угасало. Наконец она сделала рукой неопределённый жест и так же молча вышла из комнаты.

Сергей рухнул на стул. Усталость, накопленная за полтора месяца недосыпания и умственного перенапряжения, подобно лавине, обрушилась многотонной массой. Губы стали мокрыми и язык уловил солоноватый привкус. Сергей прикоснулся к лицу и тут же одёрнул ладонь. Пальцы стали красными. Кровь мерцала размазанным фиолетом, подсвеченная экраном ноутбука. «Парень, тебе нужно отдохнуть», — сказал внутренний голос. Нет, я в порядке, запротестовал Сергей, нащупывая в аптечке моток бинта. «Тогда остаётся второй вариант», — продолжал внутренний голос. Какой такой второй, испуганно подумал Сергей. Но внутренний голос молчал.

Беззвучные разговоры с самим собой преследовали Сергея все детские годы, начиная лет с пяти. И закончились к совершеннолетию. Сам он этого почти не вспоминал, но в те редкие моменты, когда в памяти всё-таки всплывал отрывок из такого диалога, Сергей относил его **на счёт** своей стеснительности, которая в детстве оборачивалась недостатком общения. Видно, подсознание тогда пришло на помощь, создав ему невидимого собеседника, обладающего, впрочем, вполне реальными чертами характера. Сергей знал, многие дети создают себе невидимого друга, поэтому не придавал значения своим детским странностям.

Но теперь ему стало не по себе. «Тебе страшно, парень», — подсказал внутренний голос, но Сергей, призвав на помощь волю, сумел с ним не согласиться. Не по себе, только и всего. Наверное, я всё-таки переусердствовал с работой. «А что если нет?».

— Заткнись!

— Ты с кем там? — донеслось из-за двери. Сергей понял, что последнее слово ляпнул вслух.

— Да с компьютером! — крикнул и тут же отметил, что голос звучит неубедительно.

«Чёрт возьми, я разговариваю с самим собой», — всё больше волнуясь, думал он. «Это же чистой воды шизофрения!».

«Ну, это был бы не самый худший вариант», — снова раздалось в голове. Сергей даже смог определить точку, откуда звучали слова. Точно, то место, где у младенцев находится родничок. Ему даже почудилось, что череп немного выше лба стал мягким. Он осторожно коснулся пальцами. Ничего. Ёжик волос, а под ним — такая же твёрдая кость, как и на остальной части черепа. Данное обстоятельство сделало своё дело, и ему немного полегчало. Правда, от последних слов невидимого собеседника веяло колючей промозглостью. Сергей посидел, откинувшись на спинку стула, полчаса, но внутренний голос не подавал признаков жизни. Ну и хорошо, решил Сергей. Возможно, пока что за санитарями бежать рано.

Праздник отметили не слишком шумно, но весело. Сергей закупил в городе фейерверков, Маша светилась счастьем и сметала со стола конфеты, подобно комбайну. Запеченный с апельсинами гусь был съеден утром третьего января, а запасы шампанского и виски иссякли ещё накануне вечером. Праздничная суэта окончательно сошла на нет, деревня словно вымерла, а по телику крутили затёртые до дыр фильмы и бесконечные песни не желающих помирать престарелых звёзд отечественного шоубизнеса.

Сергей открыл ноутбук и понял, что понятия не имеет, чем заняться. Ящик был пуст, ни одного заказа по рекламе. Несколько щелчков мышью, и вот открыта папка «Моё творчество». Сергей сам не заметил, как оказался в этом разделе. Взгляд вяло скользил по названиям файлов, пока не упёрся в слово «План». Интересно, план чего? Сергей порылся в памяти, но мозг отказывался думать. Ничего не оставалось, как открыть документ. Ага, это запланированная шестая книга. Всего несколько страниц, здесь и наметки на структуру сюжета, и уже готовые куски диалогов. А вот и описание персонажей. В голове закопошилось, как просыпающийся в берлоге медведь. Ещё немного, и картинка проступит в полной мере, после чего можно начинать писать.

Он сходил на кухню и вернулся, держа в руке кружку размером со средний бочонок, в которой плескался густой кофе, напоминающий только что выкачанную нефть. Теперь можно приступать. Кофейный аромат проник в мозг, прочищая извилины от остатков алкоголя, в голове стало ясно и аккуратно, как в музее. И строчки побежали сами собой. Да, некоторые фразы немного корявы, но отредактировать можно после, пока же мысль течёт неиссякаемым потоком, сюжет движется, а значит, книга пошла. Сергей не стал себя обнадеживать, знал, такого запала надолго не хватит, поэтому лучше пользоваться моментом и делать всё сейчас. Экран растворился, и взору предстал новый мир, творимый прямо здесь и сейчас. Пальцы порхали над клавишами, как бабочки над клумбой, и мир книги становился всё реальнее и реальнее.

Но всё-таки усталость взяла своё. Сергей взглянул на часы. Почти семь вечера. Значит, часов шесть писал без остановки. Не прерываясь даже на обед. Странно, что Вика даже не заходила в комнату, на неё непохоже. Встал и услышал, как зубы заскрипели от боли, пронзившей занемевшие мышцы. Давно с ним такого не случалось. Взгляд метнулся в сторону кружки. Полная. Получается, он даже не пил кофе, а сил придал один только запах напитка. Ещё более удивительно. Сергей попытался вспомнить свой обычный рабочий день тех времён, когда писал предыдущие пять книг. Перемотал воспоминания, как видео с ускоренным просмотром. Ничего похожего, обычно выпивал семь-восемь кружек кофе, постоянно отвлекался на Интернет, а то и компьютерную игру. Да, полчаса игры, и столько

же — работы над тестом. Ведь нет никакого начальника, который бы хмурился и высказывал мнение насчёт «игрушек». Тем и привлекает писательское ремесло, что нет начальников. Сегодня же выдал такую норму, словно над ним навис надзиратель с плетью. Он понял, что немного пивка перед сном не повредит и решил сбегать в мини-супермаркет, больше похожий на отделанный сайдингом сарай, раскорячившийся в самом центре деревни.

Но едва выглянул из комнаты, на скрип двери примчалась жена.

— Ты чего там делал? — строго спросила она.

— Там — это где?

— Не прикидывайся. Я три раза заходила в кабинет, а ты даже не соизволил обернуться, трещал клавишами, как заведённый.

— Ты серьёзно? — спросил Сергей и, поправив очки, уставился на жену.

— Серёж, — Вика вздохнула, — как тебе удаётся настолько уйти в свою писанину, что не видишь происходящего вокруг? Наверное, начнись землетрясение, ты б так и сидел, пока экран не погаснет.

Сергей зачем-то обернулся и посмотрел внутрь кабинета. Компьютерный стол, на котором стоят ноутбук, нетронутая кружка кофе и принтер, у окна — короткий диванчик и тумбочка, заваленная бумагами. На стенах — портреты поэтов и писателей в белых рамках, специально заказывал в рекламном агентстве. При этом компьютерный стол стоит боком к двери, поэтому периферическое зрение обязательно выхватит вошедшего. Но он может поклясться, что никто не заходил. С другой стороны, разве вообще видел хоть что-то, кроме создаваемого в голове и совершенного реально видимого глазами мира?

— Честно говоря, сам не знаю, что на меня нашло, — признался он. — Не припоминаю, чтоб такое случалось раньше.

Вика покачала головой.

— Ну, может, настолько серьёзно ты ещё и не выпадал из реальности, но в целом подобное поведение я замечаю за тобой с самого нашего знакомства. Ужинать-то будешь?

— Обязательно, только в магазин смотаюсь...

— Чего забыл?

— Да пивка баночку, что-то в горле пересохло. Тебе взять?

— Мистер, вы давно не пили? Суток ещё не прошло! Ладно, мне светлого и обязательно бутылочного.

— Как скажете, мэм! — Сергей отвесил шуточный поклон и метнулся в прихожую.

— И Машке фруктов прихвати! — раздалось из открывшегося окна, когда Сергей, залатанный в дублёнку и норковую шапку, шагал по двору.

Машину брать не стал, захотелось пройтись по колючему свежему воздуху, который и не вдохнёшь полной грудью — обжигает. До магазина с полкилометра, пройти вдоль улицу Лесную, а потом свернуть вправо на Центральную, которая упирается в небольшую площадь, где бок о бок расположились супермаркет и автомастерская с вечно пьяными слесарями.

Укатанный снег ещё не превратился в лёд, идти по нему было приятно, в подошвах скупно поскрипывало, и звук тут же улетал, теряясь в надвигающихся ранних сумерках. Стояла необычная для деревни тишина, похоже, народ успел опохмелиться, и теперь спят в избах, забыв даже затопить печи. Лишь из пары-тройки труб вьётся неуверенный дымок, да твякнет разок забившийся в будку пёс.

Сергей свернул на Центральную, здесь дорога шире и дома посерьёзнее, есть даже двухэтажные. Сразу на перекрёстке стоял сгорбившийся старик, крутил «козью ножку». Вроде бы незнакомый, но Сергей на всякий случай бросил:

— Здрасьте, с Новым годом вас.

— И тебе того же, — ответил старик скрипучим голосом. — Матрёну-то знал?

— Простите? — Сергей, собиравшийся пройти мимо, остановился.

— Я говорю Матрёну... ну, Власенчиху, знал?

Старик сунул самокрутку в такие же морщинистые, как и остальное лицо губы, и стал хлопать по карманам.

Сергей хотел ответить отрицательно, но вдруг вспомнил. Старуха, жившая на пересечении Лесной и Центральной, в последний год редко выходила из дома, зато к ней зачастила дочь, тоже почти старуха, лет под семьдесят. Поговаривали, ждёт смерти матери, чтобы продать дом и купить квартиру сыну — тот ютится на съёмной в краевом центре. От старухи Власенчихи Сергей помнил только залатанную фуфайку, из которой та не вылезала круглый год, да серый шерстяной платок, с намертво прицепившимися колючками.

— Давненько её не видать, — неопределённо ответил Сергей, без особого желания поддерживать разговор.

— Ну так скрутило её той весной, как бублик, — отозвался старик и, наконец нащупав коробок, чиркнул спичкой.

На мгновение огонёк осветил лицо старика. Хотя, не такой уж и старик, просто мужичок чуть старше средних лет, правда, чересчур морщинистый и сутулый. Сергей вспомнил, что почему-то именно в сельской местности чаще встречается сутулых. Вот тебе и свежий воздух, да экологически чистые продукты.

— Вчера померла, — сказал старик. От «козьей ножки» потянуло густым терпким дымом самосада.

— Жаль, — сказал Сергей и пожал плечами. Что тут ещё скажешь, удивительно было бы не умереть в таком возрасте. — Сколько ей было? — зачем-то спросил он.

— Девяносто два. Трёх детей народила, да двое сгнули — Ванька, старший, ещё в семидесятые на северах пропал, а младшая, как её, то ли Олька, то ли Полька, в гараже задохнулась, вместе с мужем. Вот средняя, Оксана, только и осталась. Почитай двадцать лет не появлялась, а тут на тебе, как намазанное ей стало, чуть ли не каждый месяц навещается. Сёдня вот приехала...

— Пойдите, — Сергея осенило, — а эта Власенчиха, в каком из домов жила? — Он мотнул головой в сторону двух изб, стоявших на перекрёстке.

— Да вот же ж её фазенда, — проскрипел старик и ткнул кривым пальцем в оштукатуренный дом со следами побелки. — При мужике здесь всё по уму было, а теперь видишь, и дом одряхлел.

Но Сергей видел только ржавую жестяную табличку на стене дома. Черные буквы по рыжему фону складывались в надпись: «улица Лесная, 1». Тут же вспомнились слова того психа у забора, кажется, он представился как Макс Грэй. Что он там говорил про старуху из первого дома? Нет, он её назвал «бабулька». Помрёт бабулька... Ну помрёт, и что? В девяносто два немудрено помереть. Нет, что-то ещё. И тут Сергей увидел тёмную фигуру Грэя так же ясно, как будто тот прямо сейчас стоит перед ним. И голос его зазвучал столь же реально, как и скрип старика в двух шагах от Сергея. «Помрёт бабулька с первого дома на соседней улице», — говорил Грэй, — «а обвинят тебя». Сергей почувствовал, что у него замёрзли ноги. Отделавшись от старика какой-то общей фразой, он поспешил в сторону супермаркета.

Магазин был пуст, не считая двоих пьянчуг неопределённого возраста, которые, кутаясь один в фуфайку, дугой — в шинель, о чём-то спорили. За беседой они не обратили на вошедшего в магазин Сергея никакого внимания, но когда он снова появился в дверях с полным пакетом в руке, один из них повернулся и сказал:

— Э-э, уважаемый, ты и есть тот знаменитый писатель?

Сергей пожал плечами.

— Ну, не знаю, насколько знаменитый, но да, писатель.

Обычно он старался избегать подобных типов, но эти показались настолько живописными в этих послепраздничных сумерках, что Сергей живо представил обоих в виде комических персонажей своего произведения. К тому же выглядела эта парочка вполне безобидно.

— Эти, как их, твою дивизию... детективы пишешь? — спросил пьянчуга и отхлебнул из бумажного пакета, в котором пряталась бутылка какой-то тёмной жижи.

Его друг коротко хохотнул и зарыл голову в поднятый вороник шинели, которая без

сомнения застала самого Лазо. Шапки на нём не было.

— Детективы? — переспросил Сергей, снисходительно улыбнувшись, — ну, можно и так сказать.

Было бы совершенно бессмысленным начать объяснять этим двум чудакам тенденции современной литературы.

— Ну так вот тебе сюжет, слышал, небось? — сказал всё тот же пьяница и передал бумажный пакет собутыльнику, который почему-то снова хохотнул.

— О чём? — насторожился Сергей.

— Про старуху, — наконец подал голос весельчак в шинели.

— А, ту, что вчера умерла?

— Скорее, которую умерли, — снова заговорил первый и ощерился в коричневой улыбке, похожей на старый кривой забор, в котором отсутствуют несколько досок. — Бабку-то, Власенчиху, того...

Сергей вновь ощутил, как озноб побежал по коже, на этот раз охватывая всё тело.

— Не поверишь, удавили, а потом вые... пардон, изнасиловали! Это столетнюю старуху-то! Так что можешь написать, что у нас, как у этой... твою дивизию... у Концовой...

— Донцовой, — автоматом поправил Сергей и тут же едва не поперхнулся, поняв, насколько точна оговорка пьянчуги. И всё-таки смеяться не хотелось. Он кивнул, показывая, что разговор окончен, и зашагал в сторону дома. Деревня между тем погрузилась в почти непроглядную тьму, подсвеченную тусклым светом покрытых изморозью окон. Народ, без сомнения, продолжает пить, но праздничная энергия уже сошла на нет, поэтому на улицах ни души.

После праздников позвонил Семёныч, спросил про семью, про работу, поразглагольствовал даже на тему предстоящих выборов и как бы мимоходом поинтересовался, не вернулся ли Сергей к писательскому ремеслу.

— Пока нет, — солгал Сергей. В последние дни он писал не переставая, но, во-первых, книга эта не из тех, что заинтересуют редактора, а во-вторых, Маша снова заболела. Это могло быть простым совпадением, за окном трещат крещенские морозы, заболеть немудрено, тем более что по региону катит лихая ватага эпидемий. Но совпадения Сергею определённо перестали нравиться. Он решил не торопить события, недельку-другую книга может и подождать.

— Ну, как знаешь, — подозрительно легко сдался Семёныч, и Сергею подумалось, что редактор не отстанет, просто выбрал новую тактику. Ну что ж, поглядим, решил Сергей и нажал кнопку сброса.

Он решил дать себе время на отдых. Пара-тройка дней на то, чтобы привести в порядок мысли, к тому же не мешает пройтись на лыжах по ближайшим сопкам: Серебряное стало по-настоящему серебряным из-за сильных морозов, они прихватили начавший было подтаивать снег, он теперь искрится и отливает белёсым металлом.

Уром следующего дня, когда солнце только-только сбрызнуло розоватым цветом черноту неба на востоке, Сергей, прихватив лыжи, отправился в лес.

— Через пару часов буду дома, — пообещал он, в ответ на удивлённый взгляд жены.

Утоптанная тропа закончилась довольно быстро, всё-таки дом Сергея находился на самом краю деревни, поэтому он с удовольствием пристегнул к ботинкам лыжи и, не торопясь, двинулся вверх по пологому склону, выводящему на невысоких хребет, с которого, тем не менее, открывается отличный вид на окрестности, а Серебряное выглядит аккуратным музейным макетом. С непривычки подъём давался тяжело, уже через десяток-другой шагов вязаная шапка наполнилась влагой. Вдыхать ледяной воздух становилось всё труднее. Сергей, разозлившись на собственную слабость, скрипнул зубами. Ладони сами собой стиснули рукоятки лыжных палочек, словно вознамерились выжать из них сок, и Сергей с удвоенной скоростью ринулся вверх, пообещав себе остановится только на хребте.

Он сумел выполнить обещание, но далось это очень тяжело. «Придурок, завтра же

сляжешь с бронхитом», — укоризненно сказал внутренний голос, но Сергей его почти не слышал. Совершенно без сил, дыша так, будто решил оставить без кислорода всю планету, Сергей плюхнулся в снег. И ни одного дерева поблизости, на которое можно было бы облокотиться. Отстегнув лыжи, он распластался на снегу, раскинув руки в стороны. Со стороны должно выглядеть комично, но Сергей сомневался, что в столь ранний час кому-то взбредёт в голову таскаться по заснеженным сопкам.

Дыхание мало-помалу восстанавливалось, но Сергей вынужден был согласиться с внутренним голосом, он действительно простыл, горлу больно уже сейчас, а в лёгких ощущается холод. Полежав ещё немного, почувствовал, что куртка пропиталась водой от растаявшего под ним снега. Пора вставать, если не хочешь околеть прямо здесь, мелькнуло в голове, но по мышцам растеклась такая слабость, что не осталось сил даже пошевелинуться.

И тут до него донёлся тихий скрип. Шаги. По мере приближения скрип становился всё громче. Приложив титанические усилия, Сергей приподнялся, но дальше дело не пошло, и он остался в сидячем положении. Было ещё достаточно темно, даже силуэт незнакомца не слишком выделялся на фоне неба, но Сергей узнал его в ту же секунду. Макс Грэй. Собственной персоной. Тот, о существовании которого Сергей почти забыл, точнее, заставил себя забыть, опасаясь, что таинственный незнакомец — плод нездорового воображения.

— Загораешь? — спросил Грэй, и Сергей попытался уловить в его голосе усмешку. Но не смог.

— Типа того, — буркнул он, — Присоединяйся.

— Спасибо, но не стану. Боюсь сгореть.

Голос Грэя оставался бесстрастным, и Сергей почувствовал, как к горлу подступает комок.

Он всё-таки сумел подняться, но чтобы удерживать равновесие, пришлось опереться на сложенные вместе лыжные палочки.

— Я слушаю, — сказал Сергей, отметив, что каждый звук отдаётся болью в горле.

— Мне спеть?

Сергей опешил.

— Ну так чего ты слушаешь-то? — вновь заговорил Грэй. — Совета, как быть дальше? Так я тебе не батюшка на исповеди. В том-то и штука, что каждый может делать всё, что вздумает. Иногда даже не зная цену. Но тебе-то легче, ты проинформирован. Как там у вас: предупреждён — значит вооружён?

Сергей снова промолчал.

— Ну давай, так и будем стоять, любоваться восходом...

Наконец Сергей не выдержал.

— Хватит мне мозги ебать, — процедил он. — Ты для чего-то здесь появился, ведь не просто прогуливался, случайно так, да?

— Не поверишь — именно прогуливался. И именно случайно, — в этот раз Грэй явно насмеялся.

— Кстати, к бабушке ты зря не зашёл. Она тебя ждала.

В груди сильно кольнуло, Сергей придержал дыхание, ожидая, когда боль отступит. Но боль осталась, лишь слегка сбавив обороты. Он сглотнул.

— Старик тот, — задумчиво проговорил Грэй, — который курил у дома Власенчихи... Много говорит, да? Много лишнего.

На глаза будто надели мутные очки, присыпанные слоем пыли. Силуэт Макса Грэя начал терять очертания. Сергей с тревогой ждал, что тот упомянет о дочери, но ничего подобного не произошло. Грэй исчез, а Сергею вернулось зрение, которое тут же обнаружило, что розовая краска залила половину неба, а из-за сопки за деревней появилось свечение цвета спелой тыквы.

Вернувшись домой, Сергей первым делом подошёл к столу в кабинете и дёрнул ручку верхнего ящика. Ему не пришлось изображать из себя сыщика, искомое нашлось почти сразу.

Аккуратно взял двумя пальцами маленькую бронзовую фигурку, покрытую короткими шипами, боясь увидеть нечто, не замеченное ранее. Но нет, просто кусок окислившегося металла, обработанный довольно грубо. Больше соседская болонка Люська походит на самца африканской зебры, чем эта побрякушка — на единственный экземпляр амулета, наделённого силой бога.

Он сунул амулет в карман и решительно вышел на улицу. Подойдя к забору, Сергей оглянулся — нет ли в окне лица жены или дочери, впрочем, Маша лежит в постели с температурой под сорок, а Вика хлопочет вокруг. Коротко размахнулся и увидел, как бурая фигурка, тускло блеснув на прощание, нырнула в сугроб в пятнадцати метрах по ту сторону забора.

Избавившись от амулета, Сергей первым делом двинулся в комнату к дочери. Он не вполне мог объяснить тревогу, которую ощущал физически: нечто округлое и тяжёлое, похожее на обточенный морем булыжник, едва заметно вибрирующий, так вибрирует кожа на щеке, когда проводишь по ней тыльной стороной ладони, стоя под линией высоковольтной передачи. Маша сидела посреди комнаты на круглом ковре с длинным ворсом и наряжала куклу. Вокруг были разбросаны игрушечные пианино, стиральная машина, а также многочисленные предметы гардероба любимой Машиной куклы, которой она дала имя Фея. На экране телевизора, прикреплённого к стене, мелькали цветастые картинки какого-то мультфильма. Звук на телевизоре был отключен, наверное, чтобы не отвлекать от куклы.

— Привет, как ты себя чувствуешь? — спросил Сергей, внимательно рассматривая дочкино лицо. Нет, никаких признаков болезни, если не считать припухлые веки и щёки, с румянцем чуть ярче обычного.

— Хорошо, а ты ходил гулять?

Девочка продолжала играть, даже не повернув головы.

— Да, гулять. На лыжах катался... Машенька, а у тебя глазки не болят?

Теперь она повернулась, несколько раз удивлённо моргнула:

— Нет, не болят. Но мама говорит, что у меня температура. Это плохо?

— Ну, ничего хорошего, — Сергей развёл руками.

— Папа, а можно в следующий раз я с тобой пойду кататься?

— Ты ж ещё маленькая...

— А ты мне маленькие лыжи купи. Купишь?

— Ну ладно, конечно куплю. Ты главное выздоравливай, хорошо?

— Угу, — девочка ...? кивнула.

Сергей наклонился, поцеловал ребёнка в макушку, на мгновение ощутив волну жара, идущую от ребёнка. «Мы с тобой обязательно покатаемся», — мысленно добавил он, — «Если раньше меня не упекут в психушку».

Несмотря на нестерпимый творческий зуд, Сергей решил пару дней не подходить к ноутбуку. Решение далось тяжело, в голове постоянно роились интересные обороты речи, удачные сюжетные ходы. Даже диалоги, обычно дававшиеся не то что бы трудно, но с мобилизацией больших умственных усилий, нежели остальная часть работы над текстом, в этот раз возникали сами собой, будто смотришь кино. Сергей скрипел зубами, но не делал даже коротких пометок. Единственное, что себе позволил — память. Он по несколько раз повторял придуманное, надеясь по прошествии вынужденных выходных вспомнить и вколотить в компьютер. «Наверное, выглядит глупо, да, пожалуй, так и есть», — думал Сергей, — «но я не могу рисковать здоровьем дочери». «А шизофрения обычно так и начинается», — зазвучало в голове, и Сергей узнал голос, который слышал в детстве и который совсем недавно вновь дал о себе знать. «Ты сначала выдумал, а потом заставил себя поверить в то, что за творчество должен расплачиваться здоровьем Маши. Навязчивая идея, вот как это называется». «Но я на самом деле видел Макса Грэя! Не знаю, реальны ли угрозы, это я и собираюсь проверить, но я видел его дважды, и оба раза он выглядел существом из плоти и крови!» «О, разумеется, ты его видел. И, конечно, он выглядел не менее реально, чем

та парочка алкашей у магазина, которые подкинули тебе идею насчёт книги. Не хочу расстраивать, но те парни, что прохлаждаются в жёлтом доме, не меньше твоего уверены в реальности инопланетян, разговаривающих бутербродов и прочей хрени».

— Что с тобой творится? — спросила Вика, когда первый «выходной» подходил к концу и они втроём ужинали макаронами с острой фасолью и грибным салатом. Маша чувствовала себя здоровой, о чём не преминула торжественно сообщить, но ела нехотя, размазывая по тарелке соус, и с тоской посматривала на остывающий в стакане компот.

Сергей замер. Что сказать жене? «Дорогая, мне явилась некая сущность от имени бога Чон Ту и угрожает сделать нашей дочери плохо, если я продолжу писать книги»? Впрочем, микроскопический шанс на то, что Вика воспримет его слова всерьёз, исключать не следует, однако тогда неминуем вопрос: «И что же ты собираешься делать?», который, разумеется, предполагает единственный ответ: «Бросить писать и найти другую работу».

— Творится? А ты знаешь, что частица «ся» — возвратная, и подразумевает то, что тот, кто производит действие, делает это относительно себя. Бр-р, по-моему, я слишком сумбурно объяснил.

— Ничего, я поняла. Потому что это знают не только писатели, но и те, кто учился в школе.

— Извини... — пробормотал Сергей и почувствовал, как лицо заливают краска.

— Извиняю, — Вика улыбнулась уголками губ. — Тогда получается, что нечто творит само себя в тебе... Правильно?

Сергей вздрогнул, но чтобы не подать виду, потянулся за добавкой фасоли.

— Ты не ответил...

— Ну да, получается так. Языковые конструкции — они такие, можно что угодно нагородить.

— А мне кажется, сама того не предполагая, я спросила именно то, что получилось из этой твоей конструкции.

«Да, жена у тебя, оказывается, не такая простушка». «А я и не считаю её простушкой. Мне всегда нравились умные женщины». «Но в этот раз она подобралась слишком близко, да?».

— Да ничего со мной не творится. Просто книга идёт туго. Не знаю, стоит ли продолжать. Может, пока не поздно, заняться чем-нибудь другим?

— Что значит «пока не поздно»? — Вика нахмурилась.

— Я имел в виду, что пока не подписан контракт... Семёныч-то наседает...

— А ты?

— А я не знаю. Контракт подразумевает ответственность. А как я могу ручаться за то, что буду гнать текст согласно графику, если даже одну книгу не могу осилить.

Несколько минут молчали. Макароны были доедены, Сергей налил себе и жене чаю, а Маше вручил долгожданный компот.

— Серёж, — вновь заговорила Вика. Голос звучал тихо и задумчиво, — мне кажется, ты сможешь. Всегда мог. Вспомни, в начале работы над каждой книжкой у тебя случается подобный ступор. И всегда у тебя получается довести дело до конца. Ты же знаешь, я сейчас думаю не о деньгах, дом у нас есть, а на жизнь как-нибудь заработаем. Просто я знаю, в тебе огромный потенциал, который ты не раскрыл и на десятую долю. Поверь, ты напишешь много-много книг.

— Лучше признайся, тебе просто нравится быть женой писателя.

— Мне нравится быть *твоей* женой. Но то, что ты писатель — огромный плюс!

— Папа, а почему ты не пишешь для меня сказки? — пролепетала Маша, с грохотом водрузив на стол пустой стакан.

— Вот видишь! — рассмеялась Вика, и Сергею снова показалось, что из её глаз полилось мягкое зелёное свечение.

На следующий день Маша выглядела полностью здоровой, аппетит вернулся, и на завтрак она с удовольствием уплетала молочную кашу и даже попросила добавки.

Но Сергей, как и обещал, до конца дня не притронулся к ноутбуку, вообще старался не замечать двери в кабинет. Но когда «выходные» остались позади, у него созрел план. Глупость, конечно, но ради здоровья дочери готов и не на такое. Рано утром, домашние ещё спали, он осторожно выбрался из постели, надеясь, что Вика не проснётся. На цыпочках юркнул в кабинет и, прихватив ноутбук, вышел из дома. Огляделся, словно вор, но вокруг было пусто, насколько можно разглядеть в не растаявших до конца сумерках. С обратной стороны дома имелся вход в подвал, путь лежал туда. Подвалом пользовались два-три раза в год, в основном туда скидывали ненужные вещи, которые «могут пригодиться», там же хранились Машин велосипед и лыжи. Собственно, доставая несколько дней назад лыжи, Сергей и подумал, что, возможно, подвал не так уж плох в качестве кабинета. Вылитый из железобетона подвал походил на бункер, в котором смело можно укрыться от ракетной атаки. Кто знает, может, магия Чон Ту не способна проникнуть сквозь такую защиту.

Изрядно поборовшись с ржавым навесным замком, который ещё и промёрз, Сергей вышел победителем и, довольный, юркнул внутрь. Дохнуло прохладой и плесенью, но если установить обогреватель, станет вполне комфортно. Включив свет, Сергей уселся в старое кресло с накидкой из розового одеяла в крупных алых тюльпанах и запустил ноутбук.

Пробежав глазами несколько строчек, на которых остановился перед «выходными», Сергей не заметил, как погрузился в мир книги. Пальцы щёлкали по клавишам, образы становились всё сочнее, и он не замечал, что тело остыло и теперь борется с низкой температурой интенсивной дрожью. Постепенно пальцы заоченели, и он начал промахиваться, делая опечатки. Но сюжет захватывал, мысли героев стали его мыслями, пропущенными через призму «великого осознания» — термин, подсказанный внутренним голосом, который теперь поселился в голове Сергея на постоянной основе. И если первое появление невидимого собеседника немного напугало, то теперь он органично влился картину мира и стал чем-то вроде приложения к браузеру в виде всплывающих подсказок. С ним можно советоваться, а можно не замечать. Теперь Сергей, как ему казалось, полностью контролировал процесс.

Никогда ещё написание книги не давалось ему так легко. Нет, это было не совсем так же легко, как нацарапать на заборе известное слово из трёх букв, на самом деле работа над созданием текста («творением мира» — подсказка внутреннего голоса) мобилизовала серьёзную часть резервов отдела мозга, отвечающего за мыслительную деятельность. И мозг требовал нового и нового притока крови, Сергей это чувствовал по усилившимся ударам сердца, которые отдавались по всему телу, особенно в моменты максимальной творческой активности. Иногда творческий потенциал казался ему резиновым сосудом, во время работы разбухающим так, что лишь самые микроскопические единицы измерения отделяют от взрыва. Сам взрыв Сергей, как ни пытался, представить не мог. Зато вспомнились слова Ницше о том, что бог умер. А что если с создателем произошёл именно такой творческий взрыв? Увлёкшись созданием и усложнением человеческой конструкции бытия, творец мог не заметить скрипа переполненного сосуда и стать жертвой своей же силы. То есть та сила, которая создаёт, она же и уничтожает, («змея, кусающая себя за хвост») причём только она и страшна для создаваемого, потому что внешние силы находятся в параллельных реальностях, которые если и пересекаются, то влияния друг на друга не имеют. Получается, подумал Сергей, рукописи действительно не горят. Если и есть что-то, способное их уничтожить, — это они сами, точнее, тот творческий сосуд, который их создаёт.

Размышления прервало сообщение, высветившееся на экране ноутбука. Умная машина предупреждала о скором отключении ввиду разрядки аккумулятора. Сергей подумал, что не мешает установить в подвале розетку, но в этот момент зазвонил мобильник.

— И куда это ты подевался? — донеслось до него сквозь шум помех.

Сергей поймал себя на мысли, что вслушивается в интонацию Викиного голоса. Уверенность в том, что стены подвала непроницаемы для магии Чон Ту, растаяла, подобно

кубику льда, брошенному в стакан с кипятком. Но голос жены не выдавал никакой тревоги. Пообещав через минуту быть дома, Сергей захлопнул ноутбук и только теперь понял, насколько сильно замёрз. Будто преодолевая притяжение гигантской планеты, распрямил ноги, почувствовав, с каким трудом растягиваются сухожилия. В голове вертелась тревожная мысль, что впредь стоит научиться контролировать погружения в виртуальный мир, которые в последнее время стали всё глубже и продолжительнее.

Февраль подходил к концу, и на солнечных склонах от снега остались одни воспоминания. Там же, где почти круглые сутки царила тень, плотные серые глыбы соседствуют с чёрными проталинами, усеянными разноцветьем прошлогоднего мусора. А слякоть ждёт своего часа, готовясь с первым повышением температуры заявить о своих правах и заполнить всё неасфальтированное пространство.

Сергей почти не выходил из дома, не считая редких поездок в магазин, и большую часть времени проводил в подвале. Вика удивлялась, крутила пальцем у виска, но Сергей знал, это не более чем демонстрация собственной нормальности. Таким образом она отправляла себя в касту разумных уравновешенных людей, предоставляя мужу право оставаться самим собой — таким непонятным, но именно поэтому таким интересным созданием. И Сергей удалялся в подвал и проводил там столько времени, сколько хотел, тревожимый не настолько часто, чтобы это могло всерьёз раздражать.

В это утро, а календарь на мобильнике показывал двадцать пятое февраля, он подскочил в без десяти шесть утра. Кошмар, вырвавшийся из состояния сна, помнился в деталях. Он возвращается из города, мчит через Серебряное, не сбрасывая скорости, набранной на междугородней трассе. Внедорожник раскачивается, готовый вот-вот потерять сцепление с обледенелой дорогой, а в узкую щель приоткрытого окна врывается колючий ветер, но Сергей почему-то и не думает закрыть окно. Стемнело, и только два коротких жёлтых кинжала противотуманных фар пробивают ночь и поднявшуюся пургу. Сергей успевает заметить сторбленную фигуру, но ничего уже не может сделать. Вернее, пытается нажать на тормоз и вывернуть руль, но конечности стали ватными и слушаться отказываются. Ударом горбатится капот, и теперь совсем ничего не видно. Вывалившись из машины, Сергей приближается к распостёртому на обочине телу, которое больше напоминает мешок с объедками, которые просачиваются сквозь давно нестиранную ткань. Кажется, он знает этого новоиспечённого мертвеца. «Помоям место в ведре», — мимолётным эхом проносится в мозгу.

«Старик тот... много говорит, да? Много *лишнего*» — сказал тогда Макс Грэй.

Сергей быстро оделся, прихватил ключи от машины и вышел на улицу. Деревня ещё спала, но в стороне центра, там, где расположились автосервис и супермаркет, видны синие и красные всполохи света. Они отражаются от затянувших небо серых туч, поэтому свет распространяется на большее расстояние, чем при ясной погоде.

Вырулив на площадь, Сергей увидел полицейский уазик, с вертящимися мигалками, и двух местных копов. В стороне гудела кучка из зевак, непонятным образом оказавшихся здесь в столь ранний час. Один из полицейских со скучающим видом курил в метре от бесформенной тёмной груды, в которой Сергей сразу узнал человека из сна. Второй страж порядка беседовал по телефону, отчаянно жестикулируя свободной рукой.

Сергей прислушался к своим ощущениям. Нет, ничего, какая-то каша. В крови лошадиная доза адреналина, сердце колотится как полоумное, но в голове ничего конкретного. И всё же это не случайность. Сны как-то связаны с реальностью, и посредником выступает Макс Грэй. Неизвестно, существует ли азиатское божество, запечатлённое на амулете, но какие-то силы затеяли с Сергеем некую игру. А ведь я знаю правила этой игры, подумалось вдруг. Макс Грэй изложил вполне доходчиво. Но я пишу, а с Машей пока всё в порядке, даже бесконечные простуды, ломившиеся к ней, как правоверные в Мекку, отступили, и теперь она чувствует себя прекрасно, вчера вон весь день носилась по двору, хотя до настоящего тепла — как до Мадагаскара на каноэ. А что если хозяин Грэй просто

бесится от того, что его перехитрили (перед взором проплыл и тут же растаял новоиспечённый кабинет в подвале), и теперь уничтожает людей, повинных лишь в том, что имеют какое-то отношение к Сергею. Хотя так можно смело угробить не меньше тысячи человек, подумал Сергей. Нет, это злобное божество действует выборочно, но логика этого выбора пока не ясна.

Стук в боковое стекло вырвал из размышлений. У машины маячили две тени, и одна из них негромко, но настойчиво колотила по стеклу. Сергей нащупал под курткой кобуру с пистолетом и, облегчённо вздохнув, опустил стекло.

— Чего надо? — резко спросил и вдруг узнал — это те алкаши, что прицепились к нему в тот день, когда впервые видел старика, который сейчас кучей паштета лежит на обочине.

— Привет! — заорал тот, что стучал. Жёлто-коричневая улыбка растянула его рот почти до ушей.

— Утро доброе, — хмуро пошутил Сергей.

— А мы смотрим, — продолжал орать алкаш, — тачка вроде знакомая. Уж не нашего ли писателя ведро, пардон, экипаж, думаю я.

— Угу, — поддакнул его друг в той же шинели, что и в прошлый раз, но теперь он в неё не кутался, наоборот, шинель расстёгнута, и полы развеваются на ветру, похожие на паруса пиратского фрегата.

— И точно, твою дивизию, писатель! Ну, думаем, нюх у него на преступления...

— Преступление?..

— Ну а как же! Тут такой джипяра чёрный пронёсся, типа твоего, только помощнее... Срубил беднягу, как кеглю, и даже не притормозил.

Сергей, чувствуя, как внутри холодеет, спросил:

— Кто-нибудь кроме вас это видел?

Алкаш озадаченно вытаращился, затем для верности почесал затылок.

— Да вроде нет, ночь на дворе... Это ж мы со сранья — сразу в магаз. Трубы горят, сам понимаешь. Если только дворничиха...

— А продавщица? — Сергей мотнул головой в сторону супермаркета, на крыше которого светило число «24».

— Ой, — разговорчивый алкаш скривился так, будто сжевал ящик лимонов, — Анютка спать горазда... Глаза разлепила, нам флакон сунула — и дальше кота драть.

Сергей хотел было подъехать к полицейским, но, вспомнив, что джип, сбивший старика, похож на его собственный, передумал. Вряд ли местные копы обладают достаточной квалификацией, чтобы не прицепиться к столь явному по меркам деревенских сходству. Впрочем, возможно, я слишком несправедлив к сельским жителям, подумал Сергей. Но ещё раз взглянув на синюшную рожу алкаша, с сомнением покачал головой и крутанул руль в сторону дома.

Загнав машину во двор, Сергей обошёл со стороны капота и присмотрелся к бамперу. Движение вышло неосознанным, потому что у него и в мыслях не было что-нибудь здесь увидеть. До рассвета было ещё далеко, но это не помешало ему разглядеть прямо по центру бампера небольшую вмятину, которой ещё вчера здесь точно не было.

«Хоть бы Вика не заметила вмятины», — вертелось в голове. Сергей даже не представлял, что ответит, если она всё-таки спросит. «Столб поцеловал»? — глупость, да и чревато неприятностями — Вика может запретить ему ездить по ночам. И постоянно, как только он направится к машине, будет спрашивать, подозрительно щурясь, не хочет ли Сергей спать. Вот чёрт, как сложно с этими женщинами!

Он сидел на кухне, обхватив обеими ладонями кружку с кофе, и ждал, когда Вика спросит, куда он с утра мотался. Но та жевала бутерброд и с набитым ртом беседовала с Машей. «Когда я ем, я глух и нем», — всплыл стишок, втрамбованный в мозги ещё в детском саду. Похоже, Вике больше повезло с воспитателями. Но расслабляться не стоило, Сергей знал жену, она может задать вопрос в такой момент, когда он совсем этого не ожидает. Он

украдкой поглядывал на её глаза, пытаясь разглядеть зелёный блеск, означавший, что Вика что-то задумала. Нет, ничего похожего. Видно, действительно спала так крепко, что не заметила получасового отсутствия мужа.

Из коридора затарахтел мобильник, и Сергей съёжился. Как он мог забыть телефон в кармане куртки, ведь Вика знала, что на ночь он кладёт его на тумбочку. Кинулся в коридор, выхватил мобильник и от греха подальше укрылся в кабинете.

— Ну как, не надумал вернуться? — раздался в трубке бодрый голос Семёныча.

— Так вроде бы ещё полгода не прошло...

— Да? А мне казалось минимум год позади. Серж, весна на дворе, новые силы, новые мысли... Возвращайся, а?

Сергей помолчал, вспоминая непроницаемый для магии Чон Ту подвал и то, как в нём необычно активно работает мозг. Даже лучше, чем в пагоде, в которую собирался перебраться с окончанием холодов. Собирался, но теперь, конечно, не станет. Если подвал даёт столько творческой энергии, может, у него хватит запаса топлива и на продолжение этого чёртова «Альбома»?

— Семёныч, в «Листающем» я полностью исчерпал сюжетные возможности «Альбома»...

— Да чёрт с этим «Альбомом»! — неожиданно заявил редактор. Напишешь что-нибудь другое, а там, глядишь, войдёшь в тонус...

Если бы ты знал, в каком диком я сейчас тонусе, подумал Сергей.

— ...И появятся новые мысли. Ты, кстати, действительно ничего не писал?

— Да если и писал, вас это вряд ли порадует, — усмехнулся Сергей, вспомнив почти оконченную рукопись, написанную скорее в жанре «большой литературы», как называют её эти литераторы-неудачники, громко именуемые себя филологами, чем в стиле беллетристики. Да, ему кажется, книга получается крайне удачная, можно даже помечтать о литературных премиях, но Семёныча такое чтиво оценить не сумеет. Ярый поклонник всего американского, редактор считает, что книга должна поучать развлекая, но если поучать не выходит, можно оставить и одни развлечения, и никогда — наоборот. Литература — это интертеймент и ничего больше, заявил толстяк в их первую встречу, когда Сергей пытался рассуждать о душевных терзаниях героев и дидактической роли книг вообще.

— Ты главное принеси, а там посмотрим, — пообещал Семёныч. — Ну так как, подъедешь.?

Сергей собирался ответить как-нибудь туманно, но тут, подобно вспышке на фотоаппарате, полыхнула идея, за которую тут же уцепился.

— Могу подъехать прямо сейчас, а то с завтрашнего дня буду занят неделю, а может, и больше.

— Ну вот и отлично. Часикам к двум можешь подруливать, я до вечера буду в офисе.

— Договорились.

Сергей выключил связь и с трудом подавил довольную улыбку. Теперь у него есть повод незамедлительно смыться из дома и загнать машину в автосервис. Пока будет беседовать с Семёнычем, бампер приведут в первоначальный вид. Лишь бы Вика не вышла провожать.

Часы показывали десять двадцать пять, но Сергей подумал, что лучше поторчать немного в городе, поэтому, сообщив жене о звонке редактора, быстро собрался и, даже не прогревая двигатель, выкатил за ворота.

Перед мостом через ещё запаянную в корку льда речку на обочине голосовал человек. Он сидел на рыбацком ящике, одетый в толстый ватник и лохматую ушанку серого цвета. Обычно Сергей не подвозил незнакомых людей, но что-то в этом рыбаке было такое... Сергей сам не заметил, как нога вдавила педаль тормоза. Рыбак схватил ящик и, проворно обежав машину (сузуки Сергея имел руль с правой стороны, такие делают для внутреннего рынка Японии), дёрнул ручку двери и взгромоздился в салон, поставив алюминиевый ящик на

колени.

— До Океанской докинешь? — спросил рыбак, и Сергей вздрогнул. Голос принадлежал Макс Грэй. Теперь он понял, что необычного было в рыбаке. Отсутствие ледобура, без которого не проделать лунку. Поведя носом, смог окончательно убедиться в фальшивости рыбацкого наряда — от «рыбака» совершенно не пахло рыбой.

— Тебе чего от меня надо? — выделяя каждое слово, процедил Сергей.

— Я же говорю, до Океанской докинешь? — как ни в чём не бывало отозвался Грэй.

Сергей нажал педаль газа, и внедорожник, удивлённо взревев, рванул через мост.

— Помял бампер? — с фальшивым сочувствием поинтересовался пассажир.

— Смотри, как бы не помял тебе череп, — огрызнулся Сергей.

— Да ладно, не заводись, — примирительно сказал Грэй и стянул с головы ушанку. Сергей покосился и теперь смог воочию убедиться, что рядом сидит Макс Грэй собственной персоной: тот же длинный с горбинкой нос, те же забранные в хвост каштановые волосы.

— Я закурю, ладно?

Сергей не успел ответить, а пассажир уже выудил из пачки сигарету и щёлкнул зажигалкой.

— Ты не переживай, — продолжал «рыбак», — выпуская струйку дыма прямо перед собой (приоткрыть окно он и не подумал), — у того старика совсем нет родственников. Да и надоел он всем, совал нос, куда не просят.

Сергей нажал кнопку управления салоном, и стекло со стороны пассажира опустилось, образовав небольшую щель.

— А ты не куришь? — вскинул брови Грэй.

— Бросил, — сквозь зубы проговорил Сергей.

— Ой, я б извинился, что таким образом соблазню тебя вернуться к пагубной привычке, но не стану этого делать. В конце концов, ничто так не закаляет волю, как искушение, верно?

Сергей не ответил.

Несколько минут ехали молча.

— Ты знаешь про мой сон? — спросил наконец Сергей, когда пассажир выкинул окурок в приоткрытое окно.

— Сон? А, ты опять про этого старика? Я знаю об этом не как о сне...

— Я слушаю.

— Оно тебе надо?

Сергей покосился и увидел, что Грэй смотрит прямо на него.

— Мне не нравится играть вслепую.

— Хорошо. Помнишь, ты как-то размышлял про разные слои реальности? Ну вот это как раз близко к истине. Только они всё-таки иногда пересекаются.

— И все психи — на самом деле не психи, а просто люди, сумевшие заглянуть в другой слой?

— Ну не все, скажешь тоже. Психи — они и есть психи, а таких как ты — единицы. Хотя для остальных вы могли бы выглядеть именно психами.

— Почему «могли бы»?

— Да потому что у вас хватает ума скрывать шизанутость. Извини, это я так шучу.

— Ну да, а в каждой шутке...

— Нет, это именно шутка и ничего больше.

— Спасибо и на этом, — Сергей усмехнулся.

— Да на здоровье. Останови, пожалуйста.

— Так до Океанской же ещё минут десять.

— А мне надо здесь. Спасибо.

Едва машина остановилась, Грэй выскочил так же проворно, как и влез и, не прощаясь, зашагал прочь, неся в одной руке нелепый алюминиевый ящик, в другой сжимая мохнатую ушанку.

Остаток пути Сергей лихорадочно думал, что же может означать очередная встреча с Максом Грэм. Ведь совершенно ясно, что тот не появляется просто так. Он ничего не сказал про Машу, более того, вообще ни о чем не предупредил. Значит ли это, что подвал действительно непроницаем для потусторонних сил? По крайней мере, пока всё выглядит именно так. Но тогда зачем снова объявился? Подтвердить, что смерть старика не случайна? Похоже на правду. Вот только эта чушь про параллельные слои, которые иногда пересекаются... «Параллельные прямые не пересекаются», — гласит школьная аксиома. Но реальность — не прямая, к тому же обычная логика вряд ли дорого стоит в той непостижимой конструкции миров, из которой явился Макс Грэй.

В городе Сергей оказался, когда стрелки на часах слились в одну, и куранты на здании железнодорожного вокзала пробили полдень. Без особых усилий найдя с виду приличный автосервис, Сергей оставил машину, попросив починить бампер как можно быстрее, и зашёл в японскую закусочную, расположенную в паре кварталов от издательства. До встречи с Семёнычем оставалось почти два часа, поэтому торопиться было некуда. Сергей заказал кофе со сливками и роллы «Филадельфия».

Ожидая заказ, ещё раз прокрутил в уме последнюю встречу с Грэм. А потом и прошлые встречи. Несмотря на абсолютную реалистичность этих встреч, не покидали сомнения в здравости собственного рассудка. Пусть до сих пор не замечал странных взглядов в свой адрес, вообще ничего подобного, но это ни о чём не говорит, ведь в последнее время он почти не появляется на людях, а Вика может умело скрывать беспокойство по поводу здоровья мужа. Вспомнилось зелёное свечение, исходившее из глаз жены. Ещё более невероятное, чем Макс Грэй, но видел его так же отчётливо. Будто взгляд ведьмы. К тому же Вика рыжеватая, если правильно помнит естественный цвет её волос. «Э-э, парень, тебя понесло», — шепнул внутренний голос.

— Приятного аппетита!

Он моргнул, снимая с глаз пелену, и увидел улыбающееся восточное лицо официантки с миниатюрным подносом в руках. Наверное, местная корейка, мелькнула мысль, скорее всего хозяева заведения отдадут предпочтение именно этому типуажу в связи со спецификой местной кухни.

— Спасибо, — поблагодарил он, принимая плоскую квадратную тарелку с полудюжиной роллов. Девушка одарила его рекламной улыбкой и упорхнула к столику новых посетителей.

Оставшись наедине с едой, Сергей отхлебнул кофе из кружки, которую украшал единственный иероглиф, выведенный красной эмалью. Значения иероглифа он не знал, но начертание всколыхнуло память, и Сергей, не успев понять, что с ним происходит, выудил из портфеля планшетник. Пальцы сами собой забегали по виртуальной клавиатуре. И как он мог утверждать, что у «Альбома» больше не может быть продолжения? Маленький трюк не сложнее рифмы палка-селёдка, и вот мир «Альбома» готов к продолжению своего существования. Сергей строчил набросок и при этом будто видел себя со стороны. Вот он бегаёт пальцами по экрану, а один из слоёв оживает, наполняется красками и объёмом. Ведь так просто и так непередаваемо восхитительно быть творцом! Он понял, что богу плевать на поклонение созданных им же персонажей, он и без того упивается силой и бесконечностью своего разума. Строчка за строчкой ложились закодированные в буквах образы на экран далёкого потомка пишущей машинки, а рядом остывал забытый кофе в кружке с красным иероглифом.

Три месяца спустя, развалившись в зале на диване, Сергей смотрел телевизор. Он уже и не помнил, кода в последний раз вот так проводил время. На журнальном столике стояло блюдо с тонко нарезанным солёным лососем, а в руке он сжимал стакан с холодным саке. По телику показывали выпускников, которые сегодня праздновали последний звонок. Мелькали банты, белые фартуки и букеты цветов. Интересно, подумал Сергей, операторы

специально делают так, чтобы бутылки шампанского, а то и беленькой не попали в кадр, или бывшие школьники так умело маскируют? Вспомнился свой последний звонок: заблёванный автобус, в котором класс возили по городским достопримечательностям, обоссанные штаны ботаника (имя вылетело из головы), который в первый раз в жизни попробовал алкоголь, и Лена Иванова, обычно аккуратная и застенчивая, без чувств лежит на лавке, а сзади, задрав её платье пристроился какой-то парень из параллельного класса. Но вместо чувства омерзения, воспоминание пробудило в сердце тихую грусть, и Сергей подумал, что становится одновременно чёрствым и сентиментальным.

— Старею, — сказал вслух и одним глотком осушил стакан.

В комнату с весёлыми воплями ворвалась Маша верхом на трёхколёсном велосипеде, сделала круг, зацепив стул, тот покачнулся и с грохотом рухнул, и умчалась прочь. Несколько мгновений спустя со стороны кухни раздался Викин крик, похоже, дочка уже там. Сергей выудил из-за дивана коробку, испещрённую надписями, из которых прочесть удалось лишь одну: «Made in Japan», и подлил sake в стакан. Сегодня он имеет полное право расслабиться. Продолжение «Альбома» с не слишком оригинальным названием «Альбом 5», на котором настоял маркетолог издательства, готово, и завтра состоится презентация. Сергею предлагали за счёт фирмы слетать в Москву и презентовать книгу в ЦДЛ, но он отказался, хотя деньги сулили неплохие. В памяти всплыл разговор с Семёнычем трёхмесячной давности. Тогда, засидевшись в японской закуской, он опоздал на встречу, явившись на двадцать минут позже.

— В пробке застрял? — спросил редактор, указывая гостю на кресло.

— Да нет, наброски кое-какие делал...

— О! Рад слышать.

Семёныч вскочил, отчего кресло облегчённо скрипнуло, и кинулся к стеклянному шкафу, выполнявшему роль мини-бара. Пухлые пальцы сгребли два стакана, другой рукой толстяк ухватился за горлышко огромной квадратной бутылки, наполовину заполненной тёмно-янтарного цвета жидкостью.

Заметив второй стакан, Сергей покачал головой:

— Я за рулём.

— Серж, ну глоточек-то со стариком можно. Сколько мы не виделись?

— Нет, Семёныч, ты же знаешь...

— Ну и ладно, — редактор махнул рукой, — а я выпью. Кстати, неплохой бурбон, рекомендую.

Сергей едва заметно кивнул, скорее из вежливости, и сообщил:

— У меня почти готов роман. И есть кое-какие наброски по «Альбому»...

— Ну, продолжай! — потребовал редактор, отвинчивая массивную крышку.

— Хочу, чтобы этот готовый роман вы тоже напечатали, причём, одновременно со следующим «Альбомом».

Толстяк опрокинул стакан, виски понеслись по пищеводу со звуком смываемой в унитаз воды. Помолчал несколько секунд, очевидно, обдумывая слова гостя.

— Я правильно размышляю, что этот твой роман совершенно не вписывается в концепцию, провозглашённую нашим издательством?

— Пожалуй, что так. Хотя я нигде не читал о ваших, цитирую: «концепциях», — Сергей постарался, чтобы улыбка не выглядела как насмешка.

— Ну, раз зубоскалишь, значит, не так всё плохо, — констатировал толстяк и уселся в кресло, которое снова скрипнуло, но на этот раз так жалобно, что Сергей услышал в этом скрипе предсмертный стон.

Они просидели больше часа, после чего Семёныч протянул ладонь с перстнем из по крайней мере полукилограмма золота и пожелал удачи. Контракт обязался подготовить в течение двух дней, и, как помнил Сергей, выполнил обещание в срок.

Он допил остатки sake, прихватил почти приконченную коробку и нехотя поднялся с дивана. Зачем-то улыбнулся икебанае, одиноко повисшей на бежевой стене. Похоже, ему

удалось обвести Макса Грэя вокруг пальца. Он сам пишет, и пишет так, как не делал этого раньше. Боковым зрением он увидел за окном пагоду, в ней не бывал с прошлого года, предпочитая черпать мысли не извне, а выковыривать из скопища извилин у себя в черепе. Наверное, это и есть настоящее творчество, мелькнула мысль и тут же растаяла, оставив после себя лишь тонкий аромат удовлетворения.

— Вы пишете по заранее составленному плану или творите что называется из головы?
— спросила бойкая журналистка, в огромных розовых очках похожая на мультяшную стрекозу.

— План, конечно, есть, — Сергей пожал плечами, разглядывая собравшуюся вокруг толпу журналистов и самых яростных поклонников, которым удалось пробиться в маленький зал краевой библиотеки. Вспышки фотоаппаратов, похожие на отблески дальнего салюта, отражались от потолка, отчего комната на долю секунды становилась светлее и просторнее. — Но и для импровизации места предостаточно. Всё-таки роман — работа не одного дня.

— Я знаю, у вас есть жена и маленькая дочка... — продолжала Стрекоза, не заметив насупленных взглядов коллег, которые ждали своей очереди задать вопрос, — Вы можете сказать, что для вас важнее — семья или творчество?

Сергей проглотил подступивший к горлу вязкий комок. Кто пустил сюда эту выскочку? Кто дал ей право лезть ему в душу, затрагивая самую болезненную тему, о которой сам старался не думать.

— Конечно, семья, как и для любого нормального человека, — протараторил он, титаническим усилием заставив губы растянуться в улыбке. — Но вторая ступенька на пьедестале — однозначно за творчеством.

Пытка тянулась и тянулась, Сергей чувствовал нарастающее раздражение. Но когда сосуд ярости готов был взорваться, оказалось, что зал пуст. Он несколько секунд сидел с занесённой для очередного автографа ручкой, после чего обернулся к притаившемуся у бюста Пушкину редактору.

— Я думал, ты сейчас кого-нибудь покалечишь, — вымученно улыбнувшись, прошептал Семёныч.

— Ты не представляешь, насколько я был близок к этому, — глухо сказал Сергей, вспомнив розовые очки Стрекозы.

Забравшись на сидение своего сузуки, Сергей ощутил себя пустым тюбиком из-под зубной пасты: вроде бы совершенно пуст, но при желании всегда можно выдавить ещё немного. И ещё, если потребуется. Он даже не был уверен, что в состоянии преодолеть дорогу до дома, но мозг уже начал выдавать новые порции идей. Пока намётки, не более, но физически чувствовал: его выжимают, как тот тюбик из-под пасты. «Хватит, не сейчас», — мысленно взмолился он, а тем временем боль запустила длинные иглы прямо в мозг. Он подумал, что внутренний голос мог быть сейчас кстати, но тот молчал.

Сергей тронулся в путь, а иглы в голове вонзались всё глубже на каждой дорожной выбоине. И ведь это центр города. Сергей с ужасом вспомнил дорогу на окраинах и подумал, что просто не сможет бороться с болью. Притормозив, сорвал упаковку с аптечки, надеясь найти какое-нибудь сильное обезболивающее, но стандартный пакет предлагал только цитрамон. Запить было нечем и он, закинув в рот сразу три таблетки, стал жевать. От горько-кислого вкуса желудок едва не вытолкнуло через глотку, Сергей даже на мгновение представил вывалившуюся изо рта кишку пищевода с шевелящимся утолщением на конце.

Наверное, таблетки сделали своё дело, потому что до дома добраться сумел, хотя до конца боль так и не прошла. Как и отвратительный привкус во рту. Уже свернув на свою улицу, подумал, что надо было в первом попавшемся магазине, коих вдоль трассы раскидано предостаточно, купить воды и запить к чертям эти таблетки.

Похоже, мозги практически отстранились от стандартной деятельности, сосредоточив все силы на творчестве, потому что за тот час, что заняла дорога, в голове

выкристаллизовалось столько идей, сколько в былые времена не рождалось и за полгода. Он с грустью подумал, что если бы не усталость и головная боль, смог бы в полной мере насладиться активностью собственного мышления, которое сегодня явно решило пойти на рекорд.

Занятый борьбой с раздражающими его ощущениями, Сергей не сразу заметил у своего дома две машины, которые меньше всего желал бы видеть. Жёлтая ГАЗель, со зловещим словом «реанимация» по всему борту и полицейская Тойота, в полумраке салона которой отчётливо выделяется силуэт фуражки.

Вжав педаль тормоза так, что внедорожник клюнул носом и полметра проскользил на заблокированных колёсах, Сергей выскочил из машины. Собирался направиться к полицейским, но путь преградил выступивший из-за приоткрытой задней двери ГАЗели человек в белом халате и такого же цвета помятом колпаке.

— Вы — хозяин дома? — спросил врач, жестом призывая Сергея остановиться.

— Да. Что здесь...

— Ваша жена? — перебил врач и ткнул пальцем в сторону забора. Сергей увидел Вику, спрятавшую лицо в ладонях и придерживающую её женщину, судя по одежде — медсестру.

Сергей почувствовал боль в груди и образовавшуюся за ней пустоту. словно все внутренние органы сжали в один комок и швырнули в пропасть.

— Что с Машей? — одними губами произнёс он.

Он подумал, что врач помедлит, раздумывая, как бы преподнести помягче. Во всяком случае в его, Сергея, мире доктор поступил бы именно так. Но врач из той реальности, в которой у Сергея жена и дочь, ответил сразу и с совершенно непроницаемым лицом:

— Энцефалит. Аллергическая реакция и последовавший за ней анафилактический шок. К сожалению, — Сергей мог поклясться, что не увидел в глазах эскулапа и намёка на сожаление, — наша помощь не потребовалась.

— Что это значит?

Врач снова несколько не смутился и, одарив Сергея стеклянным взглядом (точно как у рыбы, мелькнуло в голове), сказал:

— Мы прибыли через двадцать минут с момента вызова. У вас же в Серебряном нет реанимации... Сердце уже остановилось. Да и вряд ли мы могли что-то сделать — такая реакция на вирус случается крайне редко, и спасти пациента, даже если укус произойдёт прямо на реанимационном столе, практически невозможно. Индивидуальная особенность организма.

— Укус... — прошептал Сергей, прикрывая глаза.

Врач кивнул:

— Да. Клещ. Сейчас у них самая высокая активность.

Сергей не помнил, как просил показать ему ребёнка, как подходил к Вике и шептал ей на ухо, а потом яростно озирался, словно пытаясь что-то разглядеть в обступивших дом зарослях.

Очнулся он в кабинете. Ноздри дрогнули, уловив затхлость воздуха и взвешенные в нём частички пыли. Пыль покрывала и все горизонтальные поверхности. Сергей вспомнил, что не бывал в кабинете с начала весны, после того, как перебрался работать в подвал. Прислушался к мыслям и понял, что в голове пусто, нет даже ставших в последние месяцы навязчивыми картинок из всё новых и новых произведений, которых теперь столько, что не хватит и трёх жизней, чтобы суметь реализовать. Неожиданно, подчиняясь какому-то неосознанному порыву, рука сама дёрнулась к ящику стола. Тот скользнул по полозьям и замер. Сергей не мог поверить глазам: внутри ящика, на коробке из-под картриджа для принтера, лежала фигурка Чон Ту. Несмотря на малый размер, Сергей ясно увидел растянутые в омерзительной улыбке губы, а из глазных впадин амулета струился густой зелёный свет.